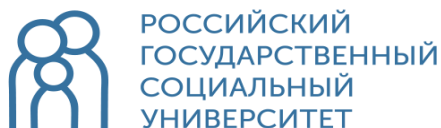

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

**«Российский государственный социальный университет»
(РГСУ)**

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

**«Пензенский государственный технологический университет»
(ПензГТУ)**

РОССИЯ В МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ГУМАНИТАРНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

**Материалы Международной научно-практической конференции
(Москва – Пенза, 11 декабря 2016 г.)**

**Москва – Пенза
2017**

УДК 81.39:81.271
ББК 81.2:71.0
Р17

Ответственные редакторы:

Жаткин Д.Н., доктор филологических наук, профессор, академик
Международной академии наук педагогического образования, почетный
работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник
науки и техники РФ, заслуженный работник культуры Пензенской области,
проректор по научной работе Пензенского государственного
технологического университета;

Круглова Т.С., доктор филологических наук, руководитель Центра русского
языка и культуры Управления международного сотрудничества Российского
государственного социального университета.

Редакционная коллегия:

*Токарев С.А., Мушкова В.В., Логвина О.А., Хамитов Э.И.,
Сандлер-Апевалина Е.О., Сервантес Б.*

Статьи даны в авторской редакции

Ответственность за содержание статей несут авторы статей

Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере [Текст]: материалы Международной научно-практической конференции (Москва – Пенза, 11 декабря 2016 г.) / отв. ред. Д.Н. Жаткин, Т.С. Круглова. – Москва – Пенза, 2017. – 326 с.

Статьи, опубликованные в сборнике, отражают результаты теоретических и экспериментальных научных исследований в области русской и зарубежной филологии, межкультурной коммуникации, методики преподавания русского языка как иностранного, проводимых учёными, преподавателями, аспирантами и студентами российских и зарубежных вузов. Публикуемые материалы предназначены для научно-педагогических работников, педагогов-практиков, административных работников образования, аспирантов, студентов.

УДК 81.39:81.271
ББК 81.2:71.0

© Российский государственный
социальный университет, 2017
© Пензенский государственный
технологический университет, 2017

ISBN 978-5-98903-248-8

СОДЕРЖАНИЕ

Секция 1. Зарубежная филология. Теория, история и практика межкультурной коммуникации

Л.Ф.Адлейба, Д.Д.Ажиба

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АДВЕРСАТИВНЫХ СОЮЗОВ *ABER* В НЕМЕЦКОМ, *BUT* В АНГЛИЙСКОМ, *АХА* В АБХАЗСКОМ ЯЗЫКАХ.....7

М.В. Амитрова, Е.А.Нелюбина

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ.....13

Я.А.Быкова

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ.....19

А.С.Викторова

СЛЕНГ И ВУЛЬГАРИЗМЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АМЕРИКАНСКОЙ ПЕВИЦЫ КЭТИ ПЕРРИ).....32

Е.С.Гордеева

АНГЛИЦИЗМЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ.....39

К.С.Давыдова

ПРЕОДОЛЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ТРУДНОСТЕЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ «КЕНТЕРБЕРИЙСКИХ РАССКАЗОВ» ДЖЕФФРИ ЧОСЕРА.....47

А.А. Иванова, О.И.Лыткина

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Ч.ДИККЕНСА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОЛИВЕРА ТВИСТА»).....54

Л.А.Лушникова

СВОЕОБРАЗИЕ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ О.УАЙЛЬДА.....61

О.С.Милотаева

ПРОИЗВЕДЕНИЯ АНГЛИЙСКИХ ПОЭТОВ XVII – XVIII ВВ. В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ Д.Е. МИНА.....70

Е.Р.Мирошина

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Э.Л. ЛИНЕЦКОЙ.....84

<i>С.Н.Пузырева</i> СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	96
<i>Л.И. Русяйкина</i> ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	102
<i>Е.А. Степанова</i> СПЕЦИФИКА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ВАРИАНТАХ.....	119
<i>Н.В. Струнина</i> ПРИРОДА СТЕРЕОТИПОВ И ИХ РОЛЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	127
<i>Д.Г. Трофименко</i> ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА НА УРОВНЕ ФОНЕТИКИ И ГРАФИКИ.....	135
<i>Н.В. Шимон</i> ПРОЯВЛЕНИЕ СИНЕРГЕТИКИ КОНЦЕПТА БРЕНД В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....	150
<i>Секция 2. Вопросы изучения и преподавания русского языка как иностранного. Технологии и практики обучения иностранных граждан в российских вузах</i>	
<i>Л.Н. Алешина</i> РОЛЬ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ФАКУЛЬТЕТА ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ В МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО.....	161
<i>И.А. Зайцева</i> УЧЕБНАЯ ЭКСКУРСИЯ НА ПОДГОТОВИТЕЛЬНОМ ФАКУЛЬТЕТЕ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ.....	165
<i>Г.В. Манукян</i> СИСТЕМА ЗАДАНИЙ ПО УСВОЕНИЮ МАТЕРИАЛА УЧЕБНОЙ ЭКСКУРСИИ (ДИСЦИПЛИНА «РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ИНОСТРАННЫЙ» – НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП).....	170

<i>О.А. Мусорина, С.Г. Сорокина</i> АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО.....	176
<i>В.В. Мушкова</i> РОЛЬ ПЕСЕН В ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО.....	186
<i>Л.В. Подина, Л.А. Доброхотова</i> ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РУССКОМУ ЯЗЫКУ.....	192
<i>М.А. Прохновский, А.А. Тишин</i> АНАЛИЗ МЕТОДИК ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ.....	198
<i>Я.В. Садчикова, Л.В. Шварева</i> ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В УСЛОВИЯХ ОБУЧЕНИЯ В ВОЕННОМ ВУЗЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	203
<i>А.С. Торосян</i> РОЛЬ СТИЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «УКУС АНГЕЛА» П.КРУСАНОВА).....	212
<i>Т.Н. Шумилина</i> ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В СТРАНАХ АФРИКИ (НА ПРИМЕРЕ ЭФИОПИИ, НИГЕРИИ, ТУНИСА).....	219
<i>Т.Н. Шумилина</i> ОСНОВЫ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ.....	224
<i>А.П. Шумилина</i> ОСОБЕННОСТИ УРОКА РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО.....	231
<i>А.П. Шумилина</i> РОЛЬ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАНЦЕВ	

(К ВОПРОСУ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО).....	235
---	-----

Секция 3. Русская литература в контексте мировой культуры

<i>И.В. Артамонова</i> НАПОЛЕОНОВСКИЙ КОМПЛЕКС В «ПИКОВОЙ ДАМЕ» А.С.ПУШКИНА КАК АРХЕТИПИЧЕСКИЙ КОД.....	240
---	-----

<i>М.В. Баканова, Н.Г.Кузнецова</i> СТРАНИЦЫ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО БЫТА В ПОВЕСТИ В.Г.РАСПУТИНА «ПРОЩАНИЕ С МАТЕРОЙ».....	255
--	-----

<i>В.А. Гавриков, Л.Г.Кихней</i> «СОЛНЦЕ МЁРТВЫХ» ИВАНА ШМЕЛЁВА И МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА (ОБ ИСТОРИИ ОДНОЙ ЦИТАТЫ).....	265
--	-----

<i>И.Ф. Головченко</i> ЛЕЙТМОТИВ ПУТЕШЕСТВИЯ В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИРИКЕ И В ПОЭЗИИ АКМЕИСТОВ.....	273
--	-----

<i>М.С. Заяц</i> НАЧАЛО ВЕКА: «ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЗРЕНИЕ» БОРИСА ЗАЙЦЕВА.....	281
---	-----

<i>С.М. Заяц</i> ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.....	290
---	-----

<i>Л.Г. Кихней, В.А.Гавриков</i> СТИХОТВОРЕНИЕ М. ВОЛОШИНА «ПОЭТУ» В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИИ НОРМАТИВНЫХ ПОСЛАНИЙ.....	301
--	-----

<i>У.А. Комиссарова</i> АРХЕТИПИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ТРИКСТЕРА В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ.....	314
---	-----

*Секция 1. Зарубежная филология. Теория, история и практика
межкультурной коммуникации*

УДК 81`44(075.8)

**СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
АДВЕРСАТИВНЫХ СОЮЗОВ *ABER* В НЕМЕЦКОМ, *BUT* В
АНГЛИЙСКОМ, *AXA* В АБХАЗСКОМ ЯЗЫКАХ**

*Л.Ф.Адлейба, Абхазский государственный университет, г. Сухум,
Республика Абхазия*

*Д.Д.Ажиба, Абхазский государственный университет, г. Сухум,
Республика Абхазия*

**COMPARATIVE ANALYSIS OF ADVERSATIVE CONJUNCTIONS
ABER IN GERMAN, *BUT* IN ENGLISH, *AXA* IN ABKHAZIAN
L.F.Adleiba, Abkhazian State University, Sukhum, Republic of Abkhazia
J.J.Azhiba, Abkhazian State University, Sukhum, Republic of Abkhazia**

Аннотация. Данная статья посвящена контрастивному исследованию адверсативных союзов *aber* в немецком, *but* английском, *axa* абхазском языках.

Ключевые слова: союзы, сложносочиненные предложения, *aber*, *but*, *axa*, адверсативный, прагматика.

Abstract. This article is dedicated to contrastive research of adversative conjunctions *aber* in German, *but* in English, *axa* in Abkhazian .

Key words: conjunctions, compound sentences, *aber*, *but*, *axa*, adversative, pragmatics.

e-mail: larisa57-09@mail.ru

В современной лингвистике одной из актуальных проблем является изучение союзов в разносистемных языках путем сравнительно-сопоставительного анализа. Союзы кратко характеризуются в трудах ряда

ученых-лингвистов (Блох И.Я., 1960; Крушельницкая К.Г., 1961; Абрамов Б.А., 1983; Адмони П.Г., 1985; Лебедев Ю.И., 1990; Холодов Н.Н., 1991; Фоменко И.В., 1995; Аристава Ш.К., Чкадуа Л.П., 2002) [см., например: 1; 2; 3; 4; 5, с. 107–115; 6, с. 159–164; 7, с. 232–234; 8, р. 507–519; 9, с. 76–92; 10, с. 365–369; 11, с. 95–104].

Союзы подразделяются на сочинительные и подчинительные. Рассмотрим сочинительные союзы, которые классифицируются в германистике на соединительные, копулятивные, адверсативные, консекутивные, каузальные, рестриктивные, партативные.

В абхазоведении сочинительные союзы подразделяются на разделительные, соединительные, противительные, сравнительные.

Наиболее частотными по своему употреблению в сопоставляемых языках, на наш взгляд, являются адверсативные союзы *aber* в немецком языке, *but* в английском, *аха* в абхазском.

Адверсативные союзы в сравнительно-сопоставительном языкознании, в частности, в германистике и абхазоведении являются недостаточно изученными. В связи с этим и определяется новизна и актуальность данной статьи.

Следовательно, для установления некоторых функциональных особенностей, рассмотрим контексты, содержащие исследуемые союзы в немецком, английском абхазском языках.

Сначала приведем примеры на немецком языке:

Pattilas: Ich verachte ihn.

Saat Angel: Ja, ja. Sie verachten ihn. Aber Sie haben ihn nicht umgebracht. [12, с. 83].

В данном диалогическом отрывке корректирующая часть выражает в саркастической форме неодобрение поведения собеседника, учитывая его хвастливый характер. Это можно подтвердить словами *ja, ja. Sie verachten ihn*. Сочетание лексем *ja... aber* носит адверсативный характер.

Pawel: Der Herr Suchlinow hat doch da seine Maschienen stehen. Das ist unser Handwerkzeug. Seine Fabrik gehört ihm, aber wenn er sie zumacht, nimmt er uns damit unser Handwerkszeug weg.

Die Mutter: Weil ihm euer Handwerkszeug gehört, wie mir mein Tisch.

Anton: Ja, aber finden Sie das denn richtig, daß ihm unser Handwerkszeug gehört? [13, c. 297].

В приведенном отрывке показана беседа между двумя действующими персонажами. В корригирующей части высказывания один из персонажей в заключительной ответной реплике выражает сомнение, внутреннее несогласие, выраженное в форме вопроса *ja, aber finden Sie das denn richtig...?* Наличие в контактной позиции сочетания лексем *ja, aber* придают контексту аргументативный характер.

Приведем пример:

Grusche: Sie sind hinter dem Kind her.

Die Bäuerlin: Aber wenn sie hereinkommen?

Grusche: Du darfst es ihnen nicht geben. Sag, es ist deins.

Die Bäuerlin: Ja, aber wenn sie's nicht glauben [13, c. 503].

В этом отрывке речь идет о действующих лицах, которые дают друг другу совет. В инициальной реплике один из персонажей поясняет другому, как вести себя в случае необходимости, а также рекомендует подтвердить его высказывания: *Sag, es ist deins. Ja, aber wenn sie's nicht glauben.* Однако в подтвердительной части высказывания показана неуверенность, сомнение.

При этом контактное расположение лексем *ja, aber* имеет в контексте логический характер.

Рассмотрим примеры на английском языке:

«Do you know what day it is?» I answered that it was the fourth of May. She shook her head as she said again:

«Oh, yes! I know that! I know that, but do you know what day it is?»

On my saying that I did not understand, she went on: «It is the eve of St. George's Day.» [14, c. 31].

Данный диалогический отрывок содержит беседу двух персонажей. В инициальной реплике одного из действующих лиц интересуется особое число, которое связано с днем Святого Джорджа. Это интеррогативное высказывание подкрепляется словами *I know that, but do you know what day it is?* В корригирующей части данного диалога следует тезис пояснительного характера *It is the eve of St. George's Day*. Наличие в контексте дистантно расположенного сочетания лексем *yes...but* носит логический характер.

MRS. ALLONBY. Life, Lady Stutfield, is simply a MAUVAIS QUART D'HEURE made up of exquisite moments.

LADY STUTFIELD. Yes, there are moments, certainly. But was it something very, very wrong that Mr. Allonby did? Did he become angry with you, and say anything that was unkind or true?

MRS. ALLONBY. Oh dear, no. Ernest is invariably calm. That is one of the reasons he always gets on my nerves. Nothing is so aggravating as calmness. There is something positively brutal about the good temper of most modern men. I wonder we women stand it as well as we do. [15, c. 18].

В данном отрывке адверсативный комплекс представлен препозитивным контекстом в инициальной части высказывания *but was it something very, very wrong that Mr. Allonby did?* Действующие персонажи обсуждают между собой острые моменты жизни Леди Статфилд. Однако в заключительной части реплики речь идет о мужчине, который раздражает окружающих своим чрезмерным спокойствием и при этом женщины задаются риторического вопроса *I wonder we women stand it as well as we do*. Наличие в контексте лексемы *but* носит пояснительный характер.

Таким образом, в результате исследования адверсативных союзов мы пришли к выводу, что сравнительно-сопоставительное изучение

противительных связей в разносистемных языках является актуальным в современной лингвистике. Как показывает исследование, противительные отношения широко употребляются в германистике и абхазоведении в диалогических и недиалогических контекстах. Адверсативные союзы *aber*, *but*, *аха* маркируют нарушение пресуппозиции, при этом носят логический характер (согласие, возражение, подтверждение, понимание, убеждение и т.д.), а также в контекстах их функционирования выполняют прагматические, противопоставительные, аргументативные функции.

Сопоставительная типология, представляя особый интерес для изучения, дает нам возможность выявить некоторые интегральные признаки исследуемых лексем в германистике и абхазоведении.

Список литературы

1. Адмони В.Г. *Введение в синтаксис современного немецкого языка*. – М.: Изд-во лит-ры на иностр.яз., 1955. – 392 с.
2. Аристава Ш.К., Чкадуа Л.П. *Грамматика абхазского языка*. – Сухум., 2002. – С.367–380.
3. Блох М.Я. *Вопросы классификации синтаксических связей в последовательностях предложений // Вопросы германо-романского языкознания и методики преподавания иностранных языков*. – Иркутск: Изд-во Иркутского гос.ун-та, 1960. – Т.1. – С.66–73.
4. Лазарев В.В. *Аргументативная лингвистика // Современные лингвистические парадигмы*. – Иркутск: Иркутск.гос.пед.ин-т, 1993. – С.66–68.
5. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *Поэзия английского романтизма в России: традиции и переводы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. – 2013. – №4 (28). – С. 107 – 115.

6. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К истории русской переводческой рецепции творчества А.Э.Хаусмена: переводы И.А.Кашкина (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки.* – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159 – 164.

7. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Вальтер Скотт и Брюлловы // *Мир науки, культуры, образования.* – 2013. – №3 (40). – С. 232 – 234.

8. Zhatkin D.N., Kruglova T.S. *Shakespeare in Marina Tsvetaeva's Eyes* // *Mediterranean Journal of Social Sciences.* – 2015. – Vol. 6. – №5. – Supplement 4. – P. 509 – 517.

9. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспировская тема в творчестве М.И.Цветаевой // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2015. – №4 (36). – С. 76–92.

10. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К.Чуковской // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* – 2015. – №9-2. – С. 365–369.

11. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.

12. *Hacks P. Stücke.* – Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1972. – 249 s.

13. *Brecht B. Stücke 2.* – Berlin-Weimar: Aufbau-Verlag; F./M.: Suhrkamp, 1988. – 474 s.

14. *Stoker B. Dracula. Enigma.* 2007. – P. 31.

15. *Wild O. A woman of no importance.* – Wordsworth. 2002. – P.18.

**МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ**

М.В. Амитрова, Военный институт (общевойсковой), г. Москва, Россия

*Е.А. Нелюбина, Пензенский государственный технологический
университет, г. Пенза, Россия*

**CROSS-CULTURAL COMMUNICATION AND THE FOREIGN
LANGUAGE TEACHING IN NON-LANGUAGE HIGHER INSTITUTE**

M. V. Amitrova, Military (Combined Arms) Institute, Moscow, Russia

E. A. Nelyubina, Penza State Technological University, Penza, Russia

Аннотация. Владение иностранным языком является важным фактором интеграции российских специалистов в международные профессиональные сообщества. Данное положение общественной жизни сказывается на усилении роли межкультурной коммуникации при обучении иностранному языку в неязыковом вузе. В данной работе авторы обращаются к некоторым элементам процесса обучения иностранному языку необходимым для осуществления эффективного межкультурного взаимодействия будущих специалистов.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, межкультурная компетенция, процесс обучения иностранному языку.

Abstract. Foreign language learning is the main fact or of the integration of Russian specialists into international professional societies. This statement of the social life influences the role of the cross-cultural communication via the process of the foreign language teaching in non-language higher institute. The authors of the article consider some elements of the foreign language teaching which are necessary for the realization of the cross-cultural interaction of the specialists to be.

Key words: cross-cultural communication, cross-cultural competence, process of the foreign language teaching.

Глобализация современного общества, интеграция России в мировое сообщество, приводят к развитию международных контактов в промышленной, экономической и социальной сфере. В отечественной экономике происходит расширение деятельности транснациональных корпораций, увеличивается количество межгосударственных технологических проектов и предприятий, что приводит к появлению временных и постоянных международных коллективов. В результате в профессиональной деятельности возрастают значение и масштаб обмена профессионально значимой информацией на иностранном языке. Все большее количество специалистов стоят перед необходимостью осуществлять свою профессиональную деятельность, используя иностранный язык. Таким образом, как никогда ранее возрастает роль иноязычной профессиональной и межкультурной коммуникации.

Современное представление о конкурентоспособном специалисте заключается в его способности решать сложные профессиональные задачи, позитивному отношению к зарубежным коллегам, уметь работать в международной команде, во владении коммуникативной и межкультурной компетенцией, самостоятельностью и способностью к самообучению. Для более глубокого изучения данной проблематики необходимо использование более эффективных методов и средств обучения иностранному языку, в том числе и с применением дистанционных технологий.

Изучение особенностей обучению межкультурной коммуникации связано с вопросами формирования иноязычной коммуникативной и межкультурной компетенций в процессе обучения иностранному языку и культуре (И.Л. Бим, В.В. Сафонова, П.В. Сысоев, И.Л. Плужник и др.), социокультурной компетенцией (В.В. Сафонова, Р.К. Миньяр-Белоручева, С.Г. Тер-Минасовой, Н.Д. Гальскова), применением методики интерактивного обучения (С.С. Кашлев, И.А. Неживлева, М.С. Скорина), Интернет-ресурсов в процессе обучения иностранному языку и культуре

(Е.С. Полат, Н.Н. Григорьева, А.Ю. Муратов, О.В. Казакова, В.Г. Апальков, М.Н. Евстигнеев, П.В. Сысоев).

При обучении межкультурной коммуникации предполагается работа с большим количеством информации на иностранном языке, что требует формирования интеллектуальных умений: умения отбирать, анализировать информацию, факты из различных сфер деятельности, выстраивать их в логической последовательности [2, с. 345]. Формирование практических навыков и умений общаться с представителями других культур подразумевает овладение знаниями культурных ценностей, практических умений использования фактов межкультурного общения людей. В процессе профессионального и межкультурного общения необходимо обращать внимание на развитие умений интерпретировать социальное поведение, оценивать обстановку в коллективе, представлять собственные идеи и проекты, соблюдая нормы профессиональной этики, отстаивать собственное мнение, выдвигать аргументы и контраргументы, пр.

Исследователями установлено, что в процессе обучения межкультурной коммуникации предполагается работа с большим количеством информации, что требует формирования в процессе обучения иностранному языку определенных умений поиска, выбора, использования полученных данных. Формирование способности корректировать своё коммуникативной поведение в соответствии с поведением партнера по общению связано с развитием интеллектуальных умений и навыков организации и осуществления межкультурной коммуникации: владение навыками общения и саморегуляции, умений сотрудничать, согласовывать свои действия и собеседника, умений отбирать необходимые факты, выстраивать их в логической последовательности, умений выстраивать свои высказывания, выдвигать аргументы и контраргументы [1, 3].

Эффективность и успешность деловых контактов определяется умением правильно выстроить общение на иностранном языке. В логике обучения межкультурной коммуникации ориентация на устное общение, на

овладение различными профессионально и социально значимыми темами, на умение применять их в конкретных ситуациях, а также на умение адекватно соотносить их с заданными целями общения и особенностями правильного языкового оформления выступает на первый план [2, с. 345]. Прогнозирование возможных реальных ситуаций общения неизбежно приведет обучаемых к анализу имеющихся в их распоряжении языковых средств выражения вопроса, представления, обращения, уточнения, заключения, извинения, просьбы, убеждения, оценивания, согласия, несогласия, поддержки, обобщения, сомнения, предложения, отказа, констатации и т.д.; а в отдельных случаях – к осознанию необходимости заучивания речевых стандартов, клише, формул этикета [1].

Формирование ценностного отношения к зарубежной и родной культуре необходимо рассматривать в курсе обучения иноязычному общению. Погружение в межкультурную коммуникацию связано с пониманием иноязычного контекста и актуализацией имеющихся и культурных ценностей. Таким образом, сам контекст характеризуется ценностно-смысловой насыщенностью и становится фундаментом и инструментом для формирования ценностей. Результатом такой работы является создание лично-значимого смысла как будущей профессиональной деятельности, так и индивидуальной ценности личности.

Анализ специфики использования метода проектов на занятиях по иностранному языку у различных учёных (О.А. Артемьева, И.Л. Бим, И.А.Зимняя, Г.А. Китайгородская, А.А. Леонтьев, Р.П. Мильруд, А.А.Миролюбов, Е.И. Пассов, Е.С. Полат, Г.В. Рогова) показал, что его применение в современных условиях обеспечивает построение и функционирование целостного процесса формирования межкультурной компетенции будущего специалиста.

В процессе выполнения различных проектов на иностранном языке студенты выполняют поисковую, исследовательскую, творческую деятельность. Они не только приходят к решению поставленной проблемы,

но и создают конкретный реальный продукт, применяя полученные знания об особенностях культурных реалий других народов [4].

Показывают возможность и умение применить полученные результаты, знания об особенностях социального поведения, на практике. В процессе работы над проектом студенты самостоятельно (индивидуально или в малых группах), без помощи преподавателя или при минимальной его помощи, выделяют из проблемной ситуации проблему, разбивают её на подпроблемы, выдвигают гипотезы их решения, исследуют подпроблемы и связи между ними, а затем возвращаются к основной проблеме, предлагают пути её решения. В ходе защиты проекта предусматривается широкое обсуждение на иностранном языке предлагаемых решений, оппонирование, дискуссия [1, 4].

Поэтому от участников проекта требуется умение аргументировать свою точку зрения, выдвигать контраргументы оппонентам, поддерживать дискуссию, приходить к компромиссу, знаний норм поведения при организации и проведении дискуссии. Все эти умения, отражают специфику межкультурной коммуникации. Выполнение проекта позволяет сформировать у студентов навыки организовать, самостоятельно, ответственно провести исследование в заданной области, знания культурных и социальных особенностей, социального поведения, что поможет им в дальнейшем реализовывать более сложные проекты в их профессиональной деятельности [2; 5, с. 455–462].

В процессе обсуждения различных профессиональных ситуаций выявляются противоречия социокультурного плана, выдвигаются аргументы и контраргументы, выстраивается логика доказательности позиции выступающего. Вместе с тем, студенты учатся рассматривать проблему со всех сторон, рассуждать и формулировать свою точку зрения на иностранном языке. Причем, студенты должны чётко делать выводы по проблемам изучения, а не просто перечислять факты, аргументировать и доказывать свою точку зрения. Данные требования к ведению дискуссии позволяют, хотя и не сразу, сформировать коммуникативные качества, определенную

культуру речи, например, выслушивать собеседника до конца не перебивая, задавать ему вопросы, опровергать его суждения или, напротив, соглашаться с ним, развивая мысль [3].

Таким образом, мы считаем, что при обучении межкультурной коммуникации в процессе обучения иностранному языку в вузе у студентов формируются социальные установки организации и осуществления межкультурного взаимодействия, социально значимые качества, необходимые для эффективного достижения результатов профессиональной деятельности.

Список литературы

1. *Виноградова О.С. Формирование иноязычной коммуникативной компетенции с использованием проблемных методов обучения ИЯ на продвинутом этапе специализированного вуза (На материале английского языка): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 : Москва, 2003.*
2. *Гаврилова И. К. Проектировочная деятельность будущих инженеров на занятиях иностранного языка // Молодой ученый. – 2009. – №10. – С. 345-348.*
3. *Герасимова И. Г. Структура межкультурной компетенции // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – №67. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/struktura-mezhkulturnoy-kompetentsii>*
4. *Полат Е.С. Метод проектов на уроках иностранного языка // Иностранные языки в школе. – 2002. – № 2,3.*
5. *Степанов М.С. Новые методы развития и закрепления фоновых знаний при обучении практике перевода английского языка // Инновационные компетенции и креативность в исследовании и преподавании языков и культур: Сборник научных трудов I Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции / Под ред. С.Н.Курбаковой, Г.П.Бакулева. – М., 2009. – С. 455–462.*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

*Я.А.Быкова, Институт гуманитарного образования и тестирования,
г. Пенза, Россия*

THE PECULIARITIES OF TRANSLATION OF SCIENTIFIC-TECHNICAL TEXTS

Ja.A.Bykova, Institute of humanitarian education and testing, Penza, Russia

Аннотация. В работе исследованы основные особенности и характеристики, имеющиеся в научно-технических текстах английского языка; рассмотрены причины возникновения трудностей в переводческом процессе; выделены приемы и способы перевода с учетом стилистических, лексических и грамматических особенностей английского языка.

Ключевые слова: научно-технический перевод, межкультурная коммуникация, терминология.

Abstract. This article considers the main peculiarities and characteristics regarding scientific-technical texts in English, the origin of translation difficulties by translating, means and ways of performing the translation in the aspect of stylistic, lexical and grammatical specialties of English language.

Keywords: scientific-technical translation, intercultural communication, terms.

E-mail: ostrovskaya9410@gmail.com

Исследуя художественный и научно-технический перевод, можно выделить то, что главная сложность перевода художественной литературы заключается в передаче не только внешних фактов и описаний, но и в сохранении психологических и эмоциональных элементов, заключенных в тексте [см.: 1, p. 509 – 517; 2, с. 116–135; 3, с. 107 – 115; 4, с. 173–189; 5, с. 58–69; 6, с. 37–46; 7, с. 172–176; 8, с. 110–114; 9, с. 161–165; 10, с. 280–284; 11; 12; 13, с. 5958–5962; 14, с. 203–206; 15, с. 736–740; 16, с. 159–164; 17, с. 3–11; 18, с. 693–697; 19, с. 215–222; 20, с. 232–234; 21, с. 145–149; 22, с. 76–

92; 23, с. 169–172; 24, с. 151–153; 25, с. 90–92; 26, с. 365–369; 27, с. 95–104]. Научно-технический текст же лишен этих особенностей, что значительно упрощает работу для переводчика, которому следует точно передать мысль автора и лишь по возможности сохранить особенности его стиля.

Обращая внимание на специфическую сложность научно-технического перевода, отметим, что актуальными будут являться понятие информационного поля и степень совпадения информационных полей передающего и воспринимающего. Информационное поле – это объем знаний коммуникантов в ограниченной области деятельности. Выделяют высокое, частичное и нулевое совпадение информационных полей коммуникантов. Специалисты какой-либо технической области имеют высокую или частичную степень совпадения информационных полей. Информация, которой владеет переводчик в данной конкретной области, будет менее полной или стремиться к нулю, т. к. переводчик не является специалистом данной технической области и оперирует, прежде всего, отрезками речи с учетом организации лингвистических единиц, структурирования речи и выявления ее функциональной направленности.

Для правильного понимания и, следовательно, безошибочного перевода технических текстов, переводчику необходимо обладать соответствующими знаниями в данной области, а именно: знать английскую терминологию и придерживаться ее единства, знать соответствующую русскую терминологию и хорошо владеть русским литературным языком.

Также сложности заключаются в необходимости соблюдения языковых норм. Перевод должен осуществляться без грамматических и орфографических ошибок, ошибок в синтаксисе, лексике и согласовании времен. Одновременно не должно нарушаться единство стиля, оно должно соответствовать области применения перевода. Должны отсутствовать слова-паразиты, неосновательные повторы. Переводимый текст должен быть легко воспринимаемым, при этом сохраняя синтаксическую структуру оригинала текста.

Помимо соблюдения языковых норм, особое внимание следует уделить смысловым ошибкам, т. е. ситуациям, когда переводчик не может передать суть оригинала. В отдельных случаях смысловые ошибки оказывают более негативные и непредсказуемые последствия, чем простое несоблюдение норм орфографии и стилистики.

Нарастающие темпы научно-технического прогресса обуславливают появление большого количества новых специальных понятий и соответствующих им терминов, вместить которые не способен ни один словарь одной области знания, в другой области этот же языковой знак может означать другое понятие.

Первостепенно необходимо перевести специальную лексику: термины, профессионализмы и другие словосочетания, не являющиеся общеупотребительными. В английском языке один термин может иметь несколько русских понятий, неверная интерпретация такого слова приведет к искажению смысла всего предложения.

Выполнение перевода однозначных терминов типа *hydrogen*, *hydrosphere* с использованием словаря не вызывает затруднений.

По-другому обстоит ситуация, когда одному английскому термину соответствует несколько русских, например, английское слово «Bearing» в русском языке имеет несколько значений:

- подшипник;
- относительное положение;
- опорное давление;

Слово «Indicator» также имеет несколько значений:

- индикатор;
- указатель;
- счетчик.

В данной ситуации осознанный выбор аналога может диктоваться лишь отличным знанием предмета, в котором осуществляется перевод.

Таким образом, переводчику приходится производить сложную альтернативную подстановку при передаче многозначных слов и слов с широкой понятийной основой, для которых характерна множественная семантическая эквивалентность, предполагающая поиск нужного семантического соответствия на основании учета условий контекста.

Приведем пример.

Исходный текст: *Most of the modern radio-transmitters can communicate both telegraph and telephone signals.*

Переводчик, не знакомый с радиоделом и специальной русской терминологией по данной дисциплине, перевел бы это предложение так:

Перевод 1: *Большинство современных радиопередатчиков может посылать как телеграфные, так и телефонные сигналы.*

В то время как технически грамотный перевод должен быть следующим:

Перевод 2: *Большинство современных радиопередатчиков может работать как в телеграфном, так и в телефонном режиме.*

Главными характеристиками русского технического стиля являются: строгая ясность изложения, четкость определений, лаконичность формы.

Сложности возникают, когда переводчику необходимо полно и точно передать мысль автора, соблюдая особенности русского технического стиля, и одновременно пресекать возникновение в русском тексте специфических черт английского оригинала. Другая сложность заключается в наличии особых грамматических явлений, которые присущи только исходному языку.

Для английского языка характерно скудное количество окончаний. Рассмотрим следующий пример: «The points being measured are attached to the surface of the Earth, which is continually moving due to crustal dynamics and other localized deformations». Присутствующие в данном предложении три глагольные формы, оканчивающиеся на -ed (measured, localized, attached), в предложении не являются однородными, а выполняют разные функции:

определений и сказуемого соответственно, что, безусловно, следует учитывать при переводе.

Широко распространены в научных англоязычных текстах несвойственные русскому языку обороты с неличными формами глагола, тогда как русскому научному стилю более свойственны безличные или неопределенно-личные обороты. Например, причастие настоящего времени в страдательном залоге «being measured» в вышеприведенном предложении находится в постпозиции по отношению к определяемому им существительному (points), поэтому при переводе на русский язык используется либо страдательное причастие настоящего времени («измеряемые»), либо придаточное определительное («которые измеряются»). Английский инфинитив в функции определения часто также переводится с помощью придаточного предложения. Поэтому предложение «The first development to be highlighted is the rapid urbanization» переводится как «Первое обстоятельство, которое следует отметить, – это стремительная урбанизация».

В описательных английских текстах часто употребляют будущее время для выражения обычного действия. Опираясь на контекст, на русский язык надлежит переводить такие предложения не будущим, а настоящим временем, иногда с модальным оттенком:

Исходный текст: *The zinc in the dry cell accumulates a great many excess electrons which will move to the carbon electrode.*

Перевод: *Цинк в сухом элементе аккумулирует большое число избыточных электронов, которые движутся к угольному электроду.*

Еще одну сложность при переводе английских технических текстов представляет нередко встречающиеся пассивные конструкции, в то время как в русском языке их используют значительно реже. Следовательно, переводчику необходимо заменять пассивные конструкции другими средствами выражения, чтобы придать тексту более свойственный русскому языку вид. В русском языке одну и ту же мысль можно выразить разными

способами. В английском же языке возможна только одна конструкция предложения:

Исходный текст: *This equipment was bought according to the contract.*

Перевод: а) Это оборудование закупили по контракту;

б) Это оборудование было куплено по контракту;

в) Это оборудование закупалось по контракту.

Создатели английских технических текстов часто используют разные сокращения, которых нет в русском языке, например:

– EMF (electromotive force) – электродвижущая сила;

– COD (chemical oxygen demand) – химическая потребность в кислороде;

– DM (dry matter) – сухие вещества;

– HF (hyperfiltration) – гиперфльтрация;

– BP (boiling point) – точка кипения и др.

Подобные сокращения в переводе должны расшифровываться и даваться полным обозначением.

Сложность представляют некоторые слова или выражения в английском тексте, которые содержат чуждый нашему языку образ. Переводчику необходимо прибегать к поиску аналогов, т. е. использовать выражения, которые соответствовали бы по смыслу и были более понятными для русского текста. Приведем пример.

Исходный текст: *We have learned to manufacture dozens of construction materials to substitute iron.*

Вместо *dozen* (дюжина) в русском языке обычно в таких случаях употребляется слово десятков.

Перевод: *Мы научились производить десятки строительных материалов, заменяющих железо.*

Еще одной трудностью при обучении переводу научно-технических текстов с иностранного языка на русский выступают несовпадения научного стиля речи в рамках различных языков. Так, В. Е. Абрамов и Э. С. Чуйкова

противопоставляют научный стиль русского и английского языков: если первому свойственны академичность, обилие теоретических выкладок и терминологии, а также «многочисленные пояснения», то для англоязычного научного стиля характерны большая доступность, наличие «ярких примеров, экспрессивных лексических единиц». Поэтому переводчику приходится осуществлять нейтрализацию экспрессивных стилистических средств английского языка, чтобы соответствовать принятому в российской науке стилю изложения.

Научно-технический текст насыщен специальными терминами, которые зачастую отсутствуют не только в общих, но и в специальных (терминологических) словарях. Такие новые термины (неологизмы), которые ещё не зарегистрированы в словарях, составляют относительно большой процент всей лексики в научно-технической литературе. Примеры неологизмов в американской литературе: *breakthrough* – важное открытие, достижение; *backup* – дублирующий агрегат, деталь, дублирование, задел; *coupling* – внедрение, доведение; *facility* – завод, лаборатория, установка, оборудование; *fall-out* – сопутствующий (побочный) результат; *penalty* – ухудшение (качества, характеристик), потери; *state-of-the-art(s)* – уровень (состояние) развития науки или техники; *trade-off* – сравнительные оценки, принятие компромиссных решений, согласование, сопоставление; *troubleshooting* – выявление недостатков (неполадок).

В английском и русском языках широко используются слова, образованные от латинских и греческих слов. Иногда они оказываются «ложными друзьями переводчика», т. е., имея сходное звучание в русском и английском языках, они различаются по своим значениям, поэтому часто вызывают ошибочные ассоциации. Например, английский термин «resin» означает не «резина», а «смола». Слово «compass», кроме значения «компас», имеет значение «циркуль». Глагол «to control» означает «управлять, регулировать» и крайне редко – «контролировать». Соответствующее существительное «control» – «управление, регулирование». Слово «controls»

вовсе не является формой множественного числа от «control», а означает «систему управления»; «to simulate» – «моделировать», отсюда существительное «simulator» может означать «тренажёр» (flight simulator) или «интегратор». Примеры «ложных» друзей переводчика: *balance* – весы; *factor* – коэффициент; *commutator* – коллектор; *meter* – счётчик, измерительный прибор; *armature* – якорь электрической машины; *accurate* – точный; *integral(a)* – неотъемлемый, существенный, целый; *dramatic* – поразительный, замечательный, исключительно сильный; *actual* – фактический; *progressive* – постепенный; *specific* – чаще «удельный», а не «специфический»; *original* – первоначальный; *extra* – добавочный, дополнительный, лишний; *technique* – метод, способ, методика; *to process* – обрабатывать.

При работе с оригинальными источниками необходимым является применение переводческих трансформаций. Часто предложения, словосочетания либо части текста невозможно дословно интерпретировать. В иностранных языках очень много выражений, терминов, оборотов, которые не свойственны русскому языку. В результате источник адаптируется, трансформируется, конкретизируется.

По мнению Л. С. Бархударова, все виды преобразований или трансформаций, возникающих в процессе перевода, можно свести к четырем типам:

Перестановки – это изменение расположения компонентов предложения в переводимом тексте по сравнению с текстом оригинала. Компонентами, подверженными перестановкам, являются обычно слова, словосочетания, части сложного предложения и самостоятельные предложения в строе текста. Приведем пример.

Исходный текст: *The low temperature physics deals with various phenomena, which take place at the temperature close to absolute zero.*

Перевод: *Физика низких температур изучает различные явления, которые происходят при температуре, близкой к абсолютному нулю.*

В данном случае «physics» и «the low temperature» были переставлены местами, чтобы достичь логичности предложения при переводе на русский язык.

Замены – наиболее часто применяемый и многообразный вид трансформации. Замена могут подвергаться грамматические и лексические единицы, в связи с чем можно говорить о грамматических и лексических заменах. К грамматическим относятся следующие типы: замена форм слова, замена частей речи, замена членов предложения (перестройка синтаксической структуры предложения), синтаксические замены в сложном предложении;

Исходный текст: *Electrons forming an atom are in motion.*

Перевод: *Электроны, которые образуют атом, находятся в движении.*

В этом предложении причастие можно перевести придаточным определительным предложением.

Исходный текст: *Regardless of these details, the temperature can be altered at least 500° C by choosing gases with widely different hydrodynamic and thermodynamic properties.*

Перевод: *Независимо от этих особенностей, температура может быть повышена, по крайней мере, до 500С°, при условии выбора газов с самыми различными гидродинамическими и термодинамическими свойствами.*

В данном случае произведена замена слова «details» – «детали, элементы» на слово «особенности», так как идет речь именно об особенностях. Также сделано уточнение словосочетания «by choosing» – «выбор газа», в результате чего было получено «при условии выбора газов».

Добавления – это тип переводческой трансформации, основа которого заключается в восстановлении при переводе опущенных в иностранных языках «уместных слов».

Исходный текст: *Selection of a specific elastomer to perform the specific duties must include consideration of many factors.*

Перевод: *Процесс выбора конкретного эластомера для выполнения конкретных задач, должен включать в себя рассмотрение многих факторов.*

С целью уточнения смысла предложения в перевод было включено слово «процесс», которого не было в исходном варианте текста.

Опущение – явление, прямо противоположное добавлению. Под понятием опущение имеется в виду опущение тех или иных «избыточных» слов, возникающих при переводе.

Исходный текст: *Static stress, if held to practical limits, is not the major criterion for determining service life of the elastomer.*

Перевод: *Статическое напряжение, не является основным критерием для определения срока службы эластомеров.*

В результате перевода данного предложения фраза «if held to practical limits» («в случае практических ограничений») была опущена, т. к. при переводе на русский язык не является важной.

В рамках одного предложения научно-технического текста может заключаться огромное количество определенных технических характеристик; это необходимо, чтобы обеспечить соответствующую полноту предложения.

Технический текст ориентирован на передачу информации; поскольку подобные тексты не обладают образностью, при их переводе почти всегда сохраняется полная информация, заключенная в оригинале.

Понятие лингвистического перекодирования выдвигается на передний план, тогда как интерпретирующие подходы к переводу, основанные на толковании, оказываются менее существенными. Здесь не идет речь о невозможности появления различных вариантов одного технического текста, а имеется в виду значительное снижение вариативности, ограничивающейся, в основном, уровнем синтаксических структур технического текста.

Компонент «экзотичности» («чужого»), впрочем, присутствует и в технических текстах, например, в указаниях на иностранные фирмы,

иностранных производителей или неизвестные культуре переводящего языка марки продукции. В целом ряде случаев подобные отсылки к реалиям оригинала могут не иметь принципиального значения для переводчика, который подчиняет перевод текста одной установке – доступности информации для получателя речи на языке перевода.

Список литературы

1. Zhatkin D.N., Kruglova T.S. *Shakespeare in Marina Tsvetaeva's Eyes // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Vol. 6. – №5. – Supplement 4. – P. 509 – 517.*

2. Жаткин Д.Н. Освоение творчества Р.Бернса русской литературой второй половины 1850 – 1870-х гг. // *Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – №6 (38). – С. 116–135.*

3. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Поэзия английского романтизма в России: традиции и переводы // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – №4 (28). – С. 107 – 115.*

4. Жаткин Д.Н. К вопросу о русских переводах произведений английской романтической литературы с языков-посредников // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – №6. – С. 173–189.*

5. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Русская тема» в литературном творчестве Альфреда Теннисона в контексте русско-английских общественных и литературных связей XIX в. // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – №2. – С. 58–69.*

6. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Леди из Шалотта» в русских переводах конца XIX века // *Филологические науки. – 2009. – №2. – С. 37–46.*

7. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэтический цикл Альфреда Теннисона «In Memoriam» в русских переводах XIX – начала XX в. // *Вестник*

Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2009. – №4. – С. 172–176.

8. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Дора» в русских интерпретациях XIX – начала XX в. // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – №4. – С. 110–114.

9. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Художественные особенности произведений Альфреда Теннисона в осмыслении Д.Н.Садовникова // Вестник Читинского государственного университета. – 2009. – №3. – С. 161–165.

10. Жаткин Д.Н., Куликова Т.Г. Роберт Бернс в ранних русских переводах (к постановке проблемы) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – №5 (61). – С. 280–284.

11. Круглова Т.С. Адресованная лирика русского модернизма: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2013.

12. Круглова Т.С. «Адресованная» лирика Марины Цветаевой: коммуникативно-жанровый аспект: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008.

13. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспир и М.И. Цветаева // Фундаментальные исследования. – 2015. – №2. – Ч. 26. – С. 5958 – 5962.

14. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Традиции творчества Дж.-Г.Байрона и байронические мотивы в лирике И.И.Козлова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – №4. – С. 203 – 206.

15. Жаткин Д.Н. Томас Мур в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10. – Ч. 4. – С. 736 – 740.

16. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К истории русской переводческой рецепции творчества А.Э.Хаусмена: переводы И.А.Кашкина (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // XXI век:

итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159–164.

17. *Жаткин Д.Н. Ода сельскому уединению // Русская речь. – 2009. – №5. – С. 3–11.*

18. *Жаткин Д.Н. Роберт Бернс и К.И.Чуковский // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – №3-4. – С. 693–697.*

19. *Жаткин Д.Н. Русская переводческая рецепция поэзии Роберта Бернса (1880–1910-е гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2016. – №3. – С. 215–222.*

20. *Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Вальтер Скотт и Брюлловы // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – №3 (40). – С. 232–234.*

21. *Жаткин Д.Н. Творчество Р.Бернса в восприятии современных российских переводчиков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10-1. – С. 145–149.*

22. *Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспировская тема в творчестве М.И.Цветаевой // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №4 (36). – С. 76–92.*

23. *Степанов М.С. Принцип деграмматикизации в переводе // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2011. – №10. – С. 169–172.*

24. *Степанов М.С. К проблеме определения категорий эмоции и стиля с семиотической точки зрения // Человеческий капитал. – 2011. – №11 (35). – С. 151–153.*

25. *Степанов М.С. Знак, коннотация, стиль: взаиморазвитие // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – №4 (104). – С. 90–92.*

26. *Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К.Чуковской // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №9-2. – С. 365–369.*

27. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. –2014. – №2 (30). – С. 95–104.

УДК 81.25

**СЛЕНГ И ВУЛЬГАРИЗМЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ МУЗЫКАЛЬНЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ АМЕРИКАНСКОЙ ПЕВИЦЫ КЭТИ ПЕРРИ)**

*А.С.Викторова, Пензенский государственный технологический
университет, г. Пенза, Россия*

**SLANG AND VULGAR LANGUAGE IN INTERCULTURAL
COMMUNICATION (ON THE MATERIAL OF MUSICAL WORKS
TEXTS BY AMERICAN SINGER KATY PERRY)**

A.S. Victorova, Penza State Technological University, Penza, Russia

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению таких лексических пластов речи, как сленг и вульгаризмы в английском языке и их переводу на русский язык, а также их роли в межкультурной коммуникации. Эта тема раскрывается на основе оригинальных текстов музыкальных произведений американской певицы Кэти Перри.

Ключевые слова: сленг, вульгаризмы, Кэти Перри, американский сленг, межкультурное взаимодействие, тенденции современного языка.

Abstract. This article is devoted to consideration of such lexical layers of speech, like slang and vulgarisms in the English language and their translation into Russian language as well as their role in intercultural communication. This topic is revealed on the basis of musical works original texts by American singer Katy Perry.

Key words: slang, vulgarisms, Katy Perry, American slang, intercultural communication, trends in modern language.

E-mail: sasha.victory2015@yandex.ru

Сленг представляет собой довольно «закрытую» сферу языка. До сих пор не существует конкретного определения данного термина, и некоторые лингвисты продолжают спорить и отстаивать свою точку зрения относительно данного понятия. Наиболее точное и показательное описание «сленга» представлено в известной работе Дж. Б. Гриноу и Дж. Л. Киттриджа: «сленг – язык-бродяга, который слоняется в окрестностях литературной речи и постоянно старается пробить себе дорогу в самое изысканное общество» [4, с.157].

В современном мире сленг все больше и больше оказывает воздействие на нормативную лексику. В языке возникают новые слова и выражения, которые характерны только для определенных групп или слоев населения. Например, военный сленг, театральный сленг, студенческий сленг и т.д. [4, с. 126]. Постепенно эти выражения начинают использовать в своей речи другие люди, не принадлежащие к какой-либо определенной группе.

Сленг является неотъемлемой частью нашей жизни. Его можно встретить в языке современной художественной литературы, СМИ, кино- и музыкальной индустрии. Люди привыкают к нему, и порой не задумываются о том, что некоторые слова совсем не характерны для литературного языка. Мы не знаем историю их возникновения, а порой даже значения, но это совершенно не мешает нам использовать их в своей речи.

Стоит выделить такой особый пласт речи, как вульгаризмы. Это особые слова, которые не принято употреблять в литературном языке, но часто их используют в просторечных оборотах речи [4, с. 207]. Согласно общепринятому мнению, их употребление в речи просто неприлично и означает низкий уровень культурного развития говорящего. Хотя именно в этом и заключается одно из важнейших отличий русского и английского, а тем более и американского языков, поскольку большинство англичан и

американцев привыкли к употреблению такого вида высказываний в повседневной речи.

Изучение сленга может оказать большую помощь при изучении того или иного иностранного языка, ведь данный вид лексики завоевывает все новые и новые сферы употребления [3].

Для того, чтобы выполнить адекватный перевод англоязычного произведения, необходимо знание данной лексики, поскольку она очень часто встречается во многих литературных произведениях и фильмах. Но для многих английских выражений в русском языке просто нет подходящего эквивалента. Вероятно, этим и объясняется не совсем точный перевод подобных высказываний, которые нам приходится слышать по телевизору, радио и т.д.

Для наиболее полного раскрытия данной темы, будет рассмотрено творчество популярной американской певицы Кэти Перри, а именно употребление сленга и вульгаризмов в текстах песен данной певицы. Очень часто данная лексика используется RnB-исполнителями, а также рок-музыкантами. Но нередко их можно услышать и в исполнении поп-музыкантов

Кэти Перри – известная американская певица, продюсер, композитор и актриса. В ее копилке огромное количество престижных наград, также она была тринадцать раз номинирована на премию «Грэмми». В 2012 году она была признана женщиной года по версии журнала *Billboard*. Перри пока единственный артист, которому удалось продержаться 69 последовательных недель в лучшей десятке чарта *Billboard* Hot 100 [2].

Итак, был проведен анализ 10 песен данной певицы. Особенно частое использование сленгизмов и вульгаризмов характерно для таких песен как: *California Gurls (Girls)* (оригинал Katy Perry feat. Snoop Dogg), *Last Friday Night (T.G.I.F.)*, *Teenage Dream* (оригинал Katy Perry), *Dark Horse* (оригинал Katy Perry), *This is how we do* (оригинал Katy Perry) [1].

Можно выделить ряд особенностей характерных для творчества Перри. Во-первых, для нее характерно употребление большого количества сокращений: «*gotta*», «*gonna*», «*wanna*», «*I'm gon`*», «*cause*», «*I was tryna*», «*sippin`*», образованные от *get* (получить), *going to* (собираться что-либо делать), *want* (хотеть), *because* (потому что), *try* (пытаться), *sipping* (потягивать). Во-вторых, особенно часто встречается слияние слов: «*whatcha*», «*atcha*», «*kinda*», образованные от *what are you* (что ты), *at you* (на тебя), *kind of* (вроде, как будто) [1; 6, с.79].

Также в некоторых песнях используются выражения из американского молодежного сленга, которые довольно сложно перевести на русский язык, не зная их контекстуального значения: «*Daisy Dukes*» – девушка, которая всегда носит короткие шортики, демонстрируя длинные ноги (Daisy Duke – главная героиня сериала *Dukes of Hazzard*), «*But lil`tama so dope*» - но эта крошка так одурманивает, «*Shawty so bad*» – девочка – отпад (в данном выражении опускается использование вспомогательного глагола), «*It`s a blacked out blur*» - я ни черта ни помню (дословный перевод выглядит как «это в тумане»), «*Straight stuntin*» – но очень-очень круто, «*Try`na to creep a little sneak peek*» – пытаюсь подкрасться и хоть одним глазком взглянуть [1; 6, с.150–160].

Еще одной особенностью является использование видеоизмененных графических форм слов: «*yeah*» (yes), «*yep*» (yes) , «*ya*» (you) [1].

Перри использует некоторые вульгаризмы: «*Damn!*» – черт, «*Checking out hotties*» – и любит симпатяшками, «*we took too many shots*» – пили больше, чем могли, «*DJ`s passed out in the yard*» – диджей окочурился во дворе, «*my clique hopping in my Maserati*» – моя банда запрыгивает в «Мазерати», «*So we heat the boulevard*» – на бульваре расколбас. [1], [5, с.68]

Другой отличительной особенностью является употребление метафоричных сленговых выражений: «*There`s a pounding in my head*» – голову от боли ломит, «*we maxed out credit cards*» – все потратили мы в

раз, «*to all you people going to bed with a ten*» – для тех, кто ложится спать навеселе, «*waking up with a two*» – а утром еле-еле встает, «*I tell the punchline wrong*» – когда неправильно рассказываю концовку анекдота. [1], [5, с.53]

Исходя из проведенного анализа текста песен, можно сделать вывод, что основной тенденцией в образовании сленгизмов является сокращение, так как этот способ экономит время и языковые средства. Также стоит отметить, что часто встречаются сленговые выражения, связанные с определенными персонажами того или иного фильма или телепередачи, так как они вызывают ассоциации в сознании человека. Нередко можно услышать и довольно вульгарные или грубые выражения и жаргонизмы.

Согласно мнению некоторых экспертов, запас сленгизмов в речи среднестатистического американца составляет 10-20% от всего лексического запаса речи. Это примерно 2000 слов. Таким образом, сленг это тот пласт речи, который с каждым днем становится все больше и больше. Появляются новые слова и выражения, которые постепенно входят в общий обиход. [3]

Для получения грамотного и адекватного перевода, переводчик должен изучать культуру той страны, к которой принадлежит исходный язык перевода [см., в частности, в работах М.С.Степанова: 7, с. 111–115; 8; 9, с. 109–116; 10, с. 90–92; 11; 12, с. 169–172; 13, с. 151–153]. Нужно следить за нововведениями и тенденциями в области языка, ведь это является необходимым условием межкультурной коммуникации. Быть понятым и услышанным представителями иной культуры – это залог хорошего взаимодействия и налаживания перспективных отношений между людьми. А переводчик – это связующее звено между ними, и именно от него зависит передача той или иной информации, в том числе и через художественное, поэтическое творчество [см., например: 14, с. 58–69; 15, с. 37–46; 16, с. 172–176; 17, с. 110–114; 18, с. 161–165]. При этом, очень важно уловить и осмыслить полученную информацию на родном

языке и интерпретировать ее на языке перевода, учитывая разницу культур и людского менталитета двух стран.

Список литературы

1. Амальгама лингво – лаборатория <http://www.amalgama-lab.com/>
2. Википедия – свободная энциклопедия <https://ru.wikipedia.org/wiki>
3. Волошин Ю.К. Американский сленг в разговорной речи // Лингвистические единицы разных уровней и их функциональные характеристики. – Краснодар, 1982. – с. 13 – 17.
4. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. – М.: Высшая школа, 1977. – 334 с.
5. Голденков М.А. Осторожно hot dog! – М.: ИПООО «ПРОАРТБУК», 1999. – 179 с.
6. Московцев Н.Г., Шевченко С.М. Вашу мать, сэр! Иллюстрированный словарь американского сленга. – СПб.: Питер, 2004. – 100 с.
7. Степанов М.С. Прагматические аспекты поэтического перевода // Научно-информационный журнал Армия и общество. – 2010. – №2. – С. 111–115.
8. Степанов М.С. Денотация и коннотация в поэтическом дискурсе (на материале произведений классической и современной испанской поэзии): Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2007.
9. Степанов М.С. Поэтическое как научный объект: аспекты реконструкции // Научно-информационный журнал Армия и общество. – 2007. – №3. – С. 109–116.
10. Степанов М.С. Знак, коннотация, стиль: взаиморазвитие // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – №4 (104). – С. 90–92.

11. Степанов М.С. *Поэтический дискурс. Поэтический знак.* – М., 2011.
12. Степанов М.С. *Принцип деграмматикализации в переводе // Ученые записки Российского государственного социального университета.* – 2011. – №10. – С. 169–172.
13. Степанов М.С. *К проблеме определения категорий эмоции и стиля с семиотической точки зрения // Человеческий капитал.* – 2011. – №11 (35). – С. 151–153.
14. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. *«Русская тема» в литературном творчестве Альфреда Теннисона в контексте русско-английских общественных и литературных связей XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2010. – №2. – С. 58–69.
15. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. *Поэма Альфреда Теннисона «Леди из Шалотта» в русских переводах конца XIX века // Филологические науки.* – 2009. – №2. – С. 37–46.
16. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. *Поэтический цикл Альфреда Теннисона «In Memoriam» в русских переводах XIX – начала XX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология.* – 2009. – №4. – С. 172–176.
17. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. *Поэма Альфреда Теннисона «Дора» в русских интерпретациях XIX – начала XX в. // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова. Серия Гуманитарные науки.* – 2010. – №4. – С. 110–114.
18. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. *Художественные особенности произведений Альфреда Теннисона в осмыслении Д.Н.Садовникова // Вестник Читинского государственного университета.* – 2009. – №3. – С. 161–165.

АНГЛИЦИЗМЫ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

*Е.С. Гордеева, Институт гуманитарного образования и тестирования
(г. Пенза, Россия)*

ANGLICISMS IN GERMAN LANGUAGE

*E.S.Gordeeva, Institute of humanitarian education and testing (Penza,
Russia)*

Аннотация. В статье осмысливается лингвокультурологический аспект изучения проблемы заимствования. Данная статья исследует степень влияния заимствованных слов английского происхождения на немецкий язык. Кроме того, она позволяет оценить как масштабы и тенденции данного лингвистического явления, так и его причины.

Ключевые слова: лингвистика, лексическое заимствование, внутреннее заимствование, диалектное заимствование.

Abstract. In this article is being considered the linguoculturological aspect of studying of a problem of loan from English into German. The influence of these english origin words on German language is examined, as well as reasons, scale and main trends of this linguistic concept.

Key words: linguistics, lexical loan, inner loan, dialectal loan.

E-mail: trokat@mail.ru

Как известно, наличие в системе любого языка заимствованных лексем является результатом процесса взаимодействия языка донора и языка реципиента, а также результатом взаимодействия языковых культур.

С этой точки зрения можно выделить два аспекта изучения проблемы заимствования – лингвокультурологический и лингвофилософский.

В настоящее время в современной лингвистике имеет место развитие теории коммуникации. Это означает, что производится комплексное

изучение взаимодействия человека, языка, им используемого, и культуры. Проблемы лингвокультурологического и страноведческого плана активно изучаются и разрабатываются во всех направлениях языкознания [1, с. 107–115; 2, с. 137–144; 3, с. 736–740; 4, р. 509–517; 5, с. 225–241; 6, с. 203–206]. Следует отметить, что изучение языка тесно связано с изучением культуры народа, для которого данный язык является родным.

Рассмотрим подробнее лингвокультурологический аспект. Лингвокультурологическое направление в науке возникло в XX веке. Возникновение этого научного направления обусловлено тем, что в XX веке значительно вырос интерес к проблемам языка и культуры. Согласно В.А.Масловой, лингвокультурология – это наука, возникающая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Предметом исследования в лингвокультурологии служит устройство и уклад различных языков. В лингвокультурологии язык рассматривается как средство, с помощью которого происходит процесс хранения и накопления культурологической информации [7; 8; 9, с. 232–234; 10, с. 159–164; 11, с. 3–8; 12, с. 3–11; 13, с. 9–13; 14, с. 3–6; 15, с. 280–284; 16, с. 172–176; 17, с. 58–69; 18, с. 110–114; 19, с. 161–165; 20, с. 173–189; 21, с. 693–697; 22, с. 215–222; 23; 24; 25, с. 111–115; 26, с. 365–369; 27, с. 95–104; 28, с. 109–116].

Процесс заимствования является достаточно активным в межкультурной коммуникации. Лингвокультурологический аспект заимствования подчеркивает тот факт, что языковые единицы, имеющие иноязычное происхождение, попадая в систему языка реципиента, несут с собой культурологическую информацию. Появление новых заимствованных понятий в языке является результатом обмена информацией между двумя культурами.

Согласно Л. Блумфилду, процесс заимствования включает в себя следующие аспекты, связанные с лингвокультурологией:

– заимствование культуры носителей языка донора;

– внутреннее заимствование, являющееся результатом языковых контактов, происходящих в условиях политической или территориальной близости двух народов;

– диалектные заимствования, проникающие в литературную форму языка из его диалектных вариантов. Данные заимствования не являются иноязычными.

В результате приобретения большого количества заимствований возникают новые инокультурные концепты в принимающем языке. При рассмотрении проблемы заимствования через призму лингвокультурологии главным вопросом будет являться вопрос о том, каким образом влияют заимствования из иностранного языка на язык и культуру языка реципиента.

Одним из важнейших лингвокультурных явлений, имеющих место в области языка, является явление, непосредственно связанное с проблемой заимствования – «вестернизация». Данное явление является следствием появления большого количества иноязычных заимствований, а именно англицизмов, в языке-реципиенте. Вестернизация в языкознании – это развитие языка по западной модели, т. е. приближение грамматики, синтаксиса, состава лексики языка, подверженного вестернизации, к виду грамматики, синтаксиса языка-донора (в частности, английского). Также вестернизация может вызвать и более серьезные изменения, например, изменение письменности, перестройку традиционных форм вежливости, существенное развитие системы лексических единиц, которые являются взаимопереводимыми по отношению к западноевропейским языкам (т. е. лексические единицы, обозначающие явления, которые никак не обозначены в языке-доноре, перестают быть употребляемыми). Рассматривая проблему заимствования как лингвокультурное явление, можно подчеркнуть, что излишнее заимствование иноязычных слов ведет к архаизации и маргинализации традиционных форм языка-реципиента, имеющих долгую историю и лингвокультурный аспект значения. В свою очередь архаизация традиционных языковых форм ведет к обеднению языка, в котором

присутствует большое количество заимствований. Если рассматривать именно английский язык в качестве языка-донора, то необходимо отметить, что заимствование слов совершается только в одном направлении: английский язык почти всегда выступает в качестве языка-донора, а любой другой язык является реципиентом. При этом существует опасность доминирования английского языка над языком реципиентом.

При рассмотрении проблемы заимствований в рамках лингвокультурологии, важным является вопрос принятия или непринятия заимствованных иноязычных слов (англицизмов) носителями языка-реципиента. Лингвокультурология занимается поиском причин того или иного отношения к иноязычным заимствованиям. Процессы заимствований из английского языка, который считается настоящим «*lingua franca*» во многих отраслях знаний и аспектах жизни, часто сопровождаются резко негативной реакцией со стороны той части носителей языка-реципиента, которая отказывается принимать данные заимствования. Причиной такого явления является контакт культур, которые имеют противоречащие системы норм и ценностей.

С точки зрения лингвокультурологии можно выделить следующие виды заимствований:

– нулевые заимствование или нулевые концепты, т. е. заимствование, используемые в принимающем языке без смысловой дифференциации; такие заимствования просто замещают слова языка-реципиента, имея тот же смысл (фейс, тэйбл);

– квази-концепты или квази-заимствования, которые обозначают реалии, предметы, образы, заимствуемые из культуры языка-донора (сканер, принтер); в заимствованиях такого типа представляется невозможным найти какие-либо этнокультурные признаки;

– паразитарные концепты или паразитарные заимствования. Данные заимствования являются иноязычными лексическими единицами, обозначающими те реалии и мыслительные образования, для определения

которых в принимающем языке уже есть слова. Вместе с тем паразитарные концепты придают обозначаемым предметам некий дополнительный смысл, например, особенность, престижность, что-то отличающее обозначаемый предмет от других (*секонд-хэнд*). Паразитарные заимствования имеют сходство с нулевыми, но все-таки придают образам дополнительный смысл;

– чужие, иноязычные частнооценочные заимствования или концепты.

Данные концепты фиксируют ценности культуры языка-донора. Они выделяют смысловые объекты, которых не существует в принимающей культуре.

Главной особенностью заимствований в рамках лингвокультурологии является наличие в них ценностного отношения, свойственного другой культуре. Вместе с собой заимствования приносят в принимающий язык и принимающую культуру признаки успешной личности, эталоны поведения и успешного образа жизни и т. д.

В рамках лингвофилософии проблема заимствования также является актуальной. Главным вопросом, связанным с проблемой заимствований в лингвофилософии, является то, стоит ли препятствовать проникновению заимствований в национальный язык, каково влияние иноязычных заимствований на народное самосознание носителей языка-реципиента и на их духовность. В рамках философии заимствование рассматривается как элемент чужой картины мира и передатчик мировоззрения, свойственного носителям языка реципиента.

Одним из первых философов, рассматривавших проблему заимствований с точки зрения философии, был Мартин Хайдеггер. По его мнению, изучение заимствованных единиц заключается в проведении этимологического анализа этих единиц, что в свою очередь ведет к истокам их возникновения и истокам истории того или иного народа.

Список литературы

1. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Поэзия английского романтизма в России: традиции и переводы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – №4 (28). – С. 107 – 115.
2. Жаткин Д.Н. Английская романтическая поэзия в русских переводах 1840 – 1850-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология. – 2008. – №3. – С. 137–144.
3. Жаткин Д.Н. Томас Мур в восприятии и осмыслении К.И. Чуковского // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10. – Ч. 4. – С. 736 – 740.
4. Zhatkin D.N., Kruglova T.S. Shakespeare in Marina Tsvetaeva's Eyes // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Vol. 6. – №5. – Supplement 4. – P. 509 – 517.
5. Жаткин Д.Н. Русские переводы Р.Бернса и У.Блейка в восприятии К.И. Чуковского // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. II: Сб. науч. тр. – М.: Флинта; Наука, 2014. – С. 225–241.
6. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Традиции творчества Дж.-Г. Байрона и байронические мотивы в лирике И.И. Козлова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – №4. – С. 203 – 206.
7. Круглова Т.С. Адресованная лирика русского модернизма: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2013.
8. Круглова Т.С. «Адресованная» лирика Марины Цветаевой: коммуникативно-жанровый аспект: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008.
9. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Вальтер Скотт и Брюлловы // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – №3 (40). – С. 232 – 234.
10. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К истории русской переводческой рецепции творчества А.Э. Хаусмена: переводы И.А. Кашкина (по материалам

Российского государственного архива литературы и искусства) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159 – 164.

11. Жаткин Д.Н., Долгов А.П. Пери в русской поэзии // Русская речь. – 2007. – №3. – С. 3 – 8.

12. Жаткин Д.Н. Ода сельскому уединению // Русская речь. – 2009. – №5. – С. 3–11.

13. Жаткин Д.Н. «Чаша жизни» в русской поэзии // Русская речь. – 2006. – №1. – С. 9 – 13.

14. Жаткин Д.Н. Загадка Филомелы // Русская речь. – 2006. – №3. – С. 3 – 6.

15. Жаткин Д.Н., Куликова Т.Г. Роберт Бернс в ранних русских переводах (к постановке проблемы) // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – №5 (61). – С. 280–284.

16. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэтический цикл Альфреда Теннисона «In Memoriam» в русских переводах XIX – начала XX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология. – 2009. – №4. – С. 172 – 176.

17. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Русская тема» в литературном творчестве Альфреда Теннисона в контексте русско-английских общественных и литературных связей XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – №2. – С. 58–69.

18. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Дора» в русских интерпретациях XIX – начала XX в. // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – №4. – С. 110–114.

19. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Художественные особенности произведений Альфреда Теннисона в осмыслении Д.Н.Садовникова // Вестник Читинского государственного университета. – 2009. – №3. – С. 161–165.

20. Жаткин Д.Н. К вопросу о русских переводах произведений английской романтической литературы с языков-посредников // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – №6. – С. 173–189.

21. Жаткин Д.Н. Роберт Бернс и К.И.Чуковский // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – №3-4. – С. 693–697.

22. Жаткин Д.Н. Русская переводческая рецепция поэзии Роберта Бернса (1880–1910-е гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2016. – №3. – С. 215–222.

23. Степанов М.С. Поэтический дискурс. Поэтический знак. – М., 2011.

24. Степанов М.С. Денотация и коннотация в поэтическом дискурсе (на материале произведений классической и современной испанской поэзии): Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2007.

25. Степанов М.С. Прагматические аспекты поэтического перевода // Научно-информационный журнал Армия и общество. – 2010. – №2. – С. 111–115.

26. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К.Чуковской // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №9-2. – С. 365–369.

27. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.

28. Степанов М.С. Поэтическое как научный объект: аспекты реконструкции // Научно-информационный журнал Армия и общество. – 2007. – №3. – С. 109–116.

**ПРЕОДОЛЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ТРУДНОСТЕЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ
«КЕНТЕРБЕРИЙСКИХ РАССКАЗОВ» ДЖЕФФРИ ЧОСЕРА**

*К.С. Давыдова, Институт гуманитарного образования и тестирования (г.
Пенза, Россия)*

**THE SOLUTION OF THE LINGUISTIC DIFFICULTIES BY
TRANSLATING «THE CANTERBURY TALES»
BY GEOFFREY CHAUCER**

K.S.Davydova, Institute of humanitarian education and testing (Penza, Russia)

Аннотация. В статье рассматриваются способы перевода имеющихся языковых трудностей в «Кентерберийских рассказах» Джеффри Чосера. «Кентерберийские рассказы» – памятник английской литературы XIV века, который требует тщательного изучения. Именно поэтому мы ставим перед собой цель детального и подробного изучения переводческих проблем, встречающихся в «Кентерберийских рассказах» Чосера.

Ключевые слова: «Кентерберийские рассказы», дескриптивный метод, перевод.

Abstract. The article deals with the translation ways of linguistic difficulties met in «The Canterbury Tales» by Geoffrey Chaucer. «The Canterbury Tales» is a monument of XIV century English literature, which requires careful consideration. That is why we decided to study carefully problems by translating Chaucer's «The Canterbury Tales».

Key words: «The Canterbury Tales», descriptive method, translation.

E-mail: ksenijadavydva212@rambler.ru

Становление английского национального языка связано с появлением на литературной арене монументальной фигуры Джеффри Чосера, творчество которого является одним из наиболее выдающихся литературных

явлений Англии XIV века [1, с. 3–15; 2, р. 509–517; 3, с. 5958–5962; 4, с. 76–92].

Чосер был для Англии тем же, что Данте для Италии – «последним поэтом Средних веков и первым поэтом нового времени». Он отличался от своих современников тем, что сумел преодолеть ограниченность английской культуры того времени, безраздельно господствовавшие религиозные формы идеологии, сумел подняться выше своих современников в понимании социальной действительности, веяний нового [5, с. 58–60; 6, с. 225–241; 7, с. 173–189; 8, с. 107–115; 9, с. 159–164; 10, с. 736–740; 11, с. 3–8; 12, с. 3–11; 13, с. 3–6; 14, с. 232–234; 15, с. 110–114; 16, с. 58–69; 17, с. 37–46; 18, с. 161–165; 19, с. 199–206; 20, с. 693–697; 21, с. 106–110].

Смелое обращение Чосера к общенародному английскому языку, изображение пестрой галереи действующих лиц, принадлежащих к различным общественным группам, индивидуализация речи персонажей, широта охвата почти всех сторон жизни современного Чосеру английского общества дают нам право считать «Кентерберийские рассказы» классическим письменным памятником, отражающим состояние общенародного английского языка XIV века.

Творчество Чосера рассматривается как в литературоведческом, так и в лингвистическом аспектах.

Интерес, который с течением времени лишь возрастает, обуславливается рядом причин. Так, в связи с процессами мировой глобализации, внимание многих ученых устремлено к изучению процессов национального культурогенеза, в частности к тем авторам и произведениям, с которыми связаны истоки важнейших национальных литературных и культурных традиций. Именно таким автором и является Джеффри Чосер, – не зря его называют «отцом английского литературного языка», «отцом английской литературы», ведь именно он впервые стал употреблять в своих произведениях английский язык, а не французский или латынь, как это было ранее. Творчество Чосера по мнению многих ученых считается вершинным

достижением в английской литературе того периода, который принято называть «Высоким или Зрелым Средневековьем».

Чосер относится к числу тех выдающихся личностей, которые, благодаря своему яркому художественному таланту в сочетании с правильным пониманием тенденций в развитии языка, могут существенно влиять на его дальнейшее развитие. Подлинная народность, общенациональный характер и высокие художественные достоинства произведений делают язык поэта зеркалом общенародного языка современной ему эпохи, памятником национального языка на очень важном этапе его развития – этапе формирования. Чосер был одним из первых поэтов Англии, писавших на английском языке, при этом язык его поэзии почти не отличался от языка прозы, за исключением неизбежных мелких изменений, которые всегда вызываются соображениями поэтического размера и рифмы.

Мастерство Чосера заключается именно в том, что его язык и его поэзия были ясными, понятными, изысканными и обработанными. Он создал единый язык, который был близок студенту и ремесленнику, монаху и придворному; его язык, в котором соединились черты книжности и разговорности, лёг в основу английского литературного разговорного языка.

Английский язык XIV века характеризуется ликвидацией деления существительных на классы по принципу основ и утратой системы склонения, распадом категории грамматического рода, постепенной утратой двух форм прилагательных (неопределенной и определенной) и унификацией их в одной форме, отсутствием какого-либо согласования прилагательных в роде и падеже, а с XV века и в числе с определяемым существительным, начавшимся распадом системы глаголов с чередованием, выразившимся в переходе глаголов из одного класса в другой, и постепенным уничтожением одной из форм прошедшего времени за счет другой его формы и причастия; унификацией групп глаголов, характерных для древнеанглийского периода; переходом ряда глаголов с чередованием в группу глаголов с суффиксацией, вполне сложившейся, морфологически и синтаксически оформленной

системой притяжательных местоимений, развитием системы временных форм, что получило свое выражение в окончательном становлении форм перфекта (Present и Past Perfect), будущего времени, зарождении форм Continuous и других, окончательным оформлением страдательного залога, довольно свободным (сравнительно с современным) порядком членов предложения, однако менее свободным, чем в предыдущий период, достаточно интенсивным развитием всех типов придаточных предложений, наличием значительного слоя скандинавских и французских заимствований, которые проникают даже в основной словарный фонд английского языка.

Отбор выразительных средств в «Кентерберийских рассказах» определяется жанром каждого из рассказов. Так, в рассказе эпического плана Дж. Чосер следует существовавшим традициям в изображении героя: портрет почти отсутствует, характеристика героя трафаретна, формальна и вполне соответствует канонам рыцарского романа. Однако в прологе и в рассказах, которые можно отнести к жанру фаблю, Чосер отходит от трафаретов средневековой литературы и, в частности, через эпитет, достигает яркой индивидуализации характера и портрета героя. Большую роль в преодолении традиционного использования художественного определения играет приём иронии.

В использовании Джеффри Чосером художественных средств отразились как старые эстетические воззрения эпохи, так и элементы нового отношения к ним. В период английского Возрождения происходит изменение семантико-стилистических функций художественных средств, чему в немалой степени способствовало появление «Кентерберийских рассказов».

Все многообразные окказиональные реализации фразеологических единиц в «Кентерберийских рассказах» Чосера сводятся к совокупности отдельных приёмов, представляющих собой единую и сложную систему. Средства окказионального преобразования фразеологических единиц, зафиксированные у Чосера, выступают как частное проявление системы приёмов окказионального преобразования фразеологических единиц

среднеанглийского языка второй половины XIV века. В систему средств окказионального преобразования фразеологических единиц входят элементарные и сложные приёмы. Наиболее рекуррентными элементарными приёмами в «Кентерберийских рассказах» являются вклинивание, добавление, инверсия, развернутая метафора.

«Кентерберийские рассказы» – единственное произведение английской литературы XIV века, отразившее некоторые характерные черты нелитературной формы языка данной эпохи. Коллоквиализмы были употреблены Чосером как стилистический приём индивидуализации речевой характеристики некоторых героев из простого сословия. В подавляющем большинстве случаев для коллоквиализмов, употреблённых в рассказах людей из народа, мы находим литературные синонимы в речи героев из благородного сословия.

В работе затронуты далеко не все аспекты темы «язык Джеффри Чосера», остается нераскрытым целый ряд аспектов, например, изучение влияния английских авторов (таких, как Вильям Лэнгленд, Джон Гауэр) и их произведений на творчество Джеффри Чосера.

Список литературы

1. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспир глазами Марины Цветаевой // *Художественный перевод и сравнительное литературоведение. IV: Сборник научных трудов.* – М.: Флинта; Наука, 2015. – С. 3 – 15.

2. Zhatkin D.N., Kruglova T.S. Shakespeare in Marina Tsvetaeva's Eyes // *Mediterranean Journal of Social Sciences.* – 2015. – Vol. 6. – №5. – Supplement 4. – P. 509 – 517.

3. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспир и М.И. Цветаева // *Фундаментальные исследования.* – 2015. – №2. – Ч. 26. – С. 5958 – 5962.

4. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспировская тема в творчестве М.И.Цветаевой // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2015. – №4 (36). – С. 76–92.

5. Жаткин Д.Н., Орлова Н.Ю. Н.В. Гербель – переводчик фрагментов пьесы Кристофера Марло «Эдуард II» // *Культурная жизнь Юга России*. – 2010. – №3. – С. 58 – 60.

6. Жаткин Д.Н. Русские переводы Р.Бернса и У.Блейка в восприятии К.И.Чуковского // *Художественный перевод и сравнительное литературоведение. II: Сборник научных трудов*. – М.: Флинта; Наука, 2014. – С. 225–241.

7. Жаткин Д.Н. К вопросу о русских переводах произведений английской романтической литературы с языков-посредников // *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. – 2008. – №6. – С. 173–189.

8. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Поэзия английского романтизма в России: традиции и переводы // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. – 2013. – №4 (28). – С. 107 – 115.

9. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К истории русской переводческой рецепции творчества А.Э.Хаусмена: переводы И.А.Кашкина (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки*. – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159 – 164.

10. Жаткин Д.Н. Томас Мур в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2015. – №10. – Ч. 4. – С. 736 – 740.

11. Жаткин Д.Н., Долгов А.П. Пери в русской поэзии // *Русская речь*. – 2007. – №3. – С. 3 – 8.

12. Жаткин Д.Н. Ода сельскому уединению // *Русская речь*. – 2009. – №5. – С. 3–11.

13. Жаткин Д.Н. «Лебедь Авзонии» // *Русская речь*. – 2008. – №1. – С. 3 – 6.

14. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Вальтер Скотт и Брюлловы // *Мир науки, культуры, образования*. – 2013. – №3 (40). – С. 232 – 234.

15. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Дора» в русских интерпретациях XIX – начала XX в. // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – №4. – С. 110–114.

16. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Русская тема» в литературном творчестве Альфреда Теннисона в контексте русско-английских общественных и литературных связей XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – №2. – С. 58–69.

17. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Леди из Шалотта» в русских переводах конца XIX века // Филологические науки. – 2009. – №2. – С. 37–46.

18. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Художественные особенности произведений Альфреда Теннисона в осмыслении Д.Н.Садовникова // Вестник Читинского государственного университета. – 2009. – №3. – С. 161–165.

19. Жаткин Д.Н. Д.Г.Россетти в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 2. – №1 (23). – С. 199–206.

20. Жаткин Д.Н. Роберт Бернс и К.И.Чуковский // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – №3-4. – С. 693–697.

21. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (А.А. Блок, члены литературного общества «Аргонавты») // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – Вып. 10. Филология. – С. 106–110.

УДК 81.25 +008

**ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА РЕАЛИЙ АНГЛИЙСКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ НА РУССКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ
РОМАНА Ч.ДИККЕНСА «ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОЛИВЕРА ТВИСТА»)**

*А.А. Иванова, Российский государственный социальный университет,
г. Москва, Россия*

*О.И. Лыткина, Московский государственный университет им. М.В.
Ломоносова, г. Москва, Россия*

**PROBLEMS OF INTERPRETING OF REALITY OF ENGLISH
LINGUISTIC CULTURE INTO RUSSIAN LANGUAGE (ON THE
MATERIAL OF THE NOVEL «OLIVER TWIST» WRITTEN BY
CHARLES DICKENS)**

A.A. Ivanova, Russian State Social University, Moscow, Russia

O.I. Lytkina, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы художественного перевода с точки зрения межкультурной коммуникации. На материале романа Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста» и его переводов на русский язык предлагаются методы и способы перевода реалий английской лингвокультуры, незнакомой для большинства русских читателей, на русский язык.

Ключевые слова: английский язык, русский язык, перевод, переводоведение, межкультурная коммуникация, Ч. Диккенс, «Приключения Оливера Твиста».

Abstract. The article deals with problems of literary translation from the point of intercultural communication. Methods and ways of translation of English linguistic and cultural realities, unknown to most Russian readers, into Russian language on the material of the novel «Oliver Twist» written by Charles Dickens and its translations into Russian language.

Key words. English language, Russian language, interpreting, translation studies, intercultural communication, Ch. Dickens, «Oliver Twist».

В современной лингвистике актуальность исследований взаимосвязи языка и культуры обусловлена многими причинами, в числе которых

необходимость контакта с представителями другого/чужого лингвокультурного коллектива. Как известно, язык не только связан с культурой, он «произрастает» из нее, является ее выразителем. Язык – средство, которое позволяет сохранить культуру в текстовом варианте. В связи с чем возникает ряд научных дисциплин, предметом изучения которых становятся взаимоотношения языка и культуры: межкультурная коммуникация, лингвокультурология, этнолингвистика, лингвострановедение и др.

Межкультурный аспект перевода особенно важен для адекватной и эквивалентной передачи текста оригинала. В связи с чем возникает необходимость в наличии фоновых знаний переводчика, без которых затруднительным становится понимание коммуникативного замысла автора, главного условия адекватного перевода. Решить возникшую проблему можно путем специальной подготовки переводчика (чтение биографии писателя, его современников, воспоминаний о нем, литературы о культуре того времени и т.д.). Но возникает и другая проблема: как переводчику добиться того, чтобы его фоновые знания стали фоновыми знаниями читателя?

Цель нашей работы – рассмотреть проблему перевода реалий английской лингвокультуры на русский язык. Материалом исследования послужил роман Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста» и его перевод на русский язык, выполненный Александрой Кривцовой и Евгением Ланном. В настоящее время этот перевод признается одним из самых удачных. Переводчики считали, что перевод должен быть технически точным. Позднее их концепция была подвергнута резкой критике представителями школы И. Кашкина, в частности Норой Галь, которая называла переводы Е. Ланна «сухими, формалистическими, неудобочитаемыми». По мнению других, приведенное мнение является пристрастным и не во всем соответствует действительности.

При анализе перевода Кривцовой и Ланна нами были отмечены моменты, в которых, как мы считаем, переводчики допустили неточность,

что определенным образом ставит под сомнение эквивалентность и адекватность перевода некоторых частей. Наконец это может повлиять на восприятие произведения читателем и непонимание им данных моментов. Адекватность и эквивалентность перевода являются критериями оценки качества перевода. В самом общем смысле адекватность перевода понимается как соответствие переведенного текста цели перевода [7]. Эквивалентность же понимается как мера сходства между исходным текстом и его переводным вариантом [7].

Реалии – те слова, которые называют некие объекты, которые характерны для быта и культуры одного народа, при этом зачастую неизвестные носителям других языков [3]. Специальная лексика - это слова, используемые в определенной сфере, деятельности человека [7]. Неточный и неадаптированный для неспециалистов перевод реалий и специальной лексики может не только осложнить понимание текста, но и привести к неправильному пониманию того или иного фрагмента в романе. Нами были выявлены следующие моменты, которые очевидно вызовут трудности при прочтении романа «Приключения Оливера Твиста».

Например, оригинальный текст «It's all passed safe through *the melting-pot*,' replied Fagin, 'and this is your share» [10;93] был переведен следующим образом: «Все благополучно пропущено через *тигель*, - отвечал Феджин, - и я принес вашу долю» [4]. У читателя может возникнуть, скорее всего и возникнет, вопрос, что такое *тигель*? «Тигель» - это некая ёмкость для нагревания, обжига и плавления различных материалов. Данный термин в русском языке употребим в металлургии, что, естественно, может быть непонятно для людей, не связанных с данной областью. Мы предлагаем перевести как «плавильный котел».

Или такой отрывок «...but, if they do, it's *a case of lagging*.» [10, с.286]. – «...а если раздобудут, то *дело пахнет укупоркой*» [4]. Lagging означает изоляцию, а укупорка связана с закупориванием бутылок и продуктов, и для

обывателя никак не может ассоциироваться со словом изоляция. В связи с чем предлагаем перевести так: «То дело закончится изоляцией».

Может возникнуть непонимание при чтении следующего предложения «Like washable *beaver hats* that improve with rain...» [10, с. 234]. «Подобно тому, как *каستоровые шляпы*, которые можно стирать, делаются только лучше от дождя...» - предлагают нам переводчики [4]. *Beaver hats* (шляпы из бобра) были популярны в Великобритании с 14 по 19 века, они были сделаны из мягкого материала, что позволяло делать шляпы самой разнообразной формы. Сочетание «касторовые шляпы» для российского читателя будут ассоциироваться с касторовым маслом. Но касторовое масло изготавливается из клещевины и некоторых кислот, а касторовые шляпы изготавливаются из меха бобра, а называются так, потому что «кастор» в переводе с латыни означает «бобр».

Фраза «He spoke to a *postboy* who was dozing under the gateway; and who, after hearing what he wanted, referred him to the ostler...» [10, с. 212] была переведена как «Он заговорил, с *форейтором*, дремавшим в подворотне, который, выслушав, направил его к конюху...» [4]. Форейтор, согласно словарям, не просто посыльный или кучер, а особый человек, который ездил верхом на одной из первых лошадей в упряжке, в его обязанности не входила доставка писем или посланий, а слово *postboy* в английской культуре означает лицо мужского пола (в основном мальчика), который доставляет почту, письма. Поэтому и состоит из двух слов «*post*» («почта, отправлять») и «*boy*» («мальчик»). Поэтому данную реалию лучше всего передать русским словом «*посыльный*», поскольку оно ближе всего к понятию «*postboy*».

В предложении «And how dare you encourage him, you *insolent minx*?» [10, с. 176] выражение *insolent minx* переводится как *бесстыдная вертушка*: «А вы как смеее подстрекать его, *бесстыдная вертушка?*.. » [4]. Слово «*вертушка*» в русском сознании вероятнее всего приведет к ассоциации с детской поделкой из бумаги, флюгером или замком-щеколдой, или

вертолетом, но никак не со словом *minx*, которое означает «дерзкая девчонка, шалунья, кокетка, рано созревшая молодая девушка».

Лексема «а *hackney-cabriolet*» в предложении «A *hackney-cabriolet* was in waiting; with the same vehemence which she had exhibited in addressing Oliver, the girl pulled him in with her, and drew the curtains close» [10, с. 131] было переведено как «наемный кабриолет», см.: «Их ждал *наемный кабриолет*; с той же стремительностью, с какой она говорила с Оливером, девушка втащила его в *кэб* и плотно задернула занавески» [4]. Слово «*Hackney-cabriolet*», обозначающее наемный экипаж на конной тяге, который был распространен в 17-19 веках в Великобритании, является историзмом, т.е. реалией английской культуры. А слово «кабриолет», которое было использовано, ассоциируется у многих с автомобилем кабриолет, и может вызвать смешение понятий понятиях. Поэтому лучше при переводе использовать лексемы *наемный экипаж; внутрь/кузов*.

Предложение «Uttering this last *panegyric*, Master Bates produced, from one of his extensive pockets, a full-sized wine-bottle, carefully corked...» [10, с. 252] А. Кривцова и Е. Ланн перевели как «Произнеся этот *панегирик*, юный Бейтс извлек из своего просторного кармана большую, тщательно закупоренную бутылку вина...» [4]. «*Panegyric*» – термин, который заимствован из греческого языка во многие языки, но чаще всего употребим в западноевропейских языках. Мы считаем, что в данном случае в переводе было бы уместнее слово «похвала».

В предложении «'So you'll begin to *pick oakum* to-morrow morning at six o'clock,' added the surly one in the white waistcoat» [10, с.10-11], переведенном как «И завтра же, с шести часов утра, ты начнешь *трепать пеньку*, – добавил угрюмый джентльмен в белом жилете» [4] употреблены жаргонизмы. «*Трепать пеньку*» и «*щипать паклю*» – это профессиональный жаргон, непонятный тем, кто не имеет отношения к данной области. При этом необходимо помнить, что «*oakum*» и «*пакля*» не являются полными синонимами. «*Oakum*» – скрученные волокна, пропитанные смолой или

дѣгтем, используются в заделывании швов и стыков. «Пакля» – грубое, спутанное волокно, отход от первичной обработки конопли, льна, поэтому *to pick oakum* лучше перевести как *щипать паклю*.

Как показывает вышеизложенный материал, предложенные варианты перевода А. Кривцовой и Е.Ланном некоторых отрывков романа Ч. Диккенса вызовут определенные затруднения при прочтении текста, поэтому мы предлагаем отказаться от узкоспециализированных слов в пользу общеупотребительных.

Буквальный перевод и калькирование являются переводческими трансформациями, к которым переводчик прибегает в случае невозможности использования других способов, и часто это оправдано. Но, по нашему мнению, в таких случаях возникает необходимость появления сносок или пояснений. В ходе работы по данному вопросу нами были обнаружены примеры, где были применены данные переводческие трансформации, но при этом отсутствие пояснений в данных отрывках затрудняет восприятие информации читателем.

Например, в предложении «*'Non istventus, as the lawyers say...'*» [10, с.162]. – «*Non istventus*, как говорят законники» [4] «*Non istventus*» является искаженным юридическим термином «*Non est inventus*», который переводится, как «Не найден». Из текста Чарльза Диккенса следует, что определенные термины на латинском языке из юриспруденции могут быть понятны любой группе людей в Лондоне, тогда как в России такое представляется невозможным в силу отличия образовательных систем.

Или еще пример: «*'Very good,' said that gentleman, sipping his peppermint...'*» [10, с. 173] – «Прекрасно! – сказал сей джентльмен, попивая *пепперминт*» [4] Речь идет о *мятном напитке*, который вряд ли известен русскому читателю, поэтому мы предлагаем вариант «мятный напиток», указав на его вкус, чтобы у читателей сложилось хотя бы поверхностное понимание предмета.

Наличие пояснений и сносок обеспечивает необходимую адекватность перевода, а также способствует лучшему восприятию художественного текста читателем при отсутствии знаний реалий чужой культуры. Реалии любой культуры представляют собой сложный материал для перевода. Для соблюдения эквивалентности и адекватности перевода необходимы как профессиональные навыки переводчика, так и глубокое знание реалий культуры носителей и языка оригинала, и языка перевода.

Список литературы

1. *Акройд П. Лондон: биография / пер. с англ. В. Бабкова, Л. Мотылева. – М.: Издательство Ольги Морозовой, 2005. – 896 с.*
2. *Арго А.М. Десятая муза: (Непереводимость и всепереводимость). – М.: Сов. Россия, 1964. – 86 с.*
3. *Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. – М.: «Международные отношения», 2008, – 240 с.*
4. *Диккенс Ч. Приключения Оливера Твиста/пер. с англ. А. Кривцова, Е. Ланн. [Электронный ресурс]. – URL: <http://lib.ru/INPROZ/DIKKENS/oliver.txt> (Дата обращения 29.11.2016).*
5. *Колишанский Г.В. Перевод и контекст // Колишанский Г.В. Контекстная семантика. – М. Издательство «Наука», 1980. – С. 111–117.*
6. *Нестерова Н.М. Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм. – Пермь: Перм. гос. тех. ун-т, 2005. – 203 с.*
7. *Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 448 с.*
8. *Ackroyd Peter. Dickens. – London.: Sinclair-Stevenson, 1990, – 640 p.*
9. *Allen, Michael. Charles Dickens' Childhood / Michael Allen. – London.: Macmillan, 1988, – 320 p.*
10. *Dickens Charles. Oliver Twist / Charles Dickens. – London.: Wordsworth Classics, 2013. – 375 p.*

УДК 81.25

СВОЕОБРАЗИЕ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

О.УАЙЛЬДА

*Л.А.Лушникова, Институт гуманитарного образования и тестирования, г.
Пенза, Россия*

THE SINGULARITY OF RUSSIAN TRANSLATIONS OF OSCAR WYLDE'S WORKS

L.A.Lushnikova, Institute of humanitarian education and testing, Penza, Russia

Аннотация. Данная статья посвящена изучению особенностей переводов творчества Оскара Уайльда на русский язык на примере его «Баллады Рэдингской тюрьмы».

Ключевые слова: О.Уайльд, творчество, поэзия, баллада, поэт.

Abstract. This article is dedicated to the studying of the translation specialties of Oscar Wylde's bibliography. This particular paper regards to the examination of «The ballad of Reading goal».

Keywords: O.Wilde, creativity, poetry, ballad, poet.

E-mail: milalushnikova@yandex.ru

Поэзия викторианской Англии была достаточно хорошо известна в России XIX – начала XX в., в связи с чем могут быть названы имена А.Теннисона [1, с. 176–178; 2, с. 150–153; 3, с. 37–46; 4, с. 58–69; 5, с. 172–176; 6, с. 110–114; 7, с. 161–165; 8, с. 3–11; 9, с. 9–13], Д.-Г.Россетти [10, с. 199–206; 11, с. 57–66; 12, с. 106–110; 13, с. 82–91; 14, с. 101–246], О.Уайльда. В нашей статье речь пойдет о русском осмыслении одного из самых известных поэтических произведений этой эпохи – «Баллады Рэдингской тюрьмы» Оскара Уайльда.

Зарубежные и отечественные исследователи английской поэзии и творчества Оскара Уайльда характеризуют поэму «Баллада Рэдингской тюрьмы» как шедевр поэтического искусства. Главным достоинством «Баллады» является ее открытость и исповедальность: личная трагедия Уайльда придает всему произведению удивительный реализм, а тема любви и страдания, христианского прощения и спасения, неприглядности насильственной смерти и палача приобретают искренность и правдивость. Традиционная балладная форма наполняется новым содержанием.

Уайльд и ранее обращался к поэтической форме баллады. В сборник «Стихотворения» он включил балладу «La Bella Donna Delia Mia Mente» («Прекрасная Дама – плод моего ума») и «Королевской дочери доля» («The Dole of the King's Daughter»), которые свидетельствуют об интересе к возрожденной поэтами-романтиками традиционной народной стихотворной форме. К основным чертам баллады относятся лаконичность и музыкальность произведения, недосказанность и драматизм действия, наличие определенного словаря и образного ряда. Всё это придаёт балладе ту уникальность, которая приковывала внимание символистов. Конечно же, обращение к этой форме вполне соответствует поэтической манере Уайльда.

Балладная строфа Уайльда – это шестистишие с варьируемым ритмом и рифмовкой *abcdbd*, которая характерна для народных английских баллад.

Повтор (лексический и синтаксический), встречаемый во всех стихотворениях Уайльда, передаёт настроение лирического героя, ужас страданий и заключенных, отвратительность смерти от руки человека и общества, неизбежность наказания и его бессмысленность в жестоком мире всеобщего братоубийства.

Завораживает и пугает собирательный образ безликого палача («some» /«некоторые»), который создается Уайльдом с помощью местоимения и параллельных синтаксических конструкций «some do it.../

some kill.../some strangle.../some love.../ some do...». В этом перечислении ставятся в один ряд и те, кто убивает, и те, кто любит, и те, кто совершает все иные деяния. Всё это помогает создать обобщающий образ «убивающего любимых», частью которого являются все: «но убивают все любимых».

Неминуемость страшной казни убийцы и ее ужас передаётся благодаря анафоре в строфах с десятой по шестнадцатую в параллельной конструкции («He does not die.../ He does not sit.../ He does not wake.../ He does not rise.../ He does not know.../ he does not bend.../ He does not stare.../ He does not pray...»). Образ заключенного, который хоть ещё и физически жив, но уже духовно мертв, помогает создать синтаксический повтор. Причем этот образ создается от «обратного», от того, что он не делает: Уайльд говорит об ужасной смерти и жизни в ее ожидании через перечисление того, что не испытают в отличие от заключенного все те, другие, которые также убивают, но палач им «не воздаст».

Синтаксический параллелизм помогает передать неумолимое приближение страшной смерти на фоне монотонной и тоскливо-серой обыденности дней, проходящих чередой: заключенные «канаты рвали, ногти в кровь ломали. Пол мыли щеткой, терли двери решетчатой тюрьмы, мешки <...> шили, били камни...».

Автор в начале и конце известной строфы «но убивают все любимых» – «взглядом, словом, поцелуем, мечом» – определяет смысловой акцент баллады и является ее заключением. Неожиданность обобщения, звучащая в начальных строфах баллады после истории заключенного, в порыве ревности убившего жену, становится закономерным итоговым рефреном после ужаса и безысходности переданных страданий заключенных и тюремного ада, превратившего их в «одну из Дьявольских бригад». Начинаясь как повествование о заключенном, который выделяется из всех и своим видом, и тем, «как пристально глядит на свет», баллада постепенно через параллели,

проведенные между убийцей и всем остальным миром, звучит как доказательство отсутствия спасения и прощения.

Безысходность, глубина страданий заключённых и тщетность их попыток вырваться из рокового круга передают не только лексический и синтаксический повторы, но и то, что Уайльд выбирает кольцевую композицию – заключенные совершают ежедневные прогулки по кругу, что невольно напоминает о кругах ада Данте, о шекспировских исканиях [см.: 15, с. 3–15; 16, р. 509–517; 17, с. 5958–5962; 18, с. 76–92], о поэтических знаках и смыслах [см., например: 19, с. 111–115; 20; 21, с. 109–116; 22, с. 90–92; 23; 24, с. 169–172; 25, с. 151–153].

В произведении выделяются две основные темы: первая тема – убийство как частное проявление насилия, свойственного человеческой природе, и вторая тема – наказание за него, и несоизмеримая жестокость наказания, при помощи которого общество, лишенное христианского милосердия и сострадания, страшно и мучительно убивает раскаявшегося преступника («к его руке – от слез кровавых/ вернулась чистота...»). Наличие этих двух содержательных планов определяет присутствие двух стилистически выразительных уровней.

Образ заключенного-убийцы, приговоренного к смерти, и его сопоставление с обобщенным образом человечества-убийцы даются в романтическом ключе: убийство не оправдывается, но убийца – это «смельчак с мечом». С другой стороны, размышление лирического героя о страшных законах общества и описание ада тюрьмы, убивающего душу человеческую, поражает «реальностью» страдания: «живем мы – каждый в узкой келье, / Вонючей и глухой, / Живая смерть с гнилым дыханьем – / За каждую спиной, / И кроме Похоти все тлеет, / Как пыль, в душе людской».

На данном примере мы видим, что Уайльд в «Балладе» использует такое поэтическое средство, как внутренняя рифма, что отсылает нас и к античным поэтам, и к народной поэзии, а также образные сравнения, метафоры, олицетворения. Новым можно считать появление образов,

возникших на основе пережитого Уайльдом в тюрьме: именно поэтому многие сравнения и метафоры обретают особую глубину, так как через них переданы чувства и страдания самого Уайльда. Так, например, образ Тюрьмы отличает именно такая выразительность и реальность: «И знаю я – и было б мудро, чтоб каждый знал о том, – / Что полон каждый камень тюрем / Позором и стыдом: в них люди братьев искажают, / Замок в них – пред Христом». Вполне очевидно, что «Баллада Рэдингской тюрьмы» – замечательный пример новаторского использования традиционной балладной формы, в которой Уайльд рассказал о реальных событиях из собственной тюремной жизни. Введение эпизода тюремной казни, свидетелем которой стал сам писатель, позволило ему расширить образный ряд баллады: жестокость мира в уничтожении себе подобных, раскаяние и обращение к Спасителю – эти традиционные для Уайльда темы в условиях трагедии действительности звучат волнующе и по-новому. Конечно, особое место «Баллады» в творчестве Уайльда можно объяснить простотой слога и понятностью переживания, окрашенного личным страданием и болью автора, но в ней присутствует переживание, которое трогает душу читателя такой глубиной чувства, какой не было в его более ранних стихах.

В «Балладе» Уайльд-поэт продолжает поиски и эксперименты; являясь итоговым поэтическим произведением всей внешней и внутренней жизни поэта, она безусловно содержит главные отличительные черты поэзии Уайльда: мастерское владение стихотворной техникой, наблюдаемой на всех его произведениях, безусловное соответствие планов содержания и выражения, многоаспектное и многоплановое развертывание образов, в которых всегда присутствуют рискованная и неожиданная антитеза и парадокс.

История создания «Баллады» была связана с очередным прошением об освобождении, которое Оскар Уайльд отослал 2 июня 1896 г. Но через пять дней писателя поразило одно событие, которое отвлекло его от

собственных страданий. Был повешен некий Чарлз Томас Вулдридж. В биографии этого молодого человека сообщалось, что ему было всего тридцать лет и что он в прошлом году служил в королевской конной гвардии. 29 марта он убил свою двадцатитрехлетнюю жену Лору Эллен Вулдридж. За это преступление он был приговорен к смертной казни. Уайльда потрясло это событие, которое нашло прямое отражение в его произведении «Баллада Рэдингской тюрьмы».

В начале века произведение Уайльда несколько раз перелагалось в России. Баллада вышла в свет в переводе К.Д. Бальмонта в издательстве «Скорпион» в 1904 г. В 1910 г. в Киеве А. Дейч написал свой вариант «Баллады Рэдингской тюрьмы». В дальнейшем, после пятилетнего перерыва, произведение Уайльда перевел В.Я. Брюсов.

К изданию своего перевода в 1918 г. В.Я. Брюсов написал вступительную статью, в которой обозначил основную особенность последних произведений Уайльда: «Его стих стал ковано-твердым. Оскар Уайльд отошел от внешней красоты, чтобы выиграть в глубине и в стиле». Брюсов обратил внимание на то, что до тюремного заключения писатель «с презрением относился к реализму в искусстве». В балладе же предстала «грубая проза» жизни.

Современных исследований русского перевода «Баллады» очень мало. Существуют небольшие статьи, написанные самими переводчиками. Это уже упомянутая статья Брюсова и вступительный очерк А. Дейча. Последний писал о том, что перевод представляет значительные сложности: «Сжатость английских стихов не позволяет передать все особенности стиля баллады. Множество тонкостей, созвучий пропадают при переводе. Поэтому что-нибудь должно пострадать: или ритм, или точное воспроизведение образов, или музыкальность и легкость стиха. Но образы так сильны, так прекрасны и являются такой важной, неотъемлемой частью произведения, что позволить себе отступить от текста в пользу ритма или стиха, по моему мнению, недопустимо».

Список литературы

1. Жаткин Д.Н., Чернин В.К. О.Н.Чюмина как переводчик лирического цикла Альфреда Теннисона о Марианне («Марианна», «Марианна на юге») // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2011. – №1. – С. 176–178.
2. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Улисс» в творческой интерпретации К.Д.Бальмонта // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – №4. – С. 150–153.
3. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Леди из Шалотта» в русских переводах конца XIX века // Филологические науки. – 2009. – №2. – С. 37–46.
4. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Русская тема» в литературном творчестве Альфреда Теннисона в контексте русско-английских общественных и литературных связей XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – №2. – С. 58–69.
5. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэтический цикл Альфреда Теннисона «In Memoriam» в русских переводах XIX – начала XX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2009. – №4. – С. 172–176.
6. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Дора» в русских интерпретациях XIX – начала XX в. // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – №4. – С. 110–114.
7. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Художественные особенности произведений Альфреда Теннисона в осмыслении Д.Н.Садовникова // Вестник Читинского государственного университета. – 2009. – №3. – С. 161–165.
8. Жаткин Д.Н. Ода сельскому уединению // Русская речь. – 2009. – №5. – С. 3–11.

9. Жаткин Д.Н. «Чаша жизни» в русской поэзии // *Русская речь*. – 2006. – №1. – С. 9–13.

10. Жаткин Д.Н. Д.Г.Россетти в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс*. – 2015. – Т. 2. – №1 (23). – С. 199–206.

11. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и И.С.Тургенев (к истории взаимоотношений) // *Язык как основа современного межкультурного взаимодействия: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Пенза, 17 декабря 2014 г.)*. – Пенза: Изд-во ПензГТУ, 2014. – С. 57 – 66.

12. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (А.А. Блок, члены литературного общества «Аргонавты») // *Вестник Бурятского государственного университета*. – 2015. – Вып. 10. Филология. – С. 106 – 110.

13. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (Н.М.Минский, З.А. Венгерова) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. – 2015. – №2 (34). – С. 82 – 91.

14. Жаткин Д.Н. Д.Г.Россетти в России // *Художественный перевод и сравнительное литературоведение – V: Сб. научных трудов / Отв. ред. Д.Н.Жаткин*. – М.: Флинта; Наука, 2016. – С. 101 – 246.

15. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспир глазами Марины Цветаевой // *Художественный перевод и сравнительное литературоведение. IV: Сборник научных трудов*. – М.: Флинта; Наука, 2015. – С. 3 – 15.

16. Zhatkin D.N., Kruglova T.S. Shakespeare in Marina Tsvetaeva's Eyes // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – 2015. – Vol. 6. – №5. – S. 4. – P. 509 – 517.

17. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспир и М.И. Цветаева // *Фундаментальные исследования*. – 2015. – №2. – Ч. 26. – С. 5958 – 5962.

18. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспировская тема в творчестве М.И.Цветаевой // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №4 (36). – С. 76–92.

19. Степанов М.С. Прагматические аспекты поэтического перевода // Научно-информационный журнал Армия и общество. – 2010. – №2. – С. 111–115.

20. Степанов М.С. Денотация и коннотация в поэтическом дискурсе (на материале произведений классической и современной испанской поэзии): Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2007.

21. Степанов М.С. Поэтическое как научный объект: аспекты реконструкции // Научно-информационный журнал Армия и общество. – 2007. – №3. – С. 109–116.

22. Степанов М.С. Знак, коннотация, стиль: взаиморазвитие // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – №4 (104). – С. 90–92.

23. Степанов М.С. Поэтический дискурс. Поэтический знак. – М., 2011.

24. Степанов М.С. Принцип деграмматикализации в переводе // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2011. – №10. – С. 169–172.

25. Степанов М.С. К проблеме определения категорий эмоции и стиля с семиотической точки зрения // Человеческий капитал. – 2011. – №11 (35). – С. 151–153.

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ АНГЛИЙСКИХ ПОЭТОВ XVII – XVIII ВВ. В
ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ Д.Е. МИНА**

*О.С. Миловаева, Пензенский государственный технологический
университет, г. Пенза, Россия*

**THE D.E. MIN'S TRANSLATING CONCEPTION OF ENGLISH POETS'
WORKS OF XVII – XVIII**

O.S. Milotaeva, Penza state technological university, Penza, Russia

Аннотация. Данная статья посвящена изучению особенностей восприятия русским переводчиком Д.Е.Мином произведений английских поэтов XVII – XVIII вв. Дж.Мильтона и Р.Бернса, привлекавших своим эстетизмом, спецификой художественной образности. Отмечаются эпизодичность интереса Д.Е.Мина к наследию указанных авторов, характерная переводческая избирательность.

Ключевые слова: поэтический перевод, русско-английские литературные связи, традиция, образ, художественная деталь.

Abstract. This article is dedicated to the studying of Russian interpreter D.E. Min's perception peculiarities regarding the works of English poets of XVII-XVIII J. Milton and R. Burns, who were remarkable for their estheticism and art imagery particularity. The D.E. Min's episodic interest in the legacy of this authors and peculiar translation selectivity.

Key words: poetic translation, russian-english literature links, tradition, image, art detail.

E-mail: milo124@rambler.ru

В 1858 г. Д.Е.Мин обратился к творчеству поэта XVII в. Джона Мильтона, первого английского писателя, упомянутого в русской печати, значительный интерес к которому, отмечавшийся еще в последней четверти XVIII в. [см.: 1, с. 151 – 154], выразился, прежде всего, в интерпретации его основных произведений на библейской основе – «Потерянный рай» («Paradise Lost», 1667) и «Возвращенный рай» («Paradise Regained», 1671). В отличие от многих предшественников и современников Мин обратился к

прежде неизвестному в России мильтоновскому произведению – стихотворению «Song on May Morning» («Песня в майское утро», 1630), озаглавив свой перевод «Песнь утренней звезде».

Описание появления утренней звезды в начале произведения Мильтона во всей своей выразительности передано в переводе Мина, заменившего прилагательное английского подлинника «bright» («яркий») равноценным глаголом «блистать» и использовавшего оригинальную метафору «звезда любви»: «Now the *bright* morning Star, Dayes harbinger, / Comes dancing from the East...» [2, с. 18] [Сейчас *яркая* утренняя Звезда, Дня предвестник, / Восходит, танцуя, с Востока...] – «Предтеча дня, вот *блещет* на рассвете / *Звезда любви*, играя в небесах» [3, с. 1 первой пагинации]. На этом фоне интерпретация Ю.Б.Корнеева, одного из авторитетнейших ленинградских переводчиков советского времени, представляется скованной, лишенной эмоциональности: «С востока вслед за утренней звездой / <...> / <...> в лучах зари победных» [4, с. 403].

Избежав неуместных для возвышенного контекста описания ассоциаций с «подолом» («lap»), Мин использовал множество метафор, таких как «жемчуг росинок», «снег ландышей», «золото первонок», ср.: «The Flowry May, who from her green lap throws / The yellow Cowslip, and the pale Primrose» [2, с. 18] [Пышный (цветистый) май, который из своего зеленого подола бросает / Желтые калужницы и бледные примулы (первоцветы)] – «...в пышном цвете, / Роскошный май, рассыпавший в лесах, / Под жемчугом трепещущих росинок, / Снег ландышей и золото первонок» [3, с. 1 первой пагинации]. В переводе Ю.Б.Корнеева метафоры не столь колоритны, но гораздо более приближены к мильтоновскому замыслу: «Приходит май и щедрою рукой / На землю льет <...> / *Дождь желтых буковиц и примул бледных*» [4, с. 403].

Строки приветствия «Hail bounteous May that dost inspire / Mirth and youth, and warm desire, / Woods and Grooves, are of thy dressing, / Hill and Dale, doth boast thy blessing» [2, с. 18] [Привет, щедрый май, что наполняет /

Радостью и юностью, и теплым желанием, / Леса и Рощи в твоём одеянии, / Холмы и Доли горды твоим благословением] в интерпретации Мина звучат радостно и торжественно благодаря разделению фрагмента на короткие восклицательные предложения: «Привет тебе, роскошный май! / Цвети, ликуй, благоухай! / Одень леса в наряд веселый! / Благослови поля и села!» [3, с. 1 первой пагинации]. И здесь интерпретация Мина смотрится выигрышнее перевода Корнеева, хотя последний и не лишен характерных элементов юношеской страсти, желанной любви, непременно ассоциирующихся с весной: «В юных душах, светлый май, / Пыл желаний пробуждай, / Снова зеленью веселой / Разубрав холмы и доли» [4, с. 404].

Мильтон использовал параллельные конструкции с однородными сказуемыми, придавшими оригиналу ощущение переизбытка радости при наступлении долгожданного мая: «Thus we *salute thee* with our early Song, / And *welcom thee*, and *wish thee* long» [2, с. 18] [Так мы *приветствуем тебя* нашей ранней Песней, / И *приглашаем тебя*, и *желаем тебе* продлиться]; эта специфическая особенность английского подлинника не была отражена в русских переводах: «Так с утренней звездой мы славим май: / Пусть радуется он долго целый край!» (Д.Е.Мин; [3, с. 1 первой пагинации]); «Прими, желанный гость, привет от нас, / Тебе хвалу поющих в этот час!» (Ю.Б.Корнеев; [4, с. 404]).

Из творчества великого шотландского поэта XVIII в. Роберта Бернса, неизменно популярного в России [5, с. 225–241; 6, с. 280–284; 7, с. 116–135; 8, с. 57–60; 9, с. 104–118; 10, с. 3–11; 11, с. 693–697; 12, с. 145–149; 13, с. 215–222; см. также: 14, с. 58–69; 15, с. 110–114; 16, с. 161–165], Мина-переводчика привлекла первая часть стихотворения «The Vision» («Видение», 1786), описывавшего явление музы поэту. Это стихотворение стало впервые известно русскому читателю благодаря прозаическому пересказу, принадлежавшему, согласно атрибуции С.А.Орлова, О.И.Сенковскому [см.: 17, с. 232]; этот пересказ был опубликован в 1837 г. в журнале «Библиотека для чтения» [см.: 18, с. 126 – 127], где вместе с

другими аналогичными пересказами стихотворений Бернса, упоминанием некоторых иных его произведений и переложением ритмизованной прозой в стиле русской народной былины баллады «John Barleycorn» («Джон Ячменное зерно») сопровождал анонимную статью о жизни и творчестве шотландского поэта. Статья в «Библиотеке для чтения» восходила к очерку французского переводчика Леона де Вайи, предпосланной к сборнику его переводов из Бернса [см.: 19, р. I – XL], имея очевидный компилятивный характер.

Мин творчески подошел к переводу стихотворения, в частности, сохранив авторское олицетворение в описании вечера, которому предшествовал тяжелый трудовой день крестьянина-поэта, Мин изменил его содержание, но не смысл: «And when *the day had clos'd his e'e*, / Far I' the west» [20, с. 234] [И когда *день закрыл свои глаза*, / Далеко на западе] – «Когда же *запад погасил лампаду дня*» [21, с. 41]. При переводе размышлений о бедной жизни сельского поэта Мин заменил значимое определение «полубезумный» («half-mad»), показывавшее отсутствие рационализма и практичности в существовании творца, избыточным в данном контексте прилагательным «бедный»: «While here, half-mad, half-fed, half-sarkit» [20, с. 235] [Тогда как здесь полубезумен, полусыт, полуодет] – «Смотри: ты беден, полусыт, / Полуодет» [21, с. 41].

Мин достаточно вольно обращался со сравнениями, иногда опуская их, иногда привнося свои. Так, в описание вхождения музы в дом поэта внесено ее сопоставление с добрым другом (ср.: «A tight outlandish hizzie, braw, / Come full in sight» [20, с. 235] [Статная неземная девушка приблизилась, / Предстала взору] – «И дева <...> / <...> / Легка, стройна явилась мне, / **Как добрый друг**» [21, с. 42]); при характеристике поведения музы, увидевшей склоненную голову поэта, опущено авторское сравнение с «истинным достоинством»: «When sweet, *like honest Worth*, she blusht, / An' stepped ben» [20, с. 235] [Когда очаровательная, **как истинное достоинство**, она покраснела / И вошла внутрь] – «Она ж, краснея, в этот миг / Вошла в мой

дом» [21, с. 42]. Представляя ножку музы, Мин привнес в перевод оригинальные сравнения, хотя в подлиннике Бернса четко сказано, что никакая другая, кроме ножки жены поэта Джин Армур (Jean Aramour), не может сравниться с ней: «Down flow'd her robe, a tartan sheen, / Till half a leg was scrimply seen; / An' such a leg! *my bonie Jean / Could only peer it;* / Sae straught, sae taper, tight an' clean – / *Nane else came near it*» [20, с. 236] [Струились ее одежды, роскошный наряд из клетчатой шерстяной ткани, / Половина ножки была едва видна; / И такая ножка! *<ножка> моей прекрасной Джин / Может только сравниться с ней;* / Так стройна, так тонка, правильной формы и аккуратная, / *Ничья более не приблизится к ней*] – «Под пледой зыбкой, *как волна,* / Малютка-ножка чуть видна, / Так грациозна, так стройна, / *Как ножка фей,* – / *Твоя лишь ножка, Джен, одна / Сравнится с ней*» [21, с. 43].

Неудачным можно считать избранное переводчиком для прорисовки характера музы выражение «прелесть красоты», в котором отчетливо ощутима семантическая избыточность: «A wildly-witty, rustic grace / Shone full upon her» [20, с. 236] [Необузданно-остроумная, деревенская красота / Озаряли ее] – «Ум сельский, *прелесть красоты* / Горели в них <ее чертах>» [21, с. 43]; к тому же пропуск Мином значимой для Бернса лексемы «wildly» («необузданно») не позволил в полной мере передать простоту, прямоту, открытость, порывистость характера сельской музы. Строго организованное Бернсом с помощью правильного чередования в начале стихов наречий «here» («здесь») и «there» («там») представление природы родного края, представшей на шотландском наряде музы, оказывается в русском переводе несколько расплывчатым, смазанным, что во многом связано с утратой характерной анафоры, ср.: «*Here*, rivers in the sea were lost; / *There*, mountains to the skies were toss't; / *Here*, tumbling billows mark'd the coast, / With surging foam; / *There*, the distant shone Art's lofty boast, / The lordly dome. / *Here*, Doon pour'd down his far-fetch'd floods; / *There*, well-fed Irwine stately thuds; / Auld hermit Ayr staw thro' his woods, / On to the shore; / And many a lesser torrent

scuds, / With seeming roar» [20, с. 237] [*Здесь*, реки в море затерялись; / *Там*, горы до небес поднялись; / *Здесь*, катящиеся валы оставили след на берегу / Выброшенной пеной; / *Там*, вдалеке сиял Искусства величественный предмет гордости, / Роскошный купол. / *Здесь*, Дун разлил свои широкие воды; / *Там*, полноводный Ирвайн величественно шумит; / Старый отшельник Эр пробирался через свои леса, / И множество потоков поменьше несутся, / Кажется, с ревом] – «*Там* к морю волны рек неслись; / *Здесь* горы с тучами слились; / Дробясь *там* пылью вод, вились / Валы у скал; / *Здесь* замок, – честь искусства, ввысь / Чело поднял. / *Там* мчался Ирвайн, рек краса; / Дун отражал *там* небеса, / *Здесь* пробирался сквозь леса / Пустынник Эр. / И, мнилось, слышны голоса / Ручьев пещер» [21, с. 43]. Вместе с тем Мин вводит анафору в свой перевод эпизода, представляющего героизм шотландского народа в его борьбе с англичанами, что способствует большей логичности в описании: «My heart did glowing transport feel, / To see a race heroic wheel, / And brandish round the deep-dyed steel, / In sturdy blows; / While, back-recoiling, seem'd to reel / Their Suthron foes» [20, с. 237 – 238] [Мое сердце светлый восторг испытало / При виде того, как героический народ мчится / И размахивает закаленными мечами / В крепких ударах; / Тогда как, отпрянув, казалось, пошатнулись / Их южные враги] – «И я с восторгом созерцал, / *Как* грозно меч их поражал, / *Как* он убийством отмечал / Их каждый шаг, / *И как* пред ними трепетал / Их южный враг» [21, с. 44].

Мин тщательно сохраняет все географические и исторические реалии, переводя даже авторские примечания, в том числе и те, которые содержат характеристики героев («Уильям Уаллас – спаситель шотландской независимости»; «Адам Уаллас из Ричардтона, двоюродный брат Уильяма»; «Лорд Крэги»; «Койлус, царь Пиктов, по имени которого назван, как говорят, округ Кайль»; «Полковник Фуллертон»). Тем не менее концовка интерпретации Мина утратила ясность по причине отсутствия перевода двух сносок Бернса («Barskimming, the seat of the Lord Justice Clerk» [20, с. 239]

[Барскиминг, место проживания главного судьи Клерка], «Catrine, the seat of the late Doctor and present Professor Stewart» [20, с. 239] [Катрин, место проживания покойного доктора и действующего профессора Стюарта]), – стихи «An aged Judge, I saw him rove» [20, с. 239] [Престарелый судья, я видел, как он странствовал] и «The learned Sire and Son I saw» [20, с. 239] [Ученых отца и сына я видел], переведенные как «Там образ твой / Блуждал, о друг родной земле, / Юрист седой» [21, с. 45] и «А здесь мечтали средь долин / Два мудреца: отец и сын» [21, с. 45], вряд ли могут быть поняты русским читателем без комментариев.

Уже после смерти Мина первую попытку полной интерпретации «The Vision» на русском языке предприняла О.Н.Чюмина (1897), чей перевод характеризуется произвольным сокращением стихов, внесением добавлений, изменением метрической формы [см.: 22, с. 549 – 550] и в конечном итоге не может восприниматься иначе, нежели как вольная трактовка оригинального текста, представляющая явление шотландского барда, поющего о свободе минувших дней [см.: 23, с. 24 – 25].

Среди авторов конца XVIII – начала XIX вв., чье творчество непосредственно предшествовало развитию английского романтизма, внимание Мина как русского поэта-переводчика привлек литератор-священник Джордж Крабб, точнее – два его основных произведения: поэмы «The Parish Register» («Приходские списки», 1807) и «The Borough» («Местечко», 1810). Из «The Parish Register» Мин в 1856 – 1860 гг. перевел первую из трех частей – «Baptisms» («Обряды крещения») [24, с. 440 – 446; 25, с. 134 – 142; 26, с. 191 – 196]. Несмотря на опущение значительных фрагментов английского оригинала, русский перевод позволяет судить о таких его достоинствах, как объективное изображение действительности, умелое сочетание авторского осуждения и сочувствия к падшим людям, и о таких недостатках, как излишняя склонность поэта-священника к нравоучительности, акцентирование внимания на пороках за отсутствием представления о возможных путях решения проблем общества. Из поэмы

«The Borough» Мин в 1855 г. перевел письмо I «Общее описание» («General Description») [27, с. 93 – 94], а в 1862 г. – письмо XXII «Питер Граймз» («Peter Grimes») [28, с. 415 – 425]. Обращение переводчика к первому из фрагментов способствовало формированию представления о зрелом периоде творчества английского поэта, характеризовавшемся контрастностью восприятия городского и сельского укладов жизни. Эпизод о Питере Граймзе, в котором Крабб проявил себя мастером художественного портрета, обладавшим редкой проницательностью в описании человеческих характеров, был избран Мином как наиболее яркий и сильный эпизод поэмы. Переводчик профессионально передал детально прорисованные Краббом причины и последствия отчужденности человека от общества, соблюдая стилистические и структурные особенности оригинала. Переводы Мина из Крабба были подробно проанализированы в диссертационном исследовании Е.И.Ильязовой, посвященном восприятию творчества Крабба в России 1820 – 1860-х гг. [см.: 29, с. 103 – 177; 30, с. 207–213; 31, с. 104–110; 32, с. 157–163; 33, с. 242–248; 34, с. 147–151; 35, с. 194–212; 36, с. 145–151; 37, с. 54–66; 38, с. 60–72; 39, с. 152–156; 40, с. 214–217; о поэтическом переводе см. также: 41, с. 107–115; 42, с. 111–115; 43; 44, с. 109–116; 45, с. 90–92; 46; 47, с. 169–172; 48, с. 151–153; 49, с. 159–164; 50, с. 365–369; 51, с. 95–104].

Как видим, из английских поэтов XVI – XVIII вв. Мина интересовали исключительно те, кто был достаточно широко популярен в России в середине XIX в., – это, прежде всего, Мильтон и Бернс, чьи произведения регулярно переводились и издавались, а также Джордж Крабб, внимание к которому, начиная с 1820-х гг., было нерегулярным и усилилось во второй половине 1850-х гг. в преддверии крестьянской реформы благодаря появлению в «Современнике» обширной статьи А.В.Дружинина «Георг Крабб и его произведения» [см.: 52]. Если произведения Мильтона и Бернса привлекали переводчика своим эстетизмом, спецификой художественной образности, то переводы из Крабба стали откликом на общественные запросы современности. Вместе с тем нельзя не отметить, что ни одно из

произведений (за исключением крохотного мильтоновского «Song on May Morning») не было переведено Мином до конца, что свидетельствует не только об избирательности, фрагментарности интереса переводчика к отдельным произведениям английской литературы XVII – XVIII вв., но и об эпизодичности его увлечения творчеством наиболее известных авторов этого времени.

Список литературы

1. Левин Ю.Д. Мильтон // *Русско-европейские литературные связи. XVIII век: Энциклопедический словарь. Статьи.* – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. – С. 151 – 154.

2. *The Poetical Works of John Milton.* – Oxford: Clarendon Press, 1900. – XVI, 554 p.

3. *Из английских поэтов / Перевод Д.Е.Мина [Содерж.: Дж.Мильтон. Песнь утренней звезде; В.Вордсворт. Гарри-Гилль; Т.Кэмпбелл. Последний человек; П.-Б.Шелли. Философия любви; А.Теннисон. Покинутый дом] // Пантеон литературы.* – 1888. – №1. – С. 1 – 8 третьей пагинации

4. Мильтон Дж. Майская утренняя песня / Пер. Ю.Б.Корнеева // *Мильтон Дж. Потерянный рай. Стихотворения. Самсон-борец.* – М.: Худ. лит., 1976. – С. 403 – 404.

5. Жаткин Д.Н. Русские переводы Р.Бернса и У.Блейка в восприятии К.И.Чуковского // *Художественный перевод и сравнительное литературоведение. II: Сб. науч. тр.* – М.: Флинта; Наука, 2014. – С. 225–241.

6. Жаткин Д.Н., Куликова Т.Г. Роберт Бернс в ранних русских переводах (к постановке проблемы) // *Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки.* – 2008. – №5 (61). – С. 280–284.

7. Жаткин Д.Н. Освоение творчества Р.Бернса русской литературой второй половины 1850 – 1870-х гг. // *Вестник Томского государственного университета. Филология.* – 2015. – №6 (38). – С. 116–135.

8. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. И.И.Козлов и классики английской литературы (У.Шекспир, Р.Бёрнс): традиции и переводы // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2008. – №47. – С. 57–60.

9. Жаткин Д.Н. У истоков русской рецепции поэзии Роберта Бернса // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №3 (35). – С. 104–118.

10. Жаткин Д.Н. Ода сельскому уединению // Русская речь. – 2009. – №5. – С. 3–11.

11. Жаткин Д.Н. Роберт Бернс и К.И.Чуковский // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – №3-4. – С. 693–697.

12. Жаткин Д.Н. Творчество Р.Бернса в восприятии современных российских переводчиков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10-1. – С. 145–149.

13. Жаткин Д.Н. Русская переводческая рецепция поэзии Роберта Бернса (1880–1910-е гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2016. – №3. – С. 215–222.

14. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Русская тема» в литературном творчестве Альфреда Теннисона в контексте русско-английских общественных и литературных связей XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – №2. – С. 58–69.

15. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Дора» в русских интерпретациях XIX – начала XX в. // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – №4. – С. 110–114.

16. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Художественные особенности произведений Альфреда Теннисона в осмыслении Д.Н.Садовникова // Вестник Читинского государственного университета. – 2009. – №3. – С. 161–165.

17. Орлов С.А. Бернс в русских переводах // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И.Герцена. – Т. XXVI. Кафедра всеобщей литературы. – Л.: Изд-во ЛГПИ, 1939. – С. 225 – 246.
18. <Сенковский О.И.> Роберт Борнс // Библиотека для чтения. – 1837. – Т. XXIV. – Отд. II. – С. 96 – 136.
19. *Poésies complètes de Robert Burns, traduites de l'écoissais par M.Léon de Wailly: avec une introduction de même.* – Paris: A. Delahays, 1843. – XL, 168 p.
20. *The Complete Works of Robert Burns: In 6 vol.* – L.: Gebbie & Co, 1886. – Vol. 1. – 512 p.
21. Мин Д.Е. Видение // Борнс Р. Стихотворения в переводе русских поэтов. С биографическим очерком и портретом. – М.: тип. Вильде, 1897. – С. 40 – 46.
22. Левин Ю.Д. Бернс на русском языке // Борнс Р. Стихотворения. – М.: Радуга, 1982. – С. 533 – 558.
23. Михайлова <Чюмина> О.Н. Видение // Борнс Р. Стихотворения в переводе русских поэтов. С биографическим очерком и портретом. – М.: тип. Вильде, 1897. – С. 24 – 25.
24. Мин Д.Е. Приходские списки (*Parish Register*): Поэма Георга Крабба <перевод вступления к поэме> // Русский вестник. – 1856. – Т. 6. – Декабрь. – Кн. 1. – С. 440 – 446.
25. Аринштейн Л.М. Русская тема в «Демократических сонетах» Уильяма Россетти // Россия и Запад. Из истории литературных отношений. – Л.: Наука, 1973. – С. 70 – 90.
26. Мин Д.Е. Приходские списки: Поэма Георга Крабба <продолжение перевода части I «Baptisms» («Крестины») поэмы> // Русский вестник. – 1860. – Т. 30. – Ноябрь. – Кн. 1. – С. 191 – 196.
27. Мин Д.Е. Местечко (*The Borough*): Поэма Георга Крабба. Глава I <перевод письма I «General description» («Общее описание») > // Московские ведомости. – 1857. – 16 февр. (№21). – Лит. отд. – С. 93 – 94.

28. Мин Д.Е. Питер Граймс: Из Крабба <перевод письма XXII «The poor of the Borough. Peter Grimes» («Бедняки местечка. Питер Граймс»)» // *Русский вестник*. – 1862. – Т. 42. – №11. – С. 415 – 425.

29. Ильязова Е.И. Творчество Джорджа Крабба в осмыслении русских писателей и литературных критиков 1820 – 1860-х гг.: Дис... канд. филол. наук / Саратовский гос. ун-т им. Н.Г.Чернышевского. – Саратов, 2010. – 209 с.

30. Жаткин Д.Н., Аношина Е.И. Поэмы Джорджа Крабба как явление литературной жизни и их восприятие в России 1820 – 1830-х гг. // *Ученые записки Российского государственного социального университета (Москва)*. – 2010. – №3 (79). – С. 207 – 213.

31. Жаткин Д.Н., Ильязова Е.И. Быт и нравы провинциальной Англии в переводческом восприятии Д.Е.Мина (некоторые особенности межкультурной коммуникации) // *Интеграция образования*. – 2010. – №4. – С. 104 – 110.

32. Жаткин Д.Н., Ильязова Е.И. Д.Е.Мин – переводчик фрагментов поэмы Джорджа Крабба «Приходские списки» // *Гуманитарные исследования*. – 2010. – №1. – С. 157 – 163.

33. Жаткин Д.Н., Ильязова Е.И. Портретный эпизод о Питере Граймзе из поэмы Дж.Крабба «Местечко» в переводческом осмыслении Д.Е.Мина // *Вестник Чувашского университета*. – 2010. – №4. – С. 242 – 248.

34. Жаткин Д.Н., Ильязова Е.И. Н.В.Гербель как переводчик фрагментов поэм Джорджа Крабба // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. – 2010. – №6 (50). – С. 147 – 151.

35. Жаткин Д.Н., Аношина (Ильязова) Е.И. Традиции творчества Джорджа Крабба в произведениях В.К.Кюхельбекера // *Проблемы истории, филологии, культуры*. – 2010. – №2. – С. 194 – 212.

36. Жаткин Д.Н., Ильязова Е.И. Питер Граймз, или Штрихи к русскому портрету английского героя // *Вестник Московского*

государственного областного университета. Серия Русская филология. – 2010. – №2. – С. 145 – 151.

37. Жаткин Д.Н., Ильязова Е.И. Произведения Джорджа Крабба в литературно-критическом осмыслении А.В.Дружинина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2009. – №4. – С. 54 – 66.

38. Жаткин Д.Н., Ильязова Е.И. Поэма Джорджа Крабба «Приходские списки» в переводческом осмыслении Д.Е.Мина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2010. – №3. – С. 60 – 72.

39. Жаткин Д.Н., Аношина Е.И. Джордж Крабб и русская литература второй половины 1850-х – начала 1860-х гг. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2010. – Т. 2. – №3. – С. 152 – 156.

40. Жаткин Д.Н., Ильязова Е.И. Творчество Джорджа Крабба в контексте общественно-политической и литературной жизни России в канун крестьянской реформы 1861 г. // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2009. – №4. – С. 214 – 217.

41. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Поэзия английского романтизма в России: традиции и переводы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – №4 (28). – С. 107 – 115.

42. Степанов М.С. Прагматические аспекты поэтического перевода // Научно-информационный журнал Армия и общество. – 2010. – №2. – С. 111–115.

43. Степанов М.С. Денотация и коннотация в поэтическом дискурсе (на материале произведений классической и современной испанской поэзии): Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2007.

44. Степанов М.С. Поэтическое как научный объект: аспекты реконструкции // Научно-информационный журнал Армия и общество. – 2007. – №3. – С. 109–116.

45. Степанов М.С. Знак, коннотация, стиль: взаиморазвитие // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – №4 (104). – С. 90–92.

46. Степанов М.С. Поэтический дискурс. Поэтический знак. – М., 2011.

47. Степанов М.С. Принцип деграмматикизации в переводе // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2011. – №10. – С. 169–172.

48. Степанов М.С. К проблеме определения категорий эмоции и стиля с семиотической точки зрения // Человеческий капитал. – 2011. – №11 (35). – С. 151–153.

49. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К истории русской переводческой рецепции творчества А.Э.Хаусмена: переводы И.А.Кашкина (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159 – 164.

50. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К.Чуковской // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №9-2. – С. 365–369.

51. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. –2014. – №2 (30). – С. 95–104.

52. Дружинин А.В. Георг Крабб и его произведения // Современник. – 1855. – Т. LIV. – Кн. XI. – Отд. II. – С. 1 – 46; Т. LIV. – Кн. XII. – Отд. II. – С. 111 – 150; 1856. – Т. LV. – Кн. I. – Отд. II. – С. 1 – 32; Т. LV. – Кн. II. – Отд.

II. – С. 55 – 91; Т. LVI. – Кн. III. – Отд. II. – С. 47 – 74; Т. LVII. – Кн. V. – Отд. II. – С. 1 – 38.

УДК 81.25

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Э.Л. ЛИНЕЦКОЙ

*Е.Р.Мирошина, Институт гуманитарного образования и тестирования
(г. Пенза, Россия)*

TRANSLATING ACTIVITY OF E.L. LINETSKAYA

E.R.Miroshina, Institute of humanitarian education and testing (Penza, Russia)

Аннотация. В статье анализируется переводческая деятельность Э.Л.Линецкой на примере романа Джерома К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки». К анализу привлекается большой фактический материал.

Ключевые слова: проза, межкультурная коммуникация, рецепция, традиция.

Abstract. In this article is being regarded the translating activity of famous Russian interpreter E.L. Linetskaya based on her adaptation of Jerome K. Jerome's novel «Three Men in a Boat (To Say Nothing of the Dog)». To the analysis big actual material is attracted.

Key words: prose, cross-cultural communication, reception, tradition.

E-mail: xoxo_9595@mail.ru

В романе Джерома Клапки Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» ярко отразилось умение автора создавать бесчисленные комичные ситуации, кругом подмечать забавное и извлекать смешное буквально из ничего. Писатель обладает талантом строить фразу таким образом, что комизм выплывает буквально из глубины строки, совершенно нейтральные предметы вдруг обнаруживают неиссякаемый источник смеха.

Многие считали, что юмор данного произведения не соответствует духу и традициям Англии и английской литературы. Но на деле юмор Джерома продолжал великие традиции таких знаменитых английских юмористов, как Филдинг, Смоллет, Шеридан и Диккенс. В данной работе представлены три перевода текста романа: Е. Тихомандрицкой (1909 г.), неизвестного (1956 г.) и М. Донского – Э. Линецкой (1979 г.).

В романе Джерома Клапки Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» повествование ведется от лица главного героя, поэтому в структуре романа образ автора тесно связан с главным героем, который выступает в роли авторского «я». Такой рассказ-повествование воспринимается как монолог главного действующего лица, и все события рассматриваются сквозь призму восприятия данного персонажа.

Прототипами героев Джерома послужили три джентльмена, которых он встретил как-то в поезде. Возвращаясь в Лондон, они вспоминали свои приключения. Кроме того, сам Джером не раз ездил в лодке по Темзе и хорошо знал условия путешествия по этой реке.

В исследуемом литературном произведении имеются следующие главные герои: Джордж, Уильям Сэмюэль Харрис, Джей, от лица которого и ведётся повествование, и маленький фокстерьер Монморенси.

Речь каждого героя имеет собственные языковые черты. Например, для того, чтобы лучше подчеркнуть эмоционально-экспрессивную речь главного героя – Харриса, в ней употребляются прилагательные и наречия в усилительной функции. Например:

«Как я рад, дружище, что с тобой встретился!..» [пер. Е.Тихомандрицкой].

«Очень рад, что вы здесь, старина!..» [пер. 1956 г.]

«Чертовски рад, что и ты здесь, старина!..» [пер. М. Донского и Э. Линецкой].

Например, перевод имен собственных часто существенно различается. Имя собственное «William Samuel Harris» в тексте Е. Тихомандрицкой

передано как «Вильям Самуил Гаррис», в тексте 1956 г. как «Вильям Сэмюэль Харрис»; М. Донской и Э. Линецкая дают свой вариант – «Уильям Сэмюэль Гаррис». Ту же ситуацию видим и с кличками животных: собаку зовут «Дик», «Монморенси» и «Монморанси»; и с географическими названиями шлюзов «Cookham lock» (нет варианта, «Кукхэмского» и «Кукэмского»), «Tilehurst» («Тиль-горст», «Тайльхерст» и «Тайлхерст»), «Hampton Court» («Гамптон-Курт», «Хэмптон-Корт» и «Хэмптон-парк») и т. п.

А.В. Федоров отмечает, что «всякий переход от традиционного написания (обычно более связанного с графикой оригинала, чем с его звуковой стороной) к более новому, старающемуся воспроизвести подлинное звучание имени, всегда ощущался как отступление от языковой нормы». Он прибегает к такому написанию имен собственных, которое более точно воспроизводит их фонетическую основу, грамматическую форму, достигая адекватной передачи в тексте перевода, так как собственные имена (личные и географические) связаны с определенной средой, местом и временем действия и неотделимы от обстановки в произведении.

В классической концепции референции Г.Фреге (под референцией понимается соотношение актуализированного, включенного в речь имени или именного выражения к объектам действительности) указывается на то, что имена выполняют функцию указания благодаря своему смыслу при наличии объекта, соответствующему смыслу имени, т.е. именование предполагает описание объекта, к которому относится имя. Фреге при этом подчеркивает, что при утверждении всегда присутствует пресуппозиция, т.е. при употреблении простого или сложного имени, которое указывает на объект, существует либо истинное, либо ложное утверждение.

В.В. Виноградов заметил, что «язык литературно-художественного произведения является сферой скрещения, преобразования и структурного объединения композиционно-речевых форм, характеризующих общий контекст литературы в ту или иную эпоху, а в более тесных пределах — стилистическую структуру художественной школы в определяющих ее

жанровых формах. Но сама «литература» — одна из структурных форм общего социально-речевого контекста эпохи».

Вживание в текст, понятийность понимания приводят читателя (истолкователя) к образованию более глубокого и более широкого горизонта. Суть культуры истолкования заключается в том, чтобы семантический зазор между автором и читателем был наименьшим. Но как бы ни стремился читатель сблизиться с автором, он привносит самого себя, свою систему понятий, свои возможности в процесс понимания.

Рассмотрев лишь некоторые примеры, мы убедились, что такие художественные средства помогают раскрытию образов, усиливают мотивацию поступков действующих лиц произведения, дают достоверную экспрессивно-эмоциональную оценку изображаемым событиям в путешествии по Темзе.

Писатель воздействует на читателя использованием конкретных образных средств: сравнений, метафор, гиперболы, иронии и пр. Переводчики используют этот же арсенал средств, чтобы точнее передать авторскую мысль, подойти ближе к стилистике того или иного писателя. Роман Дж. К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки» позволяет это пронаблюдать.

а) Сравнения.

Сравнение является ярким средством для изображения тех или иных образов в литературно-художественном произведении, как в поэтическом, так и в прозаическом, о чем неоднократно говорилось в статьях предшественников, посвященных поэтическому переводу [1, с. 111–115; 2; 3, с. 109–116; 4, с. 90–92; 5; 6, с. 169–172; 7, с. 151–153], У.Шекспиру и драматургам его времени [8, с. 3–15; 9, р. 509–517; 10, с. 5958–5962; 11, с. 58–60], английской поэзии XVIII века [12, с. 225–241; 13, с. 116–135; 14, с. 693–697; 15, с. 145–149; 16, с. 215–222], творчеству английских романтиков [17, с. 107–115; 18, с. 137–144; 19, с. 232–234; 20, с. 203–206; 21, с. 736–740; 22, с. 176–192; 23, с. 3–8], прерафаэлитов [24, с. 176–178; 25, с. 150–153; 26, с. 37–

46; 27, с. 58–69; 28, с. 110–114; 29, с. 161–165; 30, с. 199–206; 31, с. 82–91] и т. д. Наша статья дополняет эти представления.

Как показали исследования, наиболее распространенным образным художественным средством в романе является сравнение, то есть «фигура речи, состоящая в уподоблении одного предмета другому, у которого предполагается наличие признака, общего с первым».

Сравнения, как одно их художественных средств языка, могут служить для названия сути информации путем сопоставления сравнения с допустимыми, известными или возможными явлениями.

Образность сравнения состоит в сопоставлении двух или нескольких названных словами предметов, явлений, действий, качеств, имеющих близкие или одинаковые признаки. Таких примеров приемов сравнения в характеристике действующих лиц романа можно привести множество. Остановимся лишь на некоторых из них.

Например:

«We were to learn in the days to come, when it was too late, that George was a miserable impostor who could evidently have known nothing whatever about the matter. If you had seen these clothes after-but, as the shilling shockers say, we anticipate».

«Впоследствии нам было суждено узнать – вероятно, слишком поздно, – что Джордж просто гнусный обманщик и ровным счетом ничего не смыслит в этом деле. Если бы вы увидели нашу одежду после... Но, как пишут в наших бульварных романах, не будем предвосхищать события...»

Функционально слова «вероятно», «видимо», «очевидно» можно заменить обособленными сравнительными оборотами.

В индивидуализации речи действующих лиц также играют роль синтаксический строй речи, стиль, словарный состав, интонация. Писатель исключительной речевой характеристикой достигает всестороннего самораскрытия персонажей.

«... and about midnight the picture would be up – very crooked and insecure, the wall for yards round looking as if it had been smoothed down with a rake...»

«... и к полуночи картина водружена на место (правда, очень криво и ненадежно), и стена на несколько ярдов вокруг выглядит так, будто по ней палили картечью...»

В произведении Джерома К. Джерома все персонажи, даже самые второстепенные, обращают на себя внимание эмоционально-экспрессивной окраской, обусловленной особенностями характера. Ср., например:

«Then he flew off about lemonade, and «such-like-Sunday-school slops...»

«Тогда Гаррис обрушился на лимонад, <...> и обозвал все это «помоями, пригодными только для учеников воскресной школы»

Сравнение является ярким средством для изображения тех или иных образов в литературно-художественном произведении.

б) Метафора.

В палитру широко используемых образных средств языка входит метафора, то есть «троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии и т. п.».

Метафоры могут быть выражены словами разных частей речи, например, существительным, прилагательным, глаголом.

Анализ материала показал, что в романе «Трое в лодке, не считая собаки» Джерома К. Джерома широко используется явление метафоры. Приведем несколько примеров такого использования.

Например: «You will have time to think as well to work. Time to drink in life's sunshine ...»

«Тебе хватит времени и на размышление, и на труд, и на то, чтобы насладиться солнечным светом жизни...»

В приведенном примере глаголы «time to think as well to work» заменяются на существительные – «времени и на размышление, и на труд».

Чаще всего фразеологизмы возникают в процессе речевого общения или в описаниях с выражением эмоциональной оценки действительности. Ср., например:

«...time to listen to the Aeolian music that the wind of God draws from the human heart-strings around us – time to»

«...чтобы слушать, застав дыхание, Эолову музыку, которую посланный богом ветерок извлекает из струн человеческого сердца, и на то, чтобы ...»

Употребление существительного «the wind of God» создает более сильное впечатление, чем употребление прямо подходящего по контексту «посланный богом ветерок». Выражение «the human heart-strings» – «струны человеческого сердца» усиливает картину происходящего. Такое сравнение не случайно: Джером К. Джером как бы между строк намекает на грезы веселых легкомысленных героев, так как их мечта становится реальностью, и этот образ на протяжении всей книги вызывает, вероятно, эту ассоциацию.

в) Ирония.

Ирония – еще одно художественное языковое средство, используемое в романе. В научной литературе оно характеризуется как «троп, состоящий в употреблении слова в смысле, обратном буквальному, с целью тонкой или скрытой насмешки; насмешка, нарочито облеченная в форму положительной характеристики или восхваления».

«I called for the cheeses, and took them away in a cab. It was a ramshackle affair, dragged along by a knock-kneed, broken-winded somnambulist, which his owner, in a moment of enthusiasm, during conversation, referred to as horse».

«Мне принесли сыр, и я погрузил его в кеб. По крайней мере это было ветхое сооружение, влекомое беззубым и хромоногим лунастиком, которого его владелец в разговоре со мной, забывшись, назвал лошадью.»

Обратим внимание на то, как Джером К. Джером использует прием иронии, описывает сон главного героя. Например:

«... supposing Harris, say, turned over a new leaf, and became a great and good man, and got to be Prime Minister, and died, if they would put up signs over the public-houses»

«... если бы Гаррис вдруг возродился к новой жизни, сделался бы выдающимся и порядочным человеком, стал бы премьер-министром и потом умер, — появились бы на вывесках трактиров, к которым он благоволил ...»

Пример весьма нагляден в использовании иронии, так как употребление прилагательного «good» (хороший, добрый, любезный и т. д.) используется вместе с существительным «man» (человек). Применяя этот прием, автор точно описывает ситуацию. В первом примере вставная конструкция передает отношение неизбежности, определенности, безусловности того, о чем сообщается в предложении. Такой модальный оттенок вставной конструкции позволяет заменить ее традиционным модальным средством без ущерба для содержания передаваемой информации опять-таки в определенной ситуативной реализации при существующей контекстуальной обусловленности.

В образе автора читатель романа Джерома К. Джерома ощущает острый критический ум, психологическую проницательность, чуткость, здравый смысл, которые проявляют себя в меткой иронии, которая у писателя обнаруживается по-разному, в зависимости от освещения темы. Выявляя человеческие слабости, Джером полон добродушия и терпимости; его рассуждения перерастают в сатирические разоблачения при раскрытии социально-обусловленных пороков эпохи.

г) Сарказм.

Также автором употребляется сарказм — язвительная насмешка. Сарказм содержит беспощадную, уничтожающую оценку лица или явления в отличие от иронии, где негативная оценка подразумевается. Приведем примеры употребления сарказма в романе:

«Тут он поднимает картину и роняет ее, и она вылетает из рамы, и он пытается спасти стекло, порезав при этом руку, и начинает метаться

по комнате в поисках своего носового платка. Носового платка найти он не может, потому что носовой платок – в кармане пиджака, который он снял, а куда девался пиджак, он не помнит, все домашние должны оставить поиски инструментов и приняться за поиски пиджака, в то время как сам герой пляшет по комнате и путается у всех под ногами...»

Таким образом, значение слова как языковая категория может рассматриваться на уровне речи в виде возможных вариантов, представляющих собой конкретную реализацию инвариантного значения, благодаря чему представляется возможность подвергнуть факты употребления слова в различных лингвистических контекстах непосредственному анализу, и тем самым к некоторым семантическим проблемам оказываются вполне применимы такие же строгие приемы исследования, какие используются, например, при изучении грамматических явлений.

Список литературы

1. Степанов М.С. Прагматические аспекты поэтического перевода // *Научно-информационный журнал Армия и общество*. – 2010. – №2. – С. 111–115.
2. Степанов М.С. Денотация и коннотация в поэтическом дискурсе (на материале произведений классической и современной испанской поэзии): *Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук*. – М., 2007.
3. Степанов М.С. Поэтическое как научный объект: аспекты реконструкции // *Научно-информационный журнал Армия и общество*. – 2007. – №3. – С. 109–116.
4. Степанов М.С. Знак, коннотация, стиль: взаиморазвитие // *Ученые записки Российского государственного социального университета*. – 2012. – №4 (104). – С. 90–92.
5. Степанов М.С. *Поэтический дискурс. Поэтический знак*. – М., 2011.

6. Степанов М.С. Принцип деграмматикализации в переводе // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2011. – №10. – С. 169–172.

7. Степанов М.С. К проблеме определения категорий эмоции и стиля с семиотической точки зрения // Человеческий капитал. – 2011. – №11 (35). – С. 151–153.

8. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспир глазами Марины Цветаевой // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. IV: Сборник научных трудов. – М.: Флинта; Наука, 2015. – С. 3 – 15.

9. Zhatkin D.N., Kruglova T.S. Shakespeare in Marina Tsvetaeva's Eyes // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Vol. 6. – №5. – Supplement 4. – P. 509 – 517.

10. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспир и М.И. Цветаева // Фундаментальные исследования. – 2015. – №2. – Ч. 26. – С. 5958 – 5962.

11. Жаткин Д.Н., Орлова Н.Ю. Н.В. Гербель – переводчик фрагментов пьесы Кристофера Марло «Эдуард II» // Культурная жизнь Юга России. – 2010. – №3. – С. 58 – 60.

12. Жаткин Д.Н. Русские переводы Р.Бернса и У.Блейка в восприятии К.И.Чуковского // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. II: Сб. науч. тр. – М.: Флинта; Наука, 2014. – С. 225–241.

13. Жаткин Д.Н. Освоение творчества Р. Бернса русской литературой второй половины 1850 – 1870-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2015. – №6 (38). – С. 116 – 135.

14. Жаткин Д.Н. Роберт Бернс и К.И.Чуковский // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – №3-4. – С. 693–697.

15. Жаткин Д.Н. Творчество Р.Бернса в восприятии современных российских переводчиков // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10-1. – С. 145–149.

16. Жаткин Д.Н. Русская переводческая рецепция поэзии Роберта Бернса (1880–1910-е гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2016. – №3. – С. 215–222.

17. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Поэзия английского романтизма в России: традиции и переводы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – №4 (28). – С. 107 – 115.

18. Жаткин Д.Н. Английская романтическая поэзия в русских переводах 1840 – 1850-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология. – 2008. – №3. – С. 137–144.

19. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Вальтер Скотт и Брюлловы // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – №3 (40). – С. 232 – 234.

20. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Традиции творчества Дж.-Г.Байрона и байронические мотивы в лирике И.И.Козлова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – №4. – С. 203 – 206.

21. Жаткин Д.Н. Томас Мур в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10. – Ч. 4. – С. 736 – 740.

22. Жаткин Д.Н. К вопросу о русских переводах произведений английской романтической литературы с языков-посредников // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – №6. – С. 176 – 192.

23. Жаткин Д.Н., Долгов А.П. Пери в русской поэзии // Русская речь. – 2007. – №3. – С. 3 – 8.

24. Жаткин Д.Н., Чернин В.К. О.Н.Чюмина как переводчик лирического цикла Альфреда Теннисона о Марианне («Марианна», «Марианна на юге») // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2011. – №1. – С. 176–178.

25. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Улисс» в творческой интерпретации К.Д.Бальмонта // *Знание. Понимание. Умение.* – 2010. – №4. – С. 150–153.

26. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Леди из Шалотта» в русских переводах конца XIX века // *Филологические науки.* – 2009. – №2. – С. 37–46.

27. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Русская тема» в литературном творчестве Альфреда Теннисона в контексте русско-английских общественных и литературных связей XIX в. // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2010. – №2. – С. 58–69.

28. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Дора» в русских интерпретациях XIX – начала XX в. // *Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова. Серия Гуманитарные науки.* – 2010. – №4. – С. 110–114.

29. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Художественные особенности произведений Альфреда Теннисона в осмыслении Д.Н.Садовникова // *Вестник Читинского государственного университета.* – 2009. – №3. – С. 161–165.

30. Жаткин Д.Н. Д.Г.Россетти в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского // *XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс.* – 2015. – Т. 2. – №1 (23). – С. 199–206.

31. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (Н.М.Минский, З.А. Венгерова) // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2015. – №2 (34). – С. 82 – 91.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*С.Н.Пузырева, Институт гуманитарного образования и тестирования (г.
Пенза, Россия)*

STYLISTIC PECULIARITIES BY THE TRANSLATION OF THE LITERATURE FOR CHILDREN

S.N.Puzyreva, Institute of humanitarian education and testing (Penza, Russia)

Аннотация. В данной работе осуществляется анализ стилистических особенностей перевода детской литературы, рассматриваются стилистические приемы и средства выразительности, используемые при переводе детской литературы, проводится исследование художественных произведений для детей на основе выявленных проблем перевода.

Ключевые слова: детская литература, художественный перевод, традиция.

Abstract. In this article the analysis of the stylistic specialties of the translation of the literature for children is being conducted. There are being regarded stylistic methods and expression means used by the translation of the literature for children as well as the examination of these art works for children on a revealed translation problems basis.

Key words: literature for children, literary translation, tradition.

E-mail: Yantus93@rambler.ru

Художественный перевод — вид перевода, функционирующий в сфере художественной литературы. Он является инструментом культурного освоения мира и расширения коллективной памяти человечества, фактором самой культуры. Его теоретической базой стали лингвистическая и литературоведческая теории перевода [см., например: 1, с. 107–115; 2, с. 137–144; 3, с. 232–234; 4, с. 159–164; 5, с. 3–15; 6, с. 5958–5962; 7, с. 693–697; 8, с. 280–284; 9, с. 203–206; 10, с. 736–740; 11, с. 3–8; 12, с. 3–11; 13, с. 9–13; 14, с. 3–6; 15, с.

176–178; 16, с. 150–153; 17, с. 37–46; 18, с. 172–176; 19, с. 58–69; 20, с. 110–114; 21, с. 161–165; 22; 23; 24, с. 111–115; 25, с. 109–116; 26, с. 90–92; 27, с. 169–172; 28, с. 151–153].

На переводчике художественного произведения лежит задача воссоздания эмоционального воздействия и намерения автора оригинала. Одной из основных задач переводчика является эквивалентность перевода, но в случае перевода детской литературы пословная передача текста невозможна. От художественного перевода требуется наиболее точная передача сюжетной схемы, литературной манеры, личности и стиля автора.

К.И. Чуковский в своей книге «Высокое искусство» пишет: «Отражение личности писателя в языке его произведений и называется его индивидуальным стилем, присущим ему одному. Если при помощи перевода автору навязывается собственный стиль переводчика, автопортрет автора превращается в автопортрет переводчика. Поэтому напрасно рецензенты, критикуя тот или иной перевод, отмечают в нём только словарные ошибки. Гораздо важнее уловить такие злостные отклонения от подлинника, которые органически связаны с личностью переводчика и в своей массе отражают её, заслоняя переводимого автора. Гораздо важнее найти ту доминанту отклонений от подлинника, при помощи которой переводчик навязывает читателю своё литературное я».

С.Я. Маршак высказался по этой проблеме: «Преодоление своей личной эстетики — обязанность всех переводчиков <...>. Нужно возлюбить переводимого автора больше себя самого и беззаветно, самозабвенно служить воплощению его мыслей и образов, проявляя своё эго только в этом служении, а отнюдь не в навязывании подлиннику своих собственных вкусов и чувств. Прежде чем взяться за перевод какого-нибудь иностранного автора, переводчик должен точно установить для себя стиль этого автора, систему его образов, ритмику. Многие прозаики в качестве средств художественного воздействия прибегают к тем же методам, что и поэты. Хороший переводчик, хотя и смотрит в иностранный текст, думает всё время по-русски и только по-русски, ни на миг

не поддаваясь влиянию иностранных оборотов речи, чуждых законам родного языка».

Перед переводчиком детской литературы встает очень важная задача: сохранение авторского художественно-эстетического воздействия при порождении текста-перевода. Выделяют три цели перевода художественных текстов:

- познакомить читателя с творчеством автора, преодолевая языковой барьер;
- познакомить читателей с своеобразием и особенностями культуры другого народа, нации;
- познакомить читателя непосредственно с содержанием книги.

Для достижения этих целей авторы пользуются абсолютно разными приемами. Чтобы достичь первую цель, переводчику необходимо заменить реалии текста-оригинала на реалии родного языка, которые будут понятны русским читателям. В таком случае читатель сможет увидеть стиль писателя, ознакомиться с его творчеством, но не получит представления о культуре, которую изначально описывает автор. Для достижения второй цели переводчик будет стараться как можно более точно передать реалии текста-оригинала, сохранить его культурную составляющую, но не сможет сохранить оригинальный стиль автора. Последнюю цель можно достигнуть только путем полного сосредоточения на содержании текста. В таком случае читатель получит представление об идее исходного произведения, но в рамках собственной культуры.

Детская художественная литература известна множеством имен переводчиков. Современный поэт и переводчик Григорий Кружков в 2016 году был удостоен премии Александра Солженицына «за энергию поэтического слова, способность постичь вселенную Шекспира и сделать мир англоязычной лирики достоянием русской стихотворной стихии; за филологическое мышление, прозревающее духовные смыслы межъязыковых и межкультурных знаний». Он известен своими переводами англоязычной литературы с ее специфическим

юмором, необычными персонажами и характерной игрой слов. По признанию самого переводчика, детские стихи он переводил для своего удовольствия, что и придает им необходимую экспрессивность и художественность. «Читать такие стихи одно удовольствие, – отзывается о творчестве коллеги М.Д. Яснов. – В них «аукаются» талант, остроумие и тонкое умение в нескольких словах сказать о многом».

Григорий Кружков убежден: никакой филолог не сможет так пристально взглядеться в каждое слово, прочувствовать все его смыслы и оттенки, как переводчик.

Список литературы

1. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *Поэзия английского романтизма в России: традиции и переводы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки.* – 2013. – №4 (28). – С. 107 – 115.

2. Жаткин Д.Н. *Английская романтическая поэзия в русских переводах 1840 – 1850-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология.* – 2008. – №3. – С. 137–144.

3. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *Вальтер Скотт и Брюлловы // Мир науки, культуры, образования.* – 2013. – №3 (40). – С. 232 – 234.

4. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *К истории русской переводческой рецепции творчества А.Э.Хаусмена: переводы И.А.Кашкина (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки.* – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159 – 164.

5. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *Шекспир глазами Марины Цветаевой // Художественный перевод и сравнительное литературоведение – IV: Сб. научных трудов / Отв. ред. Д.Н.Жаткин.* – М.: Флинта; Наука, 2015. – С. 3 – 15.

6. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. *Шекспир и М.И. Цветаева // Фундаментальные исследования.* – 2015. – №2. – Ч. 26. – С. 5958 – 5962.

7. Жаткин Д.Н. Роберт Бернс и К.И.Чуковский // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2016. – №3-4. – С. 693–697.
8. Жаткин Д.Н., Куликова Т.Г. Роберт Бернс в ранних русских переводах (к постановке проблемы) // *Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки*. – 2008. – №5 (61). – С. 280–284.
9. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Традиции творчества Дж.-Г.Байрона и байронические мотивы в лирике И.И.Козлова // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. – 2010. – №4. – С. 203 – 206.
10. Жаткин Д.Н. Томас Мур в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2015. – №10. – Ч. 4. – С. 736 – 740.
11. Жаткин Д.Н., Долгов А.П. Пери в русской поэзии // *Русская речь*. – 2007. – №3. – С. 3 – 8.
12. Жаткин Д.Н. Ода сельскому уединению // *Русская речь*. – 2009. – №5. – С. 3–11.
13. Жаткин Д.Н. «Чаши жизни» в русской поэзии // *Русская речь*. – 2006. – №1. – С. 9 – 13.
14. Жаткин Д.Н. Загадка Филомелы // *Русская речь*. – 2006. – №3. – С. 3 – 6.
15. Жаткин Д.Н., Чернин В.К. О.Н.Чюмина как переводчик лирического цикла Альфреда Теннисона о Марианне («Марианна», «Марианна на юге») // *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*. – 2011. – №1. – С. 176–178.
16. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Улисс» в творческой интерпретации К.Д.Бальмонта // *Знание. Понимание. Умение*. – 2010. – №4. – С. 150–153.
17. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Леди из Шалотта» в русских переводах конца XIX века // *Филологические науки*. – 2009. – №2. – С. 37–46.

18. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэтический цикл Альфреда Теннисона «In Memoriam» в русских переводах XIX – начала XX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2009. – №4. – С. 172–176.

19. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Русская тема» в литературном творчестве Альфреда Теннисона в контексте русско-английских общественных и литературных связей XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – №2. – С. 58–69.

20. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Дора» в русских интерпретациях XIX – начала XX в. // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – №4. – С. 110–114.

21. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Художественные особенности произведений Альфреда Теннисона в осмыслении Д.Н.Садовникова // Вестник Читинского государственного университета. – 2009. – №3. – С. 161–165.

22. Степанов М.С. Денотация и коннотация в поэтическом дискурсе (на материале произведений классической и современной испанской поэзии): Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М., 2007.

23. Степанов М.С. Поэтический дискурс. Поэтический знак. – М., 2011.

24. Степанов М.С. Прагматические аспекты поэтического перевода // Научно-информационный журнал Армия и общество. – 2010. – №2. – С. 111–115.

25. Степанов М.С. Поэтическое как научный объект: аспекты реконструкции // Научно-информационный журнал Армия и общество. – 2007. – №3. – С. 109–116.

26. Степанов М.С. Знак, коннотация, стиль: взаиморазвитие // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – №4 (104). – С. 90–92.

27. Степанов М.С. Принцип деграмматикизации в переводе // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2011. – №10. – С. 169–172.

28. Степанов М.С. К проблеме определения категорий эмоции и стиля с семиотической точки зрения // Человеческий капитал. – 2011. – №11 (35). – С. 151–153.

УДК 81.25

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

*Л.И. Русяйкина, Институт гуманитарного образования и тестирования
(г. Пенза, Россия)*

THE GENDER RELATIONS REGARDING LINGUISTIC AND CULTURAL ASPECT

L.I. Rusyaykina, Institute of humanitarian education and testing (Penza, Russia)

Аннотация. В статье приводится сопоставительный анализ проявления лингвокультурологического аспекта гендерных отношений в русском и английском языках на материале пословиц и поговорок обоих языков, а также художественных произведений русских и английских писателей.

Ключевые слова: гендерные отношения, литература, межкультурная коммуникация, герой.

Abstract. The comparative analysis of the linguistic and cultural aspect of the gender relations in Russian and English languages is being conducted in this article, based on the proverbs of both languages and art works of Russian and English writers as well.

Key words: gender relations, literature, cross-cultural communication, hero.

E-mail: lulunice@yandex.ru

В последнее время можно наблюдать разнообразие методологических подходов к изучению гендера. Важным подходом при анализе гендерных отношений является системный, при котором изучаемый объект представляется и в качестве элемента большей системы, и в качестве системы как таковой со своими элементами и функциями. Структурно-функциональный подход указывает на функцию гендерных отношений, а именно роль в обществе в целом, и раскрывает взаимную зависимость изменений, происходящих в обществе в целом и в зоне взаимоотношений полов. Комплексный подход изучает субъекты гендерных отношений и гендерные стереотипы, например, представления о «настоящей женщине» или «настоящем мужчине» в массовом сознании.

Гендер-концепт становится перспективным объектом для изучения в виду его значимости для культурных и литературных исканий разных эпох, в частности, для творчества английских романтиков [1, с. 107–115; 2, с. 137–144; 3, с. 232–234; 4, с. 203–206; 5, с. 736–740; 6, с. 176–192; 7, с. 3–8], поэзии викторианской Англии [8, с. 110–114; 9, с. 150–153; 10, с. 37–46; 11, с. 58–69; 12, с. 161–165; 13, с. 199–206; 14, с. 82–91; 15, с. 159–164], русской поэзии Серебряного века [16; 17; 18, с. 365–369], шекспировского творчества [19, с. 3–15; 20, с. 509–517; 21, с. 5958–5962; 22, с. 76–92; 23, с. 58–60].

Часто при изучении гендера используются опросные методы. Использование количественных и качественных методов позволяет рассмотреть проблему с разных сторон.

В современной литературе гендерный аспект занимает важное место. Изучение литературы в гендерном аспекте началось совсем недавно, и этому способствовало появление «женской прозы» как массового явления в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Некоторые произведения существовали и раньше. Интерес же к литературе с позиции гендера активно возник в XX веке. К женской прозе в литературоведении в середине 1990-х гг. стали применять слово гендер. В настоящее время можно видеть расцвет женской литературы,

как в России, так и в Англии, и поэтому вопрос гендера в литературоведении становится все более актуальным.

Рассматривая художественную литературу с позиции гендерного аспекта, исследователи учитывают ряд факторов: систему персонажей (модели поведения, внутренний мир, психологию; типологию); проблемно-тематическую специфику; субъектную организацию, прежде всего, планы точек зрения и повествовательных инстанций (автора, повествователя, героя); речь (дискурсы героев-мужчин и героинь-женщин); сюжетно-композиционную организацию; конфликт; стилистику; авторскую картину мира, характер сознания.

В художественной литературе гендерный аспект интересен той функциональной ролью, которую выполняют герои произведений. В рамках этой функциональной роли рисуется художественный мир текста, то есть мужское и женское пространство, взаимосвязь мужских и женских образов.

В связи с гендерными исследованиями в литературе появляется направление, которое называется «гендерная поэтика». Это часть исторической поэтики, разработка которой стоит в ряду главных задач современной науки о литературе. Предметом гендерной поэтики является гендер, выступающий не в качестве биологического пола, а являющийся совокупностью социальных представлений, некая «культурная маска пола» в границах социокультурных представлений, укрепившихся в данном обществе. Гендер анализируется как важный концепт литературы и показывается как измерение социальных моделей поведения, укорененных в данном типе культуры.

В данном контексте любопытна взаимосвязь между такими категориями как гендер и жанр. В XIX – XX веках, как правило, писателями были мужчины, соответственно описываемый художественный мир был сугубо мужским: центром был герой-мужчина – активный, умный, смелый, совершающий подвиги, занятый поисками возлюбленной, побеждавший врагов. Женщине отводилась роль страдательницы, роль объекта поиска

сильного и смелого мужчины, объекта его подвигов. Такую модель можно проследить еще и в античных романах. Но по мере понимания женщины как личности начинаются попытки углубиться в женскую психологию и даже писать от имени женщины.

Здесь речь идет о гендерном сознании и самосознании. В.Макаров утверждает, что гендерное самосознание является системой, элементами которой выступают, помимо гендерной идентичности, представления о собственном соответствии моделям феминности и маскулинности, оценка подобного соответствия и готовность поступать в плане создания собственной модели поведения. Гендерное самосознание – это разновидность социального самосознания, которое обладает такими же признаками, как национальное или классовое самосознание. Но можно гендерное сознание трактовать как взгляд на вещи, который может быть воссоздан и автором-мужчиной. Гендер является сложным культурным образованием и может быть объектом внимания писателей во всех своих аспектах: психологическом, социальном, бытовом, религиозно-мистическом, духовном, идеологическом, телесно-поведенческом и природном.

В наши дни женщина зачастую становится главной героиней произведения, вытесняя мужчину на периферию или же становясь с ним на одном уровне.

Фемининность и маскулинность резко разграничены в языках и противопоставлены друг другу. Вероятна тенденция к изменению гендерного уклада в языке в связи происходящим в общественно-политической жизни общества. Политическая и социальная активность женщин положительно влияет на языковую представленность пола. Об этом свидетельствуют примеры, в отдельных случаях из русского языка (*бизнес-леди, все люди сестры*).

Важной отличительной особенностью русской литературы XIX века являются ее высочайшие художественные достижения. В первую очередь благодаря тому, что русская литература той эпохи сумела гармонично

объединить два основных источника собственной глубины и оригинальности. Нельзя не отметить постоянную включенность литературы в широкие горизонты культуры. Творчество писателей отражало разнообразие философских, научных, религиозных, эстетических проблем. Но все это не смогло бы стать плотью и кровью литературных произведений, если бы писатели не искали способов соединить это разнообразие тем, идей, смыслов, общественных ожиданий, не образовали бы для этих целей новые типы связей в художественном произведении, не придумывали бы оригинальных жанровых образований, не подбирали бы соответствующих выразительных средств и не трансформировали бы множество литературных традиций. Важно сохранение и генерирование, иногда сознательное, а порой интуитивное в смысловом фоне литературного произведения тем, мотивов, предчувствий, идей. Такие фоновые образования сформировали устойчивый для литературы слой только отчасти реализовавшихся, а порой и потенциальных смыслов, иногда лишь смутно угадываемых, но особенно глубоких и динамичных.

Одним из источников самодвижения литературно-художественного процесса в русской литературе XIX века была гендерная проблематика. Отношения мужского и женского почти никогда не становились основным предметом художественного наблюдения и осмысления. Для русской литературы характерно пренебрежение жанрами, связанными с любовной проблематикой. В западноевропейской литературной традиции такого рода жанров было немало. Тема любовных отношений, интриг, войн, жертв, препятствий на пути влюбленных всегда была одной из ведущих в мировой литературной традиции. В русской литературе все было иначе. Писатели избегали такой перспективной темы. Были единичные романтические поэмы, например, «Кавказский пленник», «Цыганы», «Руслан и Людмила» Пушкина, и они были чрезвычайно успешны у читающей публики. Но такой успех продолжался совсем недолго, а именно до тех пор, пока русская литература переживала влияние западноевропейских течений, а именно романтизма и

сентиментализма. Как только русская литература образовывала некое самобытное лицо, так сразу тема любовных отношений мужского и женского быстро вытеснялась на вторые и третьи планы, сохраняясь преимущественно в лирических творениях русских поэтов. В «Евгении Онегине» Пушкина тема отвергнутой и отчасти отомщенной любви обернулась в одно из испытаний главного героя в его исканиях самого себя, в познании тайн собственной души, отвергнувшей бытовые нормы и правила жизни. Пушкин модифицировал любовно-гендерную проблематику, задал ей некий универсальный тон и смысловое наполнение. Да, душевные отношения героя с женщиной, возлюбленной конечно же важны и интересны для писателя, но они никогда не оттеснят более важных и сложных философских, нравственных, социальных проблем. Тут любовная проблематика приобрела совершенно отчетливый оттенок гендерности – в финале персонажи каким-то образом превращаются друг в друга: Татьяна ведет себя так, как когда-то Онегин в саду Лариных, а Онегин молчит, уподобляясь Татьяне в своих невысказанных душевных волнениях. Помимо Пушкина также закрепили позицию любовной, как части гендерной, проблематики М.Ю. Лермонтов («Герой нашего времени»), И.С. Тургенев («Накануне», «Отцы и дети»), А.П.Чехов и др. Изредка данный проблемно-тематический слой всплывал на поверхность русской литературы XIX века, и на его основе были созданы довольно яркие и значительные произведения. В этой связи уже были упомянуты романтические поэмы А.С. Пушкина. Следующим прорывом стала «Женитьба» Н.В. Гоголя.

Традиционно исследовалось своеобразие мужских и женских персонажей, особенности их поведения, мотивов, поступков. Иногда эти образы рассматривались как культурно-психологические типы, такие как тургеневские девушки, инфернальные обольстительницы у Достоевского. Изображение внутреннего мира женщины, а также женских образов глазами мужчин и наоборот является традиционным предметом литературоведческих работ.

Проекции мужского и женского в культуре снабжали одно из условий неизменного включения литературного процесса в культурные контексты эпохи. Сложнейшие отношения мужского и женского, их притяжение-отталкивание брались за основу неисчислимых оттенков смысловой динамики, что делало их устойчивым внутренним источником художественных открытий русских писателей. С гендерной проблематикой в русской художественной литературе оказался объединен неизменный поиск новых способов художественной организации и порождения смыслов, позволивший определить данную проблематику как разновидность концепта. Гендер-концепт становится перспективным объектом для изучения за счет художественных открытий как культурных, так и литературных исканий. Это подтверждено схематичным анализом «Женитьбы» Н.В. Гоголя.

Наиболее часто ее анализируют как художественный опыт, предвосхитивший гоголевские проблемно-тематические слои, а также сатирический пафос. В таком ракурсе пьеса представляется исследователям как «пошлый мир пошлых людей», как художественное исследование «истоков высокомерного хамства» в интимном человеческом мире, где социальное определяет строй души, а «товарные отношения» влияют на «образ любовного союза». Соответственно, и персонажи трактуются как социально-психологические типы. В этом ряду работ есть исследования, где «Женитьба» рассматривается с точки зрения формирования драматургической поэтики в творчестве Гоголя.

В его трактовке Агафья Тихоновна обречена на вечный поиск идеала мужчины, черты которого раздроблены в мире реальном. В подобном подходе есть скрытая переключка с попытками Д.С. Мережковского прозреть в главной героине прообразы Евы и жизни, исходя из значения ее имени. Столь противоречивые трактовки проблем и персонажей «Женитьбы» обусловили контрастные определения ее жанрово-драматических основ. Пьесу рассматривают как опыт развития «миражной интриги», получившей затем наиболее полное воплощение в «Ревизоре». Н.К. Пиксанов склонен

был видеть в ней черты водевиля, действие которого основано на внешнем комизме. А. Смелянский усматривает трансформацию шекспировских коллизий. Подобные противоречивые интерпретации свидетельствуют в первую очередь о сложности и противоречивости самого предмета исследования. Такая специфика диктует применение комплексного подхода, который дает целостное представление о предмете. Анализ смыслов, связанных с мужским и женским, их сложными отношениями, закрепленными культурой, дает целостность пониманию пьесы Гоголя.

При анализе соотнесенности гендерной проблематики с системой художественных связей обнаруживаются глубинные философско-мистические смыслы данной пьесы. Драматург последовательно использовал принцип случайности в развитии смысловой организации пьесы. За основу разрастаний смысловых рядов брались самые разные аспекты: маски, зеркала, приданое Агафьи Тихоновны, ругательства друг с другом и др. Они как бы вспыхивали в действии пьесы то тут, то там, придавая событиям, поступкам и причинам поведения персонажей некую смысловую связь и несли в себе явный оттенок случайности. Все оттенки и нюансы смыслов собирались автором и зависели от него. Действие одних мотивов было длительным, например, зеркало, маска, карты, других – кратким (приданое, плевки), а иных – и совсем мимолетным (купец, арендовавший огород). Мотивы могли переkreщиваться или даже накладываться друг на друга. «Женитьбу» следует рассматривать как целую серию смысловых разрастаний ризомного типа. Это позволяет акцентировать случайный принцип возникновения этих связей и в то же время их нестойкую связь с неким угадываемым «источком», формирующим то, что с помощью литературоведческой терминологии было определено как «мотив». Последовательное выстраивание всей пьесы по принципу ризомы позволило Гоголю строить образ гендера именно как динамичную и нестойкую систему многоцентровых разрастаний, лишенных отчетливой структурированности, причинно-следственной и иерархической зависимости. Неожиданно

возникая, сменяя друг друга, наполняя один на другой, значения художественного образа гендера изначально обрели изменчивость, текучесть, потеряли отчетливые связи с половой принадлежностью персонажей (женские маски на мужчинах, раздробление в подобиях зеркал). Гоголь использовал новый прием, когда гендер-концепт достаточно разросся в своих множественных значениях. Ему удалось создать условия для обнаружения в гендере самых неожиданных значений, последовательно проводить во втором действии «тактику наслоения» ризомных образований. Это было не просто одновременное выстраивание «сквозь события» сразу нескольких сформированных ранее мотивов. Он создал некое подобие их хаотического смешения-взаимодействия, имитируя с этой целью ситуацию, напоминающую тасование колоды карт.

Для рассмотрения языковых гендерных особенностей художественного текста и гендерных отношений в художественной литературе мы проведем сопоставительный анализ англоязычного текста и его перевода на русский язык на примере сказки Л.Кэрролла «Алиса в стране чудес». В произведении выделяются проявления гендерного аспекта через имена сказочных персонажей, что побуждает нас к анализу персонажей и приписываемых им гендерных характеристик.

Исследование гендерного компонента сказки Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес» и ее перевода на русский язык показывает то, что он может выражаться через имена персонажей, через их грамматический род, влияя тем самым на основание художественного образа и характер его восприятия. В сказке категория рода является важным элементом в персонификации образа, идет соотношение неодушевленных предметов с местоимениями she/he. Грамматический род имени дает гендерно-окрашенное восприятие персонажа, причем оказываются значимыми признаки, совпадающие с должными гендерными стереотипами.

Анализ оригинала и переводов сказки показал, что переводчики не уделяют надлежащего внимания такому вопросу, как гендерный аспект

имени персонажа, в каждом переводе присутствуют недочёты и ошибки при передаче имен персонажей. Неправильно выбранная схема перевода способствует гендерным сдвигам, что мешает адекватному восприятию текста перевода. Например, калькирование при переводе имен Dormouse – Соня и Caterpillar – Гусеница способствует тому, что изначально мужские персонажи становятся женскими. Однако маскулинные черты вызывают неоднозначное восприятие данных героев.

В оригинале отчетливо прослеживается, что Caterpillar – герой мужского пола. Алиса, разговаривая с этим героем, использует обращение «sir» (сэр): *Alice replied, rather shyly, «I – I hardly know, sir, just at present...».*

Caterpillar изображается курящим кальян, и все переводчики передают эту гендерно-маркированную единицу: *She stretched herself up on tiptoe, and peeped over the edge of the mushroom, and her eyes immediately met those of a large caterpillar, that was sitting on the top with its arms folded, quietly smoking a long hookah, and taking not the smallest notice of her or of anything else.*

Она встала на цыпочки, посмотрела на шляпку гриба и обнаружила там огромную гусеницу, сидевшую наверху, сложив руки на груди и спокойно покуривавшую кальян и не обращающую ни малейшего внимания ни на нее, ни на все остальное (перевод Н. И. Старилова).

Весомым доказательством того, что Caterpillar является мужским персонажем, служит то, как сами британцы воспринимают этого героя. В экранизации сказки, снятой в 1972 в Великобритании, этого персонажа играют мужчины. В России же в основном идет перевод его имени как Гусеница и Сороконожка, что неверно. Маскулинные характеристики, обращение «sir» и наличие кальяна, соответствуют имени героя: генерализация – Червяк, конкретизация – Шелкопряд. Здесь решена проблема адекватного, гендерно-корректного перевода.

Dormouse – герой мужского пола, при описании которого используются местоимения мужского рода (he, his, him). Однако при переводе также применяется калькирование: Dormouse – Соня (небольшое животное отряда

грызунов) – существительное женского рода. «Соня» – «тот, кто любит много спать» – относится как к мужскому полу, так и к женскому. Однако в оригинале Dormouse является не только любителем поспать, но и грызуном. Следовало найти гендерно-корректный эквивалент. Вместо этого, например, Н. М. Демурова, подчеркивает фемининность героя, переводя – Мышь-Соня. Н. И. Стариков употребляет имя Соня в мужском роде, стараясь сгладить грамматические ошибки, добавляя при первом упоминании персонажа к его имени слово «зверек». Правильный перевод, отражающий смысл и гендерный аспект имени Dormouse, – Сурок. Он, как и Соня, принадлежит к отряду грызунов. Слово «сурок» мужского рода. Как видим, ни один перевод не является точным в плане передачи гендерного аспекта имен персонажей из-за калькирования.

В художественной литературе гендерное содержание персонажей, выражаемое через имена, не должно оставаться незамеченным. Существуют различные ассоциации в обоих языках, в основе которых лежит гендерный аспект. Для создания адекватного перевода важно суметь распознать эти ассоциации. Гендерные сдвиги приводят к искажению текста и потере смысла. Всегда можно найти вариант перевода, отвечающий «гендерным требованиям».

Пословицы и поговорки как устойчивые фразы используются у каждого народа с давних времён в речевом поведении совместно со словами и устойчивыми сочетаниями слов. Пословицей является словесная формула, которая не связана с каким-либо фольклорным или литературным произведением. Это изречение, сжатое по смыслу, образное, законченное по форме, с поучительным смыслом и ритмическим выражением. Пословицу можно отнести к жанру фольклора. Она является логически законченной фразой или образным изречением, все время несет в себе поучительный смысл. В ней отражается народная мудрость, жизненный опыт. Поговорка же является словосочетанием, отражающим какое-либо явление жизни, ее можно отнести к одному из малых жанров фольклора. Зачастую поговорка

носит юмористический характер. Из басни и пословицы она может выделиться и перейти в живую речь: это не отвлеченная формула идеи произведения, но образный намёк на неё, взятый из самого произведения и служащий его заменой. В отличие от пословицы поговорка не содержит поучительный смысл и не является завершённым предложением.

Существует огромное количество русских пословиц. Значительная часть из них затрагивает концепты «мужчина» и «женщина». Если говорить о частоте употребления пословиц про мужчин и женщин, то следует отметить, что пословицы о женщине количественно преобладают над пословицами о мужчине. И в основном все пословицы, которые касаются мужского пола, непременно затрагивают женщину. Но, несмотря на преобладание пословиц о женском поле, тем не менее, установлено, что мужчина описывается как предмет, а женщина является главным образом объектом.

В некоторых пословицах прослеживается неполная принадлежность женщины к категории «человек». Хотя женщина в некоторых пословицах и показывается как не вполне человек, можно найти аналогичные высказывания и в адрес мужского пола. Также существуют пословицы, в которых отображена не только зависимость женщины от мужчины, но и обратное.

В пословицах практически не отмечена физическая слабость женщины, напротив, женщины проявляют силу воли и решительность, несмотря на попытки мужчин не давать им этой воли. Образ женщины в русских пословицах рассмотрен намного шире, нежели образ мужчины, но, к сожалению, несет в себе отрицательный посыл. Проанализировав русские пословицы, мы можем смело констатировать, что женский образ обозначается именно как женщина, мать, дочь, сестра, невеста, золовка, свекровь, теща, бабушка. Многим женщинам из русских пословиц свойственен слабый ум; впрочем, есть пословицы, которые высоко оценивают женский ум, непредсказуемый и вздорный нрав, болтливость

языка. Женщины в пословицах брешут, врут, метут языком, талдычат, сплетничают. Описывается хозяйственность как необходимое женское качество, внешность второстепенна.

Понятие «женщина» в английских пословицах показано словами woman, wife (жена), maid (служанка). Понятие же «мужчина» показано словом man. Возникает достаточно частая проблема при разграничении двух значений слова man – «мужчина» и «человек». Большая часть пословиц с man имеет значение «человек». В английских пословицах также явно прослеживается намек на болтливость и бесполезность женщин, характерную скудость женского ума, но существует и несколько высказываний, которые высоко оценивают женский ум. Следует отметить, что в пословицах и поговорках англичан говорится, в основном, о самой женщине вообще, но также выделены и небольшие группы о жене, вдове, дочери, матери. В русских и английских пословицах сходится взгляд на роль женщины в обществе, на эмоциональные состояния, на ее внешние и нравственные качества, однако в русских пословицах все это отражено более ярко, широко, всесторонне.

Английские пословицы сверкают умом, знанием женского сердца, но нет в них размаха в описании предмета с разных точек зрения. Пословицы выделяются тем, что они отражают ум, заурядность характера, специфические особенности народа, создавшего их. Склад ума, характера души англичан и русских разные, соответственно это проявилось и в фольклоре. В английских пословицах нет ни слова о женских работах (стряпуха, швея, доярка, повариха); отсутствуют пословицы о ворожбе, о нечисти женского рода (ведьма, русалка, Баба Яга и др.).

Английские и русские пословицы отличаются не только особенностями характера и способностями души, но и тем, как мысли отражены в слове. Английские пословицы несут в себе след мудрого познания жизни, а русские – выделяются агрессивностью, жестокостью. К примеру, возьмем пословицы о злых женах. В русских пословицах – яркие

сравнения, остро подобранные слова, передающие отчаяние, зло, надежду на смерть жены. Рассмотрев мужчин в стереотипном образе, можно сказать, что им присущи качества, связывающие с деятельностью и активностью, а именно: предприимчивость, решительность, стремление к достижению цели, отвага, настойчивость, уверенность в своих силах.

Небольшое количество пословиц и поговорок с определением «мужчина», как в русском, так и в английском языках, показывает, что необходимость в отдельных пословицах, характеризующих мужчин отсутствует, поскольку все пословицы, за исключением небольшой части «женских» пословиц, воспринимаются как мужские. Сравнение английских и русских пословиц с определением «женщина» позволяет выделить общие и отличительные черты образа женщины, а также разнообразное к ней отношение в двух культурах. Обе культуры характеризуются образом женщины-хозяйки. К умственным способностям женщин двойное отношение: можно выделить как пословицы, признающие мудрость женщины, так и пословицы, ее отрицающие. Англичанки и русские одинаково относятся к возрасту и своей внешности, прибегают к разным уловкам и любят поболтать языком, используют свою слабость, – и все же отношение к женщине в русской и английской культурах разное. У английского и русского народов множество пословиц со сходным значением. Объясняется это общечеловеческими ценностями: ведь есть взгляды, понятия, убеждения, являющиеся общими для всех народов. К русским пословицам часто можно подобрать английские пословицы со схожим смыслом. Английский и русский языки относятся к разным группам, русские и англичане не имели тесных контактов, и каждый шел своим путем исторического развития, многие народные афоризмы полностью или частично соответствуют, а некоторая часть совпадает по смыслу.

Список литературы

1. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Поэзия английского романтизма в России: традиции и переводы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – №4 (28). – С. 107 – 115.
2. Жаткин Д.Н. Английская романтическая поэзия в русских переводах 1840 – 1850-х гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология. – 2008. – №3. – С. 137–144.
3. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Вальтер Скотт и Брюлловы // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – №3 (40). – С. 232 – 234.
4. Жаткин Д.Н., Бобылева С.В. Традиции творчества Дж.-Г.Байрона и байронические мотивы в лирике И.И.Козлова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2010. – №4. – С. 203 – 206.
5. Жаткин Д.Н. Томас Мур в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №10. – Ч. 4. – С. 736 – 740.
6. Жаткин Д.Н. К вопросу о русских переводах произведений английской романтической литературы с языков-посредников // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – №6. – С. 176 – 192.
7. Жаткин Д.Н., Долгов А.П. Пери в русской поэзии // Русская речь. – 2007. – №3. – С. 3 – 8.
8. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Дора» в русских интерпретациях XIX – начала XX в. // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – №4. – С. 110–114.

9. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Улисс» в творческой интерпретации К.Д.Бальмонта // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – №4. – С. 150–153.

10. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Леди из Шалотта» в русских переводах конца XIX века // Филологические науки. – 2009. – №2. – С. 37–46.

11. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Русская тема» в литературном творчестве Альфреда Теннисона в контексте русско-английских общественных и литературных связей XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – №2. – С. 58–69.

12. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Художественные особенности произведений Альфреда Теннисона в осмыслении Д.Н.Садовникова // Вестник Читинского государственного университета. – 2009. – №3. – С. 161–165.

13. Жаткин Д.Н. Д.Г.Россетти в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 2. – №1 (23). – С. 199–206.

14. Жаткин Д.Н. Данте Габриэль Россетти и Серебряный век русской литературы (Н.М.Минский, З.А. Венгерова) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №2 (34). – С. 82 – 91.

15. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. К истории русской переводческой рецепции творчества А.Э.Хаусмена: переводы И.А.Кашкина (по материалам Российского государственного архива литературы и искусства) // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. Серия Социально-гуманитарные науки. – 2015. – №1 (23). – Т. 1. – С. 159 – 164.

16. Круглова Т.С. Адресованная лирика русского модернизма: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2013.

17. Круглова Т.С. «Адресованная» лирика Марины Цветаевой: коммуникативно-жанровый аспект: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008.

18. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К.Чуковской // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №9-2. – С. 365–369.

19. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспир глазами Марины Цветаевой // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. IV: Сборник научных трудов. – М.: Флинта; Наука, 2015. – С. 3 – 15.

20. Zhatkin D.N., Kruglova T.S. Shakespeare in Marina Tsvetaeva's Eyes // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Vol. 6. – №5. – Supplement 4. – P. 509 – 517.

21. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспир и М.И. Цветаева // Фундаментальные исследования. – 2015. – №2. – Ч. 26. – С. 5958 – 5962.

22. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспировская тема в творчестве М.И.Цветаевой // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – №4 (36). – С. 76–92.

23. Жаткин Д.Н., Орлова Н.Ю. Н.В. Гербель – переводчик фрагментов пьесы Кристофера Марло «Эдуард II» // Культурная жизнь Юга России. – 2010. – №3. – С. 58 – 60.

**СПЕЦИФИКА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ В
СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО ВАРИАНТАХ**

*Е.А. Степанова, Институт гуманитарного образования и тестирования
(г. Пенза, Россия)*

**THE DERIVATION MODELS SPECIALTY IN THE MODERN GERMAN
LANGUAGE AND ITS VARIANTS**

E.A. Stepanova, Institute of humanitarian education and testing (Penza, Russia)

Аннотация. В данной работе мы рассмотрели системы словообразования в стандартном немецком языке Германии и его вариантах, а также постарались выявить различия и особенности в словообразовании.

Ключевые слова: словообразовательная модель, словообразовательная категория, семантика.

Abstract. In this article is being examined the derivation system in the common german language and its variants, as well as the difference and peculiarities of derivation in general.

Keywords: derivation model, derivation category, semantics.

E-mail: refsugxsdrf@mail.ru

В настоящее время немецкий язык приобретает популярность. Все больше людей заинтересовано в изучении немецкого языка, а проблема, поднимаемая в данной работе, нередко становилась объектом внимания в исследованиях по сравнительно-историческому языкознанию, сравнительному литературоведению и истории русской литературы [см., например: 1, с. 176–192; 2, с. 3–11; 3, с. 3–6; 4, с. 3–6; 5, с. 3–15; 6, р. 509–517; 7, с. 5958–5962; 8, с. 107–115; 9, с. 137–144; 10, с. 736–740; 11, с. 58–69; 12, с. 150–153; 13, с. 110–114; 14, с. 161–165; 15, с. 199–206; 16; 17;

18, с. 365–369; 19, с. 95–104]. Однако, в отличие от английского языка, который, как и немецкий, имеет несколько вариантов, имеющих несущественные различия между собой, немецкий язык имеет варианты, значительно отличающиеся друг от друга в такой степени, что даже жители соседних немецкоязычных государств, как, например, Германия и Австрия, могут понимать друг друга с большим трудом, а некоторые слова или даже выражения могут строиться и звучать абсолютно по-разному, вызывая полное непонимание и создавая препятствия в дальнейшем общении с жителями данного государства.

Словообразование немецкого языка интересно тем, что благодаря ему слова могут приобретать различные оттенки значений или же полностью менять значение. Рассмотрим подробнее основные модели словообразования.

В безаффиксной или имплицитной модели словообразования отсутствует аффикс, из-за чего трудно определить производную основу. В этой модели обычно происходит изменение корневой гласной (*springen* – *Sprung*), добавление умлаута (*kämpfen* – *Kampf*) или аблаута.

В префиксальной и полупрефиксальной моделях словообразования к производящей основе добавляется префикс или полупрефикс, который обязательно стоит перед основой. Такая модель встречается в немецком языке чаще остальных. Префиксы придают слову различные оттенки значений:

schlagen – бить, *erschlagen* – убить;
denken – думать, *bedenken* – обдумать;
laufen – бежать, *entlaufen* – убежать;
sprechen – говорить, *entsprechen* – отвечать требованиям;
sagen – говорить, *versagen* – отказывать.

Так же префиксы могут кардинально менять значение слова:

brauchen – нуждаться, *verbrauchen* – потреблять;
bringen – приносить, *verbringen* – проводить время;
legen – положить, *überlegen* – обдумать;

fehlen – отсутствовать, empfehlen – рекомендовать.

С помощью префикса *un-* образуются антонимы:

möglich – unmöglich; sichtbar – unsichtbar;

erträglich – unerträglich;

Sinn – смысл, Unsinn – бессмыслица.

С помощью префикса *ur-* слову придается значение чего-то первоначального:

Recht – право, Urrecht – первообразное право человека;

Meer – море, Urmeer – праокеан;

Kirche – церковь, Urkirche – раннее христианство.

С помощью полупрефикса *mit-* обозначается совместное действие:

Glied – конечность, Mitglied – член сообщества;

laufen – бежать, mitlaufen – вместе бежать;

bringen – приносить, mitbringen – приносить с собой.

При помощи полупрефикса *miss-* получают значение чего-либо неправильного или отрицательного, неприятного:

Deutung – толкование, Mißdeutung – ложное толкование;

Rede – разговор, Mißrede – дурная молва.

Полупрефикс *aus* обычно является аналогом русского «вы-» в таких словах, как «выносить (*aushalten*)», «выпить (*austrinken*)», «высказать или выговорить (*aussagen*)». Префикс *zer-* имеет значение приставки «раз-» в русском языке:

разделать – zerlegen;

разрезать – zerscheiden,;

разноситься ветром – zerfliegen.

Префиксы *fort-* и *weg-* обозначают «далеко, прочь»:

weglaufen – убежать;

fortlaufen – убежать;

wegnehmen – отбирать;

forttragen – уносить.

Полупрефикс *ab-* имеет значение лишения, удаления, «от-»:

abschlagen – отбивать;

abspringen – отпрыгивать, отскакивать;

abnehmen – худеть, терять вес;

abblühen – отцветать.

Имена прилагательные образуются при помощи различных суффиксов:

-ig: *ruhig, auswendig, schwierig*;

-isch: *grüblerisch, chinesisch, gespenstisch*;

-lich: *weiblich, dringlich, ehrlich*;

-sam: *einsam, grausam*;

-bar: *brauchbar, furchtbar*;

-haft: *geisterhaft, zaghaf*.

Кроме этих суффиксов имеется полусуффиксальные способ и группа полусуффиксов, обозначающая наличие (*-voll, -reich*) или отсутствие (*-los, -frei, -arm*) чего-либо:

Kopf – голова, *kopflös* – безголовый;

Wehr – оружие, защита, *wehrlos* – беззащитный;

fett – жирный, *fettfrei* – нежирный;

fettarm – нежирный;

umfangreich – вместительный;

erfolgreich – успешный, *erfolglos* – безуспешный;

sinnvoll – осмысленный, *sinnlos* – бессмысленный.

Глаголы образуются с помощью следующих суффиксов:

-er: *steigern, verändern*;

-el: *schmeicheln, schaufeln*;

-ig: *beerdigen, bestätigen*;

-ier: *spendieren, lädieren*;

-sch: *waschen, austauschen*;

-z: *schluchzen, schwatzen*;

-tsch: *klatschen*;

-ch: brauchen, tauchen.

Суффиксальным способом образуются и имена существительные. Суффиксы в именах существительных помогают определить их род. Существительные женского рода имеют суффиксы:

-in: Sklaverin, Lehrerin;
-schaft: Wissenschaft, Eigenschaft;
-heit или -keit: Menschheit, Geselligkeit;
-ei: Tyrannei, Brauerei;
-e: Seele, Menge;
-t: Flut, Glut;
-tion: Habilitation, Inspiration;
-ung: Umgebung, Bewegung.

Существительные мужского рода образуются с помощью следующих суффиксов, большинство из которых обозначает какую-либо профессию:

-er: Brauer, Bauer;
-aner: Indianer;
-ling: Häuptling, Jungling;
-e: Pole, Türke;
-ist: Spezialist;
-ant: Lieferant, Denunziant;
-ent: Präsident;
-ieur: Ingenieur;
-eur: Regisseur;
-or: Imperator, Navigator;
-ismus: Egoismus, Relativismus.

Существительные среднего рода образуются от глаголов:

schweigen – молчать, Schweigen – молчание;
vertrauen – доверять, Vertrauen – доверие;
benehmen – вести себя, Benehmen – поведение.

Также существительные среднего рода образуются с помощью уменьшительных суффиксов *-lein* (*Mäuslein, Fräulein*) и *-chen* (*Mädchen, Grübchen*). Благодаря суффиксам *-chen* и *-lein* слова, независимо от того, какой род они изначально, получают средний род и умлаут в корне.

Некоторые суффиксы образуют имена существительные нескольких родов. Например, суффикс *-nis* может быть у существительных как женского (*die Erlaubnis*), так и среднего рода (*das Verzeichnis*), а суффикс *-tum* может быть у существительных мужского (*der Schrifttum*) и среднего рода (*das Altertum*).

При образовании слов в немецком языке так же широко используется словосложение, соединяются несколько основ, где главное слово ставится последним:

Sackegalisierungsvorrichtung – устройство (Vorrichtung)
для прокатки (Egalisierung) мешков (Sack);
Schwangerschaftsbescheinigung – справка
(Bescheinigung) о беременности (Schwangerschaft);
Umdrehungsgeschwindigkeit – скорость
(Geschwindigkeit) вращения (Umdrehung)).

При префиксально-суффиксальном способе словообразования к корню добавляется и префикс, и суффикс. К именам существительным добавляется префикс *ge-* и суффикс *-e*. Таким способом могут образовываться существительные мужского рода, обозначающие:

- людей: *Gehilfe* – помощник (от *Hilfe*);
- собирательные: *Getreide* – злаки, *Gestirn* – созвездие (от *Stern*),
Gewässer – сточные воды (от *Wasser*);
- отглагольные существительные среднего рода: *Gespräch* (от *sprechen*),
Gedanke (от *denken*), *Gesang* (от *singen*).

Список литературы

1. Жаткин Д.Н. К вопросу о русских переводах произведений английской романтической литературы с языков-посредников // Вестник

Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – №6. – С. 176 – 192.

2. Жаткин Д.Н. Ода сельскому уединению // *Русская речь*. – 2009. – №5. – С. 3–11.

3. Жаткин Д.Н. Загадка Филомелы // *Русская речь*. – 2006. – №3. – С. 3 – 6.

4. Жаткин Д.Н. «Лебедь Авзонии» // *Русская речь*. – 2008. – №1. – С. 3 – 6.

5. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспир глазами Марины Цветаевой // *Художественный перевод и сравнительное литературоведение. IV: Сборник научных трудов*. – М.: Флинта; Наука, 2015. – С. 3 – 15.

6. Zhatkin D.N., Kruglova T.S. Shakespeare in Marina Tsvetaeva's Eyes // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. – 2015. – Vol. 6. – №5. – Supplement 4. – P. 509 – 517.

7. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспир и М.И. Цветаева // *Фундаментальные исследования*. – 2015. – №2. – Ч. 26. – С. 5958 – 5962.

8. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Поэзия английского романтизма в России: традиции и переводы // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. – 2013. – №4 (28). – С. 107 – 115.

9. Жаткин Д.Н. Английская романтическая поэзия в русских переводах 1840 – 1850-х гг. // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология*. – 2008. – №3. – С. 137–144.

10. Жаткин Д.Н. Томас Мур в восприятии и осмыслении К.И. Чуковского // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. – 2015. – №10. – Ч. 4. – С. 736 – 740.

11. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Русская тема» в литературном творчестве Альфреда Теннисона в контексте русско-английских общественных и литературных связей XIX в. // *Известия высших учебных*

заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – №2. – С. 58–69.

12. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Улисс» в творческой интерпретации К.Д.Бальмонта // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – №4. – С. 150–153.

13. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Дора» в русских интерпретациях XIX – начала XX в. // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – №4. – С. 110–114.

14. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Художественные особенности произведений Альфреда Теннисона в осмыслении Д.Н.Садовникова // Вестник Читинского государственного университета. – 2009. – №3. – С. 161–165.

15. Жаткин Д.Н. Д.Г.Россетти в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 2. – №1 (23). – С. 199–206.

16. Круглова Т.С. Адресованная лирика русского модернизма: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2013.

17. Круглова Т.С. «Адресованная» лирика Марины Цветаевой: коммуникативно-жанровый аспект: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008.

18. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Образы немецкого мира в «Записках об Анне Ахматовой» Л.К.Чуковской // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – №9-2. – С. 365–369.

19. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. И.И.Хемницер и немецкая литература (к постановке проблемы) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – №2 (30). – С. 95–104.

ПРИРОДА СТЕРЕОТИПОВ И ИХ РОЛЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

*Н.В. Струнина, Пензенский государственный университет, г. Пенза,
Россия*

THE NATURE OF STEREOTYPES AND THEIR ROLE IN CROSS- CULTURAL COMMUNICATION

N.V. Strunina, Penza State University, Penza, Russia

Аннотация. Статья посвящена вопросу формирования стереотипов и их значению в межкультурном общении. Рассматриваются ключевые понятия теории межкультурной коммуникации – язык и культура. Особое внимание уделяется описанию перцептивной стороны общения – восприятию. Отмечается, что в ходе межкультурной коммуникации собеседники часто опираются на стереотипы. Раскрывается как положительное, так и отрицательное влияние стереотипов на общение представителей разных культур. Также рассматриваются пути формирования стереотипных представлений.

Ключевые слова: стереотипы, межкультурная коммуникация, язык, культура.

Abstract. The article is devoted to the formation of stereotypes and their importance in cross-cultural communication. The key concepts of the cross-cultural communication theory - language and culture – are considered. Special attention is paid to perception while communicating. It is noted that the course of cross-cultural communication is often based on stereotypes. Both positive and negative effects of stereotypes on the cross-cultural communication are revealed. Also the ways of stereotypes formation are considered.

Key words: stereotypes, cross-cultural communication, language, culture.

E-mail: natstrunina@mail.ru

Мудрость межкультурного взаимодействия заключается в том, чтобы не спешить с умозаключениями, когда люди делают, на ваш взгляд, что-то странное. Подыгрывайте им, пока не поймете эту культуру.

Гарри Триандис

Вопросы, связанные с культурой и общением между народами, в последнее время привлекают пристальное внимание исследователей. Это связано, в первую очередь, с глобальными изменениями, происходящими в мире. Потрясения в политике, экономике, обществе приводят как к сближению культур, так и к культурным конфликтам. Поэтому сейчас особенно важно сохранить устойчивое развитие мирового сообщества, не допуская межэтнических и межконфессиональных конфликтов. Для достижения данной цели необходимо воспитывать толерантность к чужим традициям, уважать другие культуры и принимать их непохожесть.

Проблемами общения и взаимодействия разных народов и культур занимается новая наука – межкультурная коммуникация. Ключевыми понятиями теории межкультурной коммуникации являются язык и культура. Очевидна их тесная взаимосвязь. Язык можно назвать зеркалом культуры, в котором находит отражение не только реальный мир вокруг человека, но и менталитет народа, его национальный характер, традиции, обычаи. Язык – копилка культурных ценностей, хранящихся в фольклоре, в художественной и научной литературе. Язык можно рассматривать и в качестве инструмента культуры, формирующего личность человека через культуру народа, пользующегося данным языком как средством общения [7, с. 17].

В настоящее время в данной науке существует два основных направления исследований: описательное и культурно-антропологическое. Задача описательного направления заключается в том, чтобы выявить, описать и интерпретировать повседневное поведение людей с целью объяснения глубинных причин и детерминирующих факторов их культуры. Культурно-антропологическое направление анализирует различные виды

культурной деятельности социальных групп, их нормы, правила и ценности [6, с. 15].

Одной из основных целей исследований в области межкультурной коммуникации является формирование и развитие у коммуникантов способности к правильной интерпретации коммуникативного поведения. Взаимодействие невозможно без взаимопонимания. Для того, чтобы эффективно общаться с представителем другой культуры, необходимо увидеть мир его глазами, понять, что он чувствует в данной ситуации.

В психологии рассматривается перцептивная сторона общения, т.е. восприятие человека человеком. С.Л. Рубинштейн отмечал, что на основе внешней стороны поведения люди «читают» друг друга, расшифровывая значение внешних данных. Познавая друг друга, участники общения одновременно дают эмоциональную оценку, пытаются понять причины поступков, и на этой основе строят стратегию своего собственного поведения [4, с.179].

Также в содержание восприятия входит соотнесение внешних признаков поведения с личностными характеристиками коммуниканта и интерпретацию на этой основе его поступков. Для того, чтобы правильно оценить поступки собеседника, необходимо знать действительные причины его поведения. Однако зачастую люди, испытывая недостаток информации, начинают приписывать друг другу причины поведения либо на основе сходства поведения собеседника с другим человеком, либо на основе анализа собственных мотивов, предполагаемых в похожей ситуации [Там же, с.180].

Другими словами, при интерпретации чужого поведения люди склонны опираться на стереотипные представления о другой культуре. Большой Российский энциклопедический словарь определяет социальный стереотип как «стандартизированный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально окрашенные и обладающие большой устойчивостью; выражает привычное отношение человека к какому-либо

явлению, сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта» [1, с. 1500].

Основу стереотипных представлений составляют упрощенные ментальные репрезентации различных категорий людей, преувеличивающие сходные качества между этнокультурными свойствами народов и игнорирующие различия. Взаимодействие коммуникантов строится на стереотипах тогда, когда нет возможности интерпретировать каждую ситуацию более детально.

В ходе межкультурного общения стереотипы могут оказывать как положительное, так и отрицательное влияние. Положительное влияние стереотипов основано на том, что на обработку информации, поступающей извне, затрачивается минимум усилий, т.к. стереотипы олицетворяют опыт познания мира человеком.

Отрицательное влияние стереотипов связано с тем, что основой для суждений является несущественный признак, что может приводить не только к неправильным выводам, но и к искаженному восприятию явлений другой культуры [2, с. 14].

Взаимодействуя с представителями других культур, человек рассматривает их поведение с точки зрения своей культуры, «меряет на свой аршин». Однако зачастую непонимание вербальных и невербальных элементов поведения собеседника не позволяет правильно толковать смысл его действий, что может вызывать настороженность и даже враждебность. Стереотипы призваны помочь преодолеть барьер непонимания, давая подсказки относительно интерпретации поведения других людей.

Стереотипы возникают из-за многократного повторения однообразных жизненных ситуаций в жизни людей. Это приводит к тому, что однообразные действия закрепляются в сознании в виде устойчивых схем и моделей поведения. Стереотипы формируются благодаря такой особенности человеческого сознания, как закрепление информации об однородных явлениях, фактах и людях в виде устойчивых идеальных образований.

Человек фиксирует однородную информацию в соответствующих представлениях, образах, оценках, с помощью которых люди обмениваются информацией и понимают друг друга.

Говоря о природе стереотипов, необходимо отметить, что существует несколько путей формирования стереотипных представлений. Во-первых, они могут усваиваться в ходе социализации и инкультурации. А.П. Садохин определяет социализацию как «процесс усвоения человеком необходимых знаний, культурных ценностей, норм поведения и навыков, позволяющих ему стать полноценным членом общества или определенной этнокультурной группы» [6, с. 279]. Инкультурация рассматривается им как «процесс приобщения человека к определенной этнической культуре и обретения им необходимых для жизни культурных навыков» [Там же, с. 277]. Многие стереотипы передаются и развиваются в соответствии с образами, заложенными в наше сознание родителями. После 30 лет жизни эти устойчивые представления меняются с большим трудом.

Во-вторых, на процесс формирования стереотипов оказывает влияние тесное общение с узким кругом людей (родители, учителя, друзья и т.д.). Если учитель говорит, что «англичане – чопорная нация», то дети воспримут этот стереотип.

В-третьих, стереотипы могут образовываться через ограниченные личные контакты. Например, если на рынке вас обманул торговец-азербайджанец, то вы можете прийти к выводу, что все азербайджанцы лживы. Т.е. в данном случае стереотип формируется на основе недостаточной информации.

В-четвертых, заметную роль в возникновении стереотипов играют средства массовой информации. Многие людей свято верят в правдивость информации, услышанной по радио и телевидению или прочитанной в газете. Если при этом человек не обладает собственным мнением, то полученная информация не переосмысливается критически.

Рассмотрев природу возникновения стереотипов, хотелось бы проиллюстрировать теоретические положения примерами из исследовательской практики. В нашем исследовании, посвященном формированию межкультурной компетенции (МКК), в качестве одного из структурных элементов МКК мы рассматриваем когнитивный компонент. Одним из средств диагностики данного компонента являлся лингвокультурологический опрос студентов вуза, позволивший обозначить культурно-языковую картину Англии в их опыте. Рассмотрение этого аспекта МКК нам представляется весьма важным, т.к. формирование культурной и языковой картин мира, дающих представление о других народах, происходит под активным влиянием стереотипов. Поэтому было необходимо выявить представления студентов в отношении страны туманного Альбиона.

Суть опроса заключалась в том, что студентам первого курса (около 60 человек) было предложено записать первые пять слов, которые им приходят на ум, когда речь идет об Англии и англичанах. Культурная и языковая картины страны были представлены следующим образом.

Чаще всего упоминались:

1. Королева Елизавета II.
2. Биг Бен.
3. Чай в 5 часов.
4. Зеленые поля.
5. Двухэтажные автобусы.
6. Британский вариант английского языка.
7. Уинстон Черчилль.
8. Лондон, футбол.
9. Дождливая погода.
10. Спокойные, дружелюбные люди; оживленные улицы.

Итак, по результатам опроса, языковая и культурная картины английского мира глазами наших студентов достаточно стереотипны и

основаны преимущественно на информации, полученной из прессы, радио и телевидения. Существуют пробелы в знаниях касательно современной жизни в Англии и характера ее жителей. Многие студенты до сих пор думают, что все англичане свято соблюдают традицию пить чай в пять часов. Однако по личному опыту и по информации из современных СМИ, можно заметить, что данная традиция определенно устарела и в настоящее время существует больше для туристов, чем для англичан.

Хочется отметить, что данный опрос проиллюстрировал помимо шаблонных представлений и вполне объективные, реально существующие явления (например, двухэтажные автобусы и знаменитые кэбы действительно то и дело попадаются на глаза в Лондоне). Т.е. при всей своей шаблонности стереотипы обобщают представления о стране и ее культуре, уменьшают культурный шок. «Стереотипы позволяют человеку составить представление о мире в целом, выйти за рамки своего узкого социального, географического и политического мира» [5, с. 17].

Говоря о роли стереотипов в межкультурной коммуникации, необходимо подчеркнуть, что в процессе общения с представителями других культур очень сложно обойтись без стереотипов. Однако, чем больше опыт такого межкультурного взаимодействия, тем меньше человек подвержен стереотипизации.

В целом, стереотипы могут быть полезны в следующих случаях:

1) если его сознательно придерживаются. Человек должен понимать, что стереотип отражает групповые нормы и ценности, а не индивидуальные качества коммуниканта;

2) если стереотип является описательным, а не содержит оценок. Важно, чтобы в стереотипах отражались объективные качества людей, а не их оценка как хороших или плохих;

3) если стереотип является точным. Это предполагает, что стереотип адекватно выражает признаки и черты группы, к которой причисляет себя индивид;

4) если стереотип – всего лишь догадка о группе, а не прямая информация о ней. Важно, чтобы первое впечатление о группе не испортило достоверного знания обо всех участниках данной группы;

5) если стереотип модифицирован, т.е. основан на дальнейших наблюдениях и опыте общения с реальными людьми [3, с. 230].

В заключение хочется отметить, что люди продолжают активно пользоваться стереотипами в ходе межкультурной коммуникации, хотя обстоятельства и жизненный опыт могут убеждать в их несостоятельности. Поэтому важно научиться эффективно обходиться со стереотипами, отказываясь от них в случае затруднения коммуникации.

Список литературы

1. *Большой Российский энциклопедический словарь*. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2006. – 1887 с.
2. *Гришаева Л.И. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова*. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 352 с.
3. *Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / Под ред. А.П. Садохина*. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 352 с.
4. *Общая психология: Курс лекций для первой ступени педагогического образования / Сост. Е.И. Рогов*. – М.: ВЛАДОС, 2002. – 448 с.
5. *Павловская А.В. Россия и Америка. Проблемы общения культур*. М.: МГУ, 1998. – 303 с.
6. *Садохин А.П. Межкультурная коммуникация: Учебное пособие*. М.: Альфа-М; ИНФРА-М, 2004. – 288 с.
7. *Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация*. – 2-е издание, доработанное. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА НА УРОВНЕ ФОНЕТИКИ И ГРАФИКИ

Д.Г. Трофименко, Институт гуманитарного образования и тестирования

(г. Пенза, Россия)

**TRANSLATION DIFFICULTIES OF THE PHONETICS AND GRAPHICS
LEVEL**

D.G. Trofimenko, Institute of humanitarian education and testing (Penza, Russia)

Аннотация. В статье рассматриваются особенности перевода, связанные с фонетическими и графическими трудностями на базе различия фонетических систем языков.

Ключевые слова: способы перевода, реалии, фонетический уровень.

Abstract. The article deals with the translation peculiarities connected with phonetic and graphic difficulties based on the diversity of the languages phonetic systems.

Keywords: translation methods, realia, phonetic level.

E-mail: dashutenok08@yandex.ru

Основной задачей для переводчика является адекватная передача содержания и сохранение прагматики текста [см., например: 1, с. 3–15; 2, р. 509–517; 3, с. 5958–5962; 4, с. 225–241; 5, с. 116–135]. Подчас для этого требуется умение взглянуть на него глазами читателя подлинника, свойственное ведущим переводчикам [6; 7; 8, с. 111–115; 9, с. 109–116; 10, с. 90–92; 11, с. 169–172; 12, с. 151–153; 13, с. 736–740; 14, с. 3–8; 15, с. 176–178; 16, с. 150–153; 17, с. 37–46; 18, с. 107–115; 19, с. 137–144; 20, с. 172–176; 21, с. 58–69; 22, с. 110–114; 23, с. 161–165].

Что касается уровня фонетики языка, то в каждом языке имеется определенный набор звуков, благодаря которым создается звуковой образ

слов. Звук получает конкретное значение лишь в составе слова, помогая различать слова речи друг от друга. Такой звук принято называть фонемой.

Итак, звук – это результат колебаний звучащего физического тела в среде, улавливаемых органом слуха человека. Он характеризуется такими физическими показателями как высота, тембр, сила, длительность. С такими особенностями звук способны воспроизводить различные объекты и человек. Но чтобы стать полноценным звуком речи, звук должен быть создан при участии органов речи человека и являться частью фонологической системы того или иного языка. Стоит отметить, что термин «фонема» был введён в науку в 70-е годы XIX века для разграничения общего понятия и реально произносимого звука. Так, фонема – это наименьшая значимая частица языка, которая выделяется только в составе морфем.

В фонетике любого языка есть свои характерные особенности. Рассмотрим основные различия фонетических систем русского и английского языков.

Алфавит русского современного языка содержит 33 буквы, из которых 10 гласных и 23 согласных букв:

Аа Бб Вв Гг Дд Ее Ёё Жж Зз Ии Йй Кк Лл Мм Нн Оо Пп Рр Сс Тт Уу Фф Хх Цц Чч Шш Щщ Ъь Ыы Ьь Ээ Юю Яя.

Фактически в таком виде он существует с 1918 года, но официально лишь с 1942 г., так как ранее считалось, что в русском алфавите 32 буквы, поскольку Е и Ё рассматривались как вариации одной и той же буквы.

Все звуки речи можно поделить на гласные и согласные. В основе такого деления лежит участие органов речевого аппарата: легкие, дыхательное горло, гортань, голосовые связки, полость рта, полость носа, губы, язык.

Так, русский язык насчитывает 42 звука:

6 гласных звуков: [а] [и] [о] [у] [ы] [э]

36 согласных звуков: [б] [бь] [в] [вь] [г] [гь] [д] [дь] [ж] [й] [з] [зь] [к] [кь] [л] [ль] [м] [мь] [н] [нь] [п] [пь] [р] [рь] [с] [сь] [т] [ть] [ф] [фь] [х] [хь] [ц] [чь] [ш] [щ].

Для всех гласных русского языка свойственно наличие голоса, а их произношение зависит от вибраций голосовых связок и беспрепятственности прохождения воздуха через рот.

Рассматривая гласные звуки с точки зрения артикуляции, ученые классифицируют их по степени подъема языка, месту подъема (ряд) и участию губ в звукообразовании.

По степени подъема языка к нёбу звуки делятся на гласные верхнего, среднего и нижнего подъема:

гласные верхнего подъема: [и], [ы], [у];

гласные среднего подъема: [э], [о];

гласные нижнего подъема: [а].

По ряду различают следующие виды гласных звуков: гласные переднего, среднего и заднего ряда:

гласные переднего ряда: [и] [э];

гласные среднего ряда: [ы] [а];

гласные заднего ряда: [у] [о].

По наличию или отсутствию лабиализации (степени участия губ) гласные могут быть лабиализованные и нелабиализованные:

лабиализованные гласные: [у], [о];

нелабиализованные гласные: [и], [ы], [э], [а].

Выделяют также закрытые, полукрытые и открытые гласные звуки. Степень открытости зависит от того, насколько близко расположен язык к нёбу:

закрытые звуки [и], [у] – язык поднят высоко;

полукрытые звуки [е], [о] – язык ниже;

открытый звук [а] – язык совсем низко.

Согласные звуки – это звуки, которые образуются при участии голоса и шума, в отличие от гласных.

Согласно ученым Зенкову и Сапожниковой [23, с. 58], согласные звуки русского языка можно распределить по четырем основным признакам:

- 1) по наличию или отсутствию смягчения;
- 2) по участию голоса и шума в образовании;
- 3) по способу образования;
- 4) по участию в образовании отдельных органов речи.

По наличию или отсутствию смягчения согласные звуки могут быть твердыми или мягкими. Большинство твердых и мягких согласных образуют пары: [б] – [б'], [в] – [в'], [г] – [г'], [д] – [д'], [з] – [з'], [к] – [к'], [л] – [л'], [м] – [м'], [н] – [н'], [п] – [п'], [р] – [р'], [с] – [с'], [т] – [т'], [ф] – [ф'], [х] – [х'].

У некоторых согласных звуков отсутствуют пары по твердости-мягкости. Так, в русском языке имеются непарные твердые и мягкие согласные: [ж], [ш], [ц]; [ш'], [й], [ч].

По участию голоса и шума согласные звуки делятся на звонкие и глухие. Согласные звуки, образующиеся при участии голоса и шума, называются звонкими ([д], [д'], [з], [з'] и др.). А если в образовании звуков участвует лишь шум, то такие звуки называются глухими ([т], [т'], [с], [с'] и др.). Большинство звонких и глухих согласных в русском языке образуют пары по звонкости – глухости: [б] – [п], [б'] – [п'], [в] – [ф], [в'] – [ф'], [г] – [к], [г'] – [к'], [д] – [т], [д'] – [т'], [з] – [с], [з'] – [с'], [ж] – [ш].

Такие звуки как [й], [л], [л'], [м], [м'], [н], [н'], [р], [р'] не имеют соответствующую пару с глухими согласными, следовательно, они являются непарными звонкими. По-другому их называют сонорными. И наоборот, глухие согласные, не образующие пары со звонкими, являются непарными глухими. К ним относятся звуки [ч], [ц], [х], [х'].

Согласные звуки можно также поделить по способу образования. Именно он передает характер преграды, т. е. вследствие чего образуется звук. Различают два основных способа взаимодействия речевых органов –

смыкание и сближение. При смыкании образуются смычные согласные, при сближении – щелевые.

Щелевые (фрикативные) – при образовании этих звуков органы речи сближаются и образуют узкую щель, через которую с трением проходит воздушная струя:

- [ф], [ф'], [в], [в'] – нижняя губа образует щель с верхними зубами;
- [с], [с'], [з], [з'] – передняя часть спинки языка образует щель с верхними зубами и деснами;
- [ш], [ж], [щ] – поднятый широкий кончик языка образует щель с альвеолами или твердым нёбом;
- [х], [х'] – задняя часть спинки языка образует щель с мягким нёбом;
- [ј] – средняя часть спинки языка образует щель с твердым нёбом.

Смычно-взрывные – во время произношения данных звуков органы речевого аппарата смыкаются, а после происходит размыкание, и воздух с шумом выходит наружу, образуя толчок, взрыв:

- [п], [п'], [б], [б'] – смычку образуют губы;
- [т], [т'], [д], [д'] – передняя часть спинки языка образует смычку с верхними зубами или альвеолами;
- [к], [к'], [г], [г'] – задняя часть спинки языка образует смычку с мягким нёбом или задним краем твердого нёба.

Смычно-щелевые (аффрикаты) – они характеризуется сложной артикуляцией со смычным началом и щелевым концом, причем этот переход артикуляций происходит совершенно незаметно:

- [ц] – передняя часть спинки языка при опущенном кончике языка сначала образует смычку с верхними зубами или альвеолами, которая незаметно переходит в щель между ними;
- [ч] – кончик языка вместе с передней частью спинки языка образует смычку с верхними зубами или альвеолами, переходящую незаметно в щель между ними.

Смычно-проходные – при их образовании одни участки органов речи образуют смычку, другие – проход для воздушной струи:

- [м], [м'] – смычку образуют губы, воздушная струя идет через нос;
- [н], [н'] – передняя часть спинки языка образует смычку с верхними зубами или альвеолами, воздушная струя идет через нос;
- [л], [л'] – кончик языка образует смычку с альвеолами или верхними зубами, воздушная струя идет по бокам языка, между языком и щекой.

Единственным дрожащим (вибрант) звуком является [р], [р'] – кончик языка поднят вверх и ритмично колеблется (вибрирует) в проходящей воздушной струе.

По участию органов речи в образовании согласные звуки делятся на губные и язычные. Подвижные органы, образующие преграду для выхода воздуха, и определяют место образования. Так, согласные могут быть:

- Губно-губные: [п], [п'], [б], [б'], [м], [м'] – преграда образуется нижней и верхней губой.
- Губно-зубные: [ф], [ф'], [в], [в'] – преграда образуется нижней губой и верхними зубами.
- Переднеязычные: [т], [д], [н], [л], [л'], [р], [р'], [ш], [ж], [ч], [щ], [т'], [д'], [н'], [с], [с'], [з], [з'], [ц] – преграда образуется передней частью спинки языка.
- Среднеязычные: [й] – преграда образуется средней частью спинки языка.
- Заднеязычные: [к], [к'], [г], [г'], [х], [х'] – преграда образуется задней частью спинки языка.

В отличие от русского алфавита английский состоит из 26 букв, что на 7 букв меньше:

Aa Bb Cc Dd Ee Ff Gg Hh Ii Jj Kk Ll Mm Nn Oo Pp Qq Rr Ss Tt Uu Vv Ww Xx
Yy Zz

Как было указано выше, в русском языке десять гласных букв передают шесть гласных звуков и четыре сочетания звука [й] с четырьмя гласными; в то время как в английском языке всего пять гласных букв образуют двадцать гласных звуков.

Работа органов речи при произношении английских гласных звуков не проста и многообразна, потому что в ней принимают участие весь артикуляционный аппарат и даже самые незначительные изменения в их движении очень важны, так как они могут полностью изменить звук.

Итак, в английском языке 5 гласных букв: Aa Ee Ii Oo Uu

Необходимо взять во внимание тот факт, что букву Yy считают полугласной.

Гласные буквы передают 20 гласных звуков:

- 12 монофтонгов (гласных, которые звучат идентично на всем протяжении): [i:], [i], [e], [a:], [ʌ], [ʊ], [ə]
- 8 дифтонгов (состоят из двух звуков): [ei], [ai], [oi], [au], [əʊ], [iə], [eə], [ʊə]
- 2 трифтонга (состоят из трех звуков): [aiə], [auə]

Дифтонги и трифтонги по своей природе являются долгими гласными.

При артикуляции английских гласных крайне важно сохранять их долготу или краткость, так как несоблюдение этого правила может привести к тому, что значение слова изменится в корне:

pull [pul] тянуть – pool [pu:l] бассейн;

ship [ʃip] корабль – sheep [ʃi:p] овца;

live [liv] жить – leave [li:v] оставлять, покидать .

Как и в русском языке, при классификации английских гласных звуков берутся во внимание различные положения языка, участие в артикуляции определенной части и высота спинки языка относительно нёба.

Передние гласные

Если большая часть языка находится возле передних зубов и при этом касается нижних зубов, а средняя его область выгнута вверх, то образованные в таком случае гласные называются передними (монофтонги [i:], [e], [æ] и первые элементы дифтонгов [eə], [ei]).

Задние гласные

Монофтонги [u:], [o:], [o] и первый элемент дифтонга [oi] получаются, когда основная масса языка располагается в задней части ротовой полости, и корень языка стремится к мягкому нёбу.

Заднепродвинутые гласные

При артикуляции монофтонгов [u], [a:] и первой составной части дифтонга [uə] основная часть языка немного продвинута вперёд по сравнению с положением в задней части ротовой полости.

Центральные гласные

Центральные гласные ([e:], [ə], [a] и первый элемент дифтонга [əu]) образуются, когда большая масса языка расположена в центре ротовой полости. Ее части при этом приподняты в одинаковой степени.

Также по высоте разделяют три вида гласных.

Высокие гласные: [i:], [i], [u], [u:] и первые элементы дифтонгов [iə], [uə]. При их артикуляции основная масса языка высоко поднимается в ротовой полости.

Средние гласные: [e], [e:], [ə], [o:] и первые элементы дифтонгов [ei], [əu], [eə] произносятся, когда значительная часть языка находится в середине рта, а средняя и задняя части языка равномерно приподняты.

Низкие гласные: [a], [æ], [a:], [o] и первые элементы дифтонгов [oi], [ai], [au] образуются, если язык расположен низко в ротовой полости.

В английском языке выделяют также отдельную группу гласных – напряженные. Монофтонги могут произноситься с некоторым мышечным напряжением, как в звуках [a:], [o:], или без напряжения, как в [i], [a]. К напряженным относят гласные [i:], [u:], [o:], [a:], [e:], а остальные являются ненапряжёнными. Дифтонги считаются полунпряжёнными, так как к концу их артикуляции напряжение, как правило, ослабевает.

В отличие от русских звуков английские могут быть долгими и краткими. Но основа различения гласных – лишь качественные характеристики, поскольку длительность звучания в действительности исторически долгих гласных довольно изменчива.

Как уже было замечено, при образовании согласных звуков воздух на своём пути встречает разные преграды, создаваемые активными органами речевого аппарата.

Согласные звуки английского языка группируют исходя из следующих особенностей:

- место и активный орган артикуляции
- тип преграды
- способ образования шума
- количество шумообразующих преград
- работа голосовых связок
- сила произнесения.

В зависимости от органов речи, участвующих в артикуляции, согласные делятся на губные, язычные и гортанные.

Губные согласные могут быть:

- губно-губными, артикулируемыми обеими губами – [w], [m], [p], [b]
- губно-зубными, произносимыми нижней губой и верхними зубами – [f], [v].

Язычные согласные

Язычные согласные в свою очередь делятся на переднеязычные, среднеязычные и заднеязычные.

Переднеязычные согласные могут быть:

- межзубными – [θ], [ð] (поверхность передней части языка образует неполную преграду с верхними зубами);
- апикально-альвеолярными – [t], [d], [n], [l], [s], [z], [ʃ], [ʒ], [tʃ], [dʒ] (передний край языка поднят к альвеолярной дуге);
- какуминально-заальвеолярными – [r] (передний край языка поднят вверх и слегка загнут к заднему скату альвеол).

В среднеязычных согласных преграда образуется путем поднятия средней части языка к твёрдому нёбу. Так артикулируется единственный в английском дорсально-палатальный звук [j].

Заднеязычные согласные артикулируются поднятием задней части языка к мягкому нёбу – [k], [g], [ŋ]. Это дорсально-велярные звуки.

Гортанный согласный

Единственный в английском языке гортанный звук [h] образуется в гортани, когда на выдохе поток воздуха с лёгким шумом проходит через суженную голосовую щель, голосовые связки при этом не вибрируют, а органы речи занимают положение, необходимое для артикуляции гласного звука, следующего за данным гортанным согласным.

Смычные/щелевые согласные

По типу преграды, образующей шум, согласные разделяются на смычные (образуется полная преграда) и щелевые (образуется неполная преграда).

Смычные согласные: [p], [b], [t], [d], [k], [g], [m], [n], [ŋ], [tʃ], [dʒ].

Щелевые согласные: [f], [v], [θ], [ð], [s], [z], [ʃ], [ʒ], [h], [w], [l], [r], [j].

Смычные и щелевые согласные могут быть шумными и сонантами.

Смычные шумные согласные подразделяются на взрывные и аффрикаты. При артикуляции взрывных согласных полная преграда размыкается, воздух с шумом выходит из ротовой полости: [p], [b], [t], [d], [k], [g]. А при произношении аффрикатов происходит тесное слияние смычного начала с ффрикативным отступом. Размыкание органов речи, образующих полную преграду, происходит плавно, звуки артикулируются с усилением: [tʃ], [dʒ].

Фрикативные согласные

При артикуляции таких согласных воздух выходит через узкую щель, создавая шум трения. Форма щели может быть плоской, как в [f], [v], или круглой, как в [s], [z]. К фрикативным согласным относятся: [f], [v], [θ], [ð], [s], [z], [ʃ], [ʒ], [h].

Носовые сонанты

Все смычные сонанты являются носовыми, так как в ротовой полости образуется полная преграда, и воздух выходит через носовую полость. Носовые сонанты: [m], [n], [ŋ].

Ртовые сонанты

Щелевые сонанты по способу артикуляции называются ртовыми. Они подразделяются на срединные сонанты, при образовании которых боковые края языка подняты и касаются боковых зубов, а воздух выходит вдоль центральной части языка – [w], [r], [j], и боковые, при произнесении которых передний край языка поднят к альвеолам и касается их, а боковые края опущены, воздух выходит через боковые проходы – [l].

Как было отмечено выше, гласные звуки – звуки музыкального тона, а большинство согласных представляют собой звуки шума. Однако существуют согласные, в которых музыкальный тон преобладает над шумом. Они называются сонорными – (w, j, n, l), а остальные – шумными – (f, v, s).

Тональность согласного звука обусловлена частотой колебаний органов речи. Частота колебаний органов речи при артикуляции шумных согласных звуков находится в нижней части частотного поддиапазона, а при артикуляции тональных согласных звуков – в более высокой.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать некие выводы относительно звуков русского и английского алфавита.

Для начала необходимо отметить, что общее количество звуков в русском и английском языках примерно одинаково. В английском – 44 звука, в русском – 42. Но нельзя то же самое сказать о количестве букв, так как в русском языке их на 7 больше. Однако в английском языке значительно больше гласных звуков (20), а в русском языке насчитывается лишь шесть.

В большинстве случаев, носители русского языка почти не улавливают на слух разницу между некоторыми английскими гласными звуками, что приводит к затруднению понимания смысла английских слов. Таким образом, можно определить первое отличие английской фонетики от русской.

Существуют английские звуки, которые воспринимаются носителем русского языка как один звук. Для примера приведем английские слова, в которых похожие звуки воспринимаются как русский звук [a]:hat [hæt] – шляпа, hard [hɑ:d] – тяжело, hot [hɒt] – горячий.

Второй важной чертой является то, что в русском языке не существуют долгие гласные. В английском же языке есть краткие и долгие звуки. Долгота английских гласных является смысловозначительным признаком.

В числе английских гласных фонем имеются так же дифтонги. Это звуки, которые состоят из двух звуков, произносимых одним усилием. При этом первый элемент звучит более протяжно, отчётливо. А второй – значительно короче и слабее. В русском языке такого явления не существует.

Согласные английского и русского языков также имеют свои различия. Почти все английские согласные произносятся твёрдо. Их смягчение не искажает смысла слова, но придаёт речи акцент, что, безусловно, вызывает незначительные трудности в понимании. В русском же языке существуют 16 согласных звуков, которые могут произноситься и твёрдо, и мягко, а замена мягкости/твёрдости согласного ведёт к изменению смысла слова в целом.

В английском языке не допускается оглушение согласных в конце слова, так как это приводит к изменению смысла. В русском же оглушение в конце слова допустимо. Например:

русский: хлеб [хлеп], друг [друк], пруд [прут];

английский: bad [bæd] – плохой – bat [bæt] – летучая мышь, sad [sæd] – грустный – said [sed] – сказал.

В английском языке есть согласные ([p], [t], [k]), которые произносятся с аспирацией. Аспирация (от лат. *aspiro* – произношу с придыханием) – это слабый звук [h], который слышится после взрыва при произнесении данных звуков. Слабый звук [h] как бы отделяет согласный звук от гласного: push [p^hʊʃ], tea [t^hi:], car [k^ha:].

Однако стоит помнить, что в сочетаниях [sp, sk, st] и в безударном слоге звуки [p], [k], [t] произносятся без аспирации.

Большинство слов в русском языке имеют строгие окончания. И в их основе – преимущественно гласные звуки. В английском языке флексий гораздо меньше, которые в своем большинстве состоят из согласных. Это затрудняет их восприятие. Для примера можно привести:

русский: папы, преподает, кровати, закрытый;

английский: father's ['fɑ:ðəz], teaches ['ti:tʃɪz], beds [bedz], closed [kləʊzd]

В целом, английские звуки, по сравнению с русскими, произносятся более энергично, с большими физическими усилиями. Типичен низкий уклад языка, губы слегка растянуты. В то время как русское произношение характеризуется большей расслабленностью и вялостью органов речи.

Список литературы

1. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспир глазами Марины Цветаевой // *Художественный перевод и сравнительное литературоведение. IV: Сборник научных трудов.* – М.: Флинта; Наука, 2015. – С. 3 – 15.

2. Zhatkin D.N., Kruglova T.S. Shakespeare in Marina Tsvetaeva's Eyes // *Mediterranean Journal of Social Sciences.* – 2015. – Vol. 6. – №5. – Supplement 4. – P. 509 – 517.

3. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Шекспир и М.И. Цветаева // *Фундаментальные исследования.* – 2015. – №2. – Ч. 26. – С. 5958 – 5962.

4. Жаткин Д.Н. Русские переводы Р.Бернса и У.Блейка в восприятии К.И.Чуковского // *Художественный перевод и сравнительное литературоведение. II: Сб. науч. тр.* – М.: Флинта; Наука, 2014. – С. 225–241.

5. Жаткин Д.Н. Освоение творчества Р. Бёрнса русской литературой второй половины 1850 – 1870-х гг. // *Вестник Томского государственного университета. Филология.* – 2015. – №6 (38). – С. 116 – 135.

6. Степанов М.С. Денотация и коннотация в поэтическом дискурсе (на материале произведений классической и современной испанской поэзии): *Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук.* – М., 2007.

7. Степанов М.С. *Поэтический дискурс. Поэтический знак.* – М., 2011.
8. Степанов М.С. *Прагматические аспекты поэтического перевода // Научно-информационный журнал Армия и общество.* – 2010. – №2. – С. 111–115.
9. Степанов М.С. *Поэтическое как научный объект: аспекты реконструкции // Научно-информационный журнал Армия и общество.* – 2007. – №3. – С. 109–116.
10. Степанов М.С. *Знак, коннотация, стиль: взаиморазвитие // Ученые записки Российского государственного социального университета.* – 2012. – №4 (104). – С. 90–92.
11. Степанов М.С. *Принцип деграмматикализации в переводе // Ученые записки Российского государственного социального университета.* – 2011. – №10. – С. 169–172.
12. Степанов М.С. *К проблеме определения категорий эмоции и стиля с семиотической точки зрения // Человеческий капитал.* – 2011. – №11 (35). – С. 151–153.
13. Жаткин Д.Н. *Томас Мур в восприятии и осмыслении К.И.Чуковского // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований.* – 2015. – №10. – Ч. 4. – С. 736 – 740.
14. Жаткин Д.Н., Долгов А.П. *Пери в русской поэзии // Русская речь.* – 2007. – №3. – С. 3 – 8.
15. Жаткин Д.Н., Чернин В.К. *О.Н.Чюмина как переводчик лирического цикла Альфреда Теннисона о Марианне («Марианна», «Марианна на юге») // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета.* – 2011. – №1. – С. 176–178.
16. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. *Поэма Альфреда Теннисона «Улисс» в творческой интерпретации К.Д.Бальмонта // Знание. Понимание. Умение.* – 2010. – №4. – С. 150–153.

17. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Леди из Шалотта» в русских переводах конца XIX века // *Филологические науки*. – 2009. – №2. – С. 37–46.

18. Жаткин Д.Н., Круглова Т.С. Поэзия английского романтизма в России: традиции и переводы // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. – 2013. – №4 (28). – С. 107 – 115.

19. Жаткин Д.Н. Английская романтическая поэзия в русских переводах 1840 – 1850-х гг. // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия Русская филология*. – 2008. – №3. – С. 137–144.

20. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэтический цикл Альфреда Теннисона «*In Memoriam*» в русских переводах XIX – начала XX в. // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. – 2009. – №4. – С. 172–176.

21. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. «Русская тема» в литературном творчестве Альфреда Теннисона в контексте русско-английских общественных и литературных связей XIX в. // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. – 2010. – №2. – С. 58–69.

22. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Поэма Альфреда Теннисона «Дора» в русских интерпретациях XIX – начала XX в. // *Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова. Серия Гуманитарные науки*. – 2010. – №4. – С. 110–114.

23. Чернин В.К., Жаткин Д.Н. Художественные особенности произведений Альфреда Теннисона в осмыслении Д.Н.Садовникова // *Вестник Читинского государственного университета*. – 2009. – №3. – С. 161–165.

УДК 811.11-112

**ПРОЯВЛЕНИЕ СИНЕРГЕТИКИ КОНЦЕПТА БРЕНД В
АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

*Н.В. Шимон, ГБОУ ВО Московской области Государственный
университет «Дубна», г. Дубна, Россия*

**MANIFESTATION OF SYNERGETIC OF THE BRAND CONCEPT
IN ENGLISH AND RUSSIAN**

N.V. Shimon, State University «Dubna» in Moscow Region, Dubna, Russia

Аннотация: В данной статье описывается понятие концепта бренд, что это такое, как исторически сложилось такое понятие, в каких сферах он используется, понимается ли он как коммуникативная единица, предназначенная для информирования о товаре, услуге, идее, а также рассмотрение концепта бренд с точки зрения синергетики в английском и русском языках.

Ключевые слова: синергетика, бренд, система, аттрактор, хаос, язык.

Abstract: The concept brand is described in this article, what is it, how was it historically developed as a concept, in what spheres it is used, and could it be understood as a communication unit intended for informing on goods, service, the idea, and also the consideration of a concept brand from the point of view of synergetic in English and Russian.

Key words: synergetic, brand, system, attractor, chaos, language.

E-mail: kutepovan@mail.ru

Синергетика – это одно из наиболее перспективных научных направлений, которое возникло и развивается в последнее время. Синергетика зародилась в сфере физики, и как концепция распространила свое влияние на науки, которые относятся к естественнонаучным областям знания, например, к гуманитарным. Что же такое синергетика? – Это процессы, которые происходят в какой-либо сфере, хаотичны, не последовательны, через какой-то промежуток времени выстраивают свою логическую связь (систему) или наоборот могут исчезнуть, так и не

выстраясь. Т.е. может возникнуть некая система, которая сможет привести к какому-нибудь результату или может произойти разрушение системы, что приведет к утрате всего. Можно рассматривать язык как саморазвивающуюся систему и изучать его в системе синергетических категорий, т.е. в парадигме лингвосинергетики. Возникновение в конце XX – начале XXI века этого нового направления позволило по-новому взглянуть на бренд как нелинейное образование, которое отличается полисемиотической природой, т.е. равной значимостью вербально и невербально выраженного смысла. Однако, при изучении языка с синергетической позиции, можно встретить препятствия. В квантовой физике существуют такие понятия как «точки бифуркации», «диссипативность», которые с высокой точностью отражают процессы эволюции самоорганизующихся структур, которые являются препятствием в лингвистике и не находят четкое и однозначное определение. Можно попытаться рассмотреть это препятствие, если рассмотреть, например, понятие аттрактора. Аттрактор – (от англ. attract) – привлекать, притягивать. Он является одним из наиболее важных понятий в синергетической концепции в исследованиях о языке как самоорганизующейся структуре. Если мы говорим об эволюции, о его движении, то мы должны упомянуть аттрактор. И.А. Герман формулирует: *«Аттракторы разного вида – это отдельные области упорядоченности открытой, сильно неравновесной системы»*. Она же цитирует Р. Фокса и приводит более подробное объяснение, раскрывающее сущность аттрактора: *«Если динамическая система обладает устойчивой неподвижной точкой, то она и является аттрактором. Если же в системе есть устойчивый предельный цикл, то он является аттрактором»*. Н.Ф. Алефиренко, применительно к фразеологической подсистеме языка, пишет, что *«под аттрактором неофразеологизации следует понимать то относительно стабильное состояние, к которому в данный момент стремятся фразеологические неологизмы»*. В.Ф. Хайдарова делает вывод на основе вышеприведенных определений: *«Независимо от того, подвижны ли аттракторы или*

находятся в движении, их состояние (движение) стабильно и более упорядоченно, чем окружающая их среда. В область своей устойчивости они притягивают расположенные вокруг неупорядоченные, хаотично ведущие себя единицы и иерархически организуют их». Аттрактор своей устойчивостью задает направление развития языка и его подсистем. Н.Ф.Алефиренко говорит: «Скрытый в нелинейной среде дискретный характер аттракторов предстает как цель фразеологического обновления и эволюции. Таким образом, настоящее фразеологической подсистемы того или иного языка, фактически, «строится» из будущего. Однако будущее предопределено лишь отчасти как заложенные в самой природе фразеологической системы ее возможные аттракторы». Так, в чем же могут быть выражены аттракторы языка? В.Ф. Хайдарова говорит: «Наиболее заметными из аттракторов языковой системы, скорее всего, являются семантические (смысловые) аттракторы. Семантический аттрактор можно представить как доминантный смысл текста, который притягивает и структурирует смыслы вокруг себя».

Т.К. Поддубная и Д.М. Костина, рассматривая межкультурную коммуникацию, используют этот термин, говоря: «Семантический аттрактор понимается нами как устойчивое состояние (структуры) системы, которое как бы «притягивает» к себе все множество «траекторий» системы, определяемых различными начальными условиями». В пространстве исследования синергетического эффекта речевая деятельность исследуется как открытая нелинейная система. Если эта система «упорядочивается аттракторами, то устойчивость взаимоотношений элементов в аттракторах выступает в роли манифестаторов направления развития диссипативной системы». [7:219]

В синергетике, как мы считаем, может быть бренд неким креативным аттрактором, «в поле действия которого компоненты смысла должны упорядочиваться». [7:221]. В данном исследовании в качестве отправной точки диахронического анализа концепта brand выступает его историческая

основа. Brand – от англ. сорт, качество, выжженное клеймо, печать позора. [10:81] Исторически появление этого значения связано с обычаем клеймения рабов. Клеймо - brand, выполненное из металла, содержало эмблему, символ, букву или сочетание букв, которые с помощью раскаленного железа выжигались на открытых участках тела раба. Эта традиция восходит к римскому обычаю, введенному Императором Константином. Клеймили обычно рабов на шахтах и гладиаторов. Клеймение продолжалось и в Средние века. Можно утверждать, что глагол to brand, который использовался для обозначения клеймения с помощью раскаленного железа, мог быть образован по конверсии от древнеанглийского имени существительного brand – головешка. Так, например, рабы, поставляемые Британской компанией the Royal Africa Company, клеймились буквами DY, т.е. сокращенно от «Duke of York». В 16-м веке у слова brand появляется также переносное значение «меч», зафиксированное в «Collins English Dictionary» [<http://www.collinslanguage.com/>].

В английских переводах Библии 16-го века можно найти глагол «brandish» (размахивать мечом): *«I will strengthen the arms of the king of Babylon, but the arms of Pharaoh will fall limp. Then they will know that I am the LORD, when I put my sword into the hand of the king of Babylon and he brandishes it against Egypt»* [Ezekiel 30:24-26]. В этимологическом словаре «Word Origin.com» в словарной статье, посвященной этимологии слова brand, говорится о том, что с 16 века в английском языке появляется композит brand-new, который, как предполагают составители словаря, мог вести свое происхождение от понятия, изначально относившегося к очагу, печи, хотя мотивация этой ассоциации представляется неясной [<http://oxforddictionaries.com>].

Как утверждают многие этимологические словари, например, «Word Origin.com, Etymology Dictionary of Douglas Harper» с 1550-го года у слова brand появляется значение *«identifying mark made by a hot iron»*. С этого времени начинает обозначаться словом brand процедура, способствующая

идентификации заклеяемого объекта. В конце 18-го – в 19-м веке клеймение рабов распространяется по всем континентам. Особенно популярным этот обычай становится на рабовладельческом юге США. Ниже представлен пример из американских газет 19-го века, в которых «brand» означает «клеймо» и «клеймить»: «*A wealthy man here had a boy named Reuben, almost white, whom he caused to be branded in the face with the words; 'A slave for life.'*» (St. Louis Gazette 6th November, 1845);

В Британии в 16-м – 17-м веках начинают клеймить преступников. В этот момент «brand» приобретает оценочное значение «*печать позора*». Клеймение как наказание было введено англосаксами. Согласно указу «The Statute of Vagabonds» (1547), принятому при Короле Эдуарде VI, было приказано ставить клейма в виде большой буквы V на груди (Vagabonds) бродягам и цыганам. Беглых рабов клеймили буквой S на щеках или на лбу. Этот закон был аннулирован в Англии в 1550 г. Но 1698 г. закон предписывал, что преступников, признанных судом виновными в мелком воровстве, должны были клеймить в самой видимой части левой щеки, ближе к носу.

Установить, в какой именно период возник обычай клеймения домашнего скота, не представляется возможным. Известно, что эта традиция уходит своими корнями в Древний Египет; позднее, особенно в Средние Века, клеймение животных распространяется по всей Европе. Как правило, клеймо для скота представляло собой простой условный знак: рисунок, букву или сочетание букв. На территории США в период с 16-го века ковбои начинают разнообразить и стилизовать свои клейма. К буквам алфавита добавляются точки, тире, кавычки, скобки. Иногда их пишут в зеркальном отображении, в наклоне, в перевернутом виде и т.д.

С точки зрения современного концепта бренд важно отметить: Бренд (англ. brand, [brænd] – клеймо) – логотип и прочее; комплекс представлений, ассоциаций, эмоций, ценностных характеристик о продукте либо услуге в сознании потребителя. Ментальная оболочка продукта или услуги. Бренд

является абстрактным названием. Является составляющей торговой марки, но не является ей.

Существует два подхода к определению бренда:

1. Задача и также индивидуальные атрибуты: название, логотип и другие визуальные элементы (шрифты, дизайн, цветовые схемы и символы), позволяющие выделить компанию или продукт по сравнению с конкурентами;

2. Образ, имидж, репутация компании, продукта или услуги в глазах клиентов, партнёров, общественности.

Слово «бренд» произошло от древнескандинавского «brande», которое переводится, как «жечь, огонь». Так называлось тавро — знак, которым владельцы скота помечали своих животных.

Необходимо различать правовой и психологический подход к пониманию бренда. С правовой точки зрения рассматривается только товарный знак, обозначающий производителя продукта и подлежащий правовой защите. С точки зрения потребительской психологии (англ. consumer research) речь идёт о бренде как об информации, сохранённой в памяти потребителей.

Иногда считается, что синонимами понятия «бренд» являются понятия «товарный знак» или «торговая марка». В настоящее время этот термин в средствах массовой информации употребляется как синоним термина «товарный знак», что, по мнению специалистов-патентоведов, является не вполне корректным. С точки зрения специалистов в области товарных знаков и юристов, специализирующихся в области товарных знаков, понятия «бренд» и «брендинг», строго говоря, не правовые понятия, а термины, используемые в потребительской среде для объединения этапов продвижения товаров на рынок. Понятие бренда, по мнению этих авторов, является некоторой совокупностью объектов авторского права, товарного знака и фирменного наименования.

В законах большинства стран используется правовое определение, предложенное Американской ассоциацией маркетинга (англ. American Marketing Association): «имя, термин, знак, символ, дизайн или комбинация всего этого, предназначенные для идентификации товаров или услуг одного продавца или группы продавцов, а также для отличия товаров или услуг от товаров или услуг конкурентов».

Определение слова «бренд» различными авторами:

1. *«Бренд – это не вещь, продукт, компания или организация. Бренды не существуют в реальном мире – это ментальные конструкции. Бренд лучше всего описать как сумму всего опыта человека, его восприятие вещи, продукта, компании или организации. Бренды существуют в виде сознания или конкретных людей, или общества»* – James R. Gregory, из книги «Leveraging the Corporate Brand».

2. *«Мы определяем бренд как торговую марку, которая в глазах потребителя вбирает в себя чёткий и значимый набор ценностей и атрибутов. Продукты сделаны на фабрике. Но продукт становится брендом только в том случае, когда он приобретает множество осязаемых, неосязаемых и психологических факторов. Главное, о чём нужно помнить, – бренды не создаются производителем. Они существуют только в сознании потребителя»* – Charles Brymer, генеральный менеджер «Interbrand Schecter».

3. *«Бренды – это образные представления, сохранённые в памяти заинтересованных групп, которые выполняют функции идентификации и дифференциации и определяют поведение потребителей при выборе продуктов и услуг»* – Франц-Рудольф Эш, профессор кафедры маркетинга университета города Гисен, Германия, директор Института исследования брендов и коммуникаций («Institut für Marken- und Kommunikationsforschung»), Германия.

4. *«Коммерчески ценный знак или сумма знаков, которая известна*

определённой группе людей, вызывает в их памяти схожую информацию и схожее отношение к реальным или вымышленным объектам (интерпретацию). Бренд способен влиять на поведение этой группы людей в интересах своего владельца, что и создаёт его коммерческую ценность. Коммерческая ценность бренда определяется также тем, насколько легко он может быть оторван от одного объекта и перенесен на другой объект или группу объектов с сохранением своей интерпретации» – А. В. Буланов «Бренд 2.0. От философии к практике». – М.: ОАО «Красная звезда», 2013. – С. 496.

«Очевидным фактом в нашей стране является то, что потребители большинства товаров и услуг покупают продукт, не руководствуясь практическими соображениями. Очень часто эмоции преобладают над здравым смыслом. Для того чтобы использовать эту черту современного покупателя в стратегии своей компании необходимо грамотно разработать программу по представлению своего бренда на потребительском рынке».[3:336] Согласно данной цитате, можно сделать вывод, что люди, видя название какой-либо известной марки, считают необходимым приобрести товар, потому что это дорого, престижно, повышает самооценку в социальной среде. Люди не задумываются, так уж необходим этот товар, какова его практическая составляющая и т.д. Бросаясь на этот «престиж», люди «выкидывают» много денег, дабы завладеть им. Это и есть аттрактор, привлечение. Из массы товаров, человек видит определенный престижный бренд, который привлекает его, он его выделяет, покупает, тем самым самоутверждается. Выстраивается некая система «ценностей». Предприятия «завлекают» таким способом как можно больше клиентов, чтобы выгоднее и подороже продать свои товары. Например, владельцы определенных марок автомобилей, могут назвать слоган своей машины, или, услышав про другую, продолжить цитированием. Например: «Фольксваген» – *das Auto!* или «Заведи звезду». «Mercedes» – «*The best or nothing*», и т.д. Таким образом, модель коммуникации бренда подчиняется схеме: «источник сообщения-

передатчик-канал-приемник-получатель сообщения». *«Эффективный бренд должен привлечь внимание потребителя, запомниться ему, вызвать или помочь сформировать определенное эмоциональное отношение к заложенной информации и, в идеале, побудить к определенному действию. Это возможно только тогда, когда текст бренда будет понятен потребителю, т.е. иллокутивная сила послания будет декодирована так, как хотел сам автор текста».* [6:220]

Мы также изучили частотность употребления слова «бренд» в Национальном Корпусе Русского Языка (НКРЯ) и в Британском Корпусе Языка (БКЯ). В Национальном Корпусе Русского Языка слово «бренд» встречается в 584 документах, 1291 вхождение. В Британском Корпусе Языка – 2037 вхождений. Что примечательно, в синтаксическом корпусе найдено 11 документов и 51 вхождение, а в газетном 7749 документов и 16187 вхождений. Например:

1) Почем нынче малый золотник (2002) // «Витрина читающей России», 2002.06.28. Взять хотя бы тот же раскрученный бренд "Гарри Поттера", четвёртый том которого продавался прямо-таки по западному сценарию. [Почем нынче малый золотник (2002) // «Витрина читающей России», 2002.06.28] (НКРЯ)

3) Audi AG's predecessor, Auto Union, from Daimler-Benz. Volkswagen relaunched the Audi brand with the 1965 introduction of the Audi F103 series. (БКЯ)

4) American Revolutionary War administrative affairs through legislative committees, which proved inefficient. The state governments were themselves brand new and officials had no administrative experience. (БКЯ)

Подводя итог, семантическое поле бренда формируется в сознании человека, обеспечивая эмоциональную связь между лингвистическим восприятием бренда и его смысловой функциональностью. *«Бренд – это набор реальных и виртуальных мнений, которые выражаются в определенном продукте, а имя бренда несет в себе смысловую нагрузку,*

привлекая потребителей» [2: 65]. Кроме того, в текстах бренда следует использовать стереотипные, а не креативные образы, т.е. и «аттракторами в текстах бренда должны выступать знакомые, очевидные, стереотипные образы, позволяющие массовому адресату правильно интерпретировать смысл рекламного послания, а не тропы и риторические фигуры, предполагающие множество трактовок в силу наличия в них мощного потенциала смыслообразующих компонентов». [7: 34]

Таким образом, можно сделать вывод, что понятия концепта бренд широко используются как в русском, так и в английском языках как коммуникативная единица, предназначенная для информирования о товаре, услуге, идее, а, говоря языком синергетики, применяются в качестве аттракторов, для привлечения потребителей.

Список литературы

1. *Алефиренко Н. Ф. Когнитивно-синергетическое освещение процессов неофразеологизации // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингво-методический аспекты): Международ. науч.-практ. конф., посвященная юбилею д. ф. н., проф. А.М. Мелерович (Кострома, 20 – 22 марта 2008 г.). М.: ООО «Издательство “Элпис”», 2008. С 23 – 28.*
2. *Будник А.В., Моисеева Н.К., Рюмин М. Ю., Слушаенко М. В. Брендинг в управлении маркетинговой активностью. М. : Изд-во «Омега-Л», 2003. – 336с.*
3. *Герман И.А. Лингвосинергетика: Монография. Барнаул: Алтайский ГУ, 2000 – 423с.*
4. *Горшенина М. В., Долженкова О. В., Ковалева А. М. Брендинг в России: особенности и проблемы оценки // Молодой ученый. – 2012. – №12. – С. 188-190.*
5. *Поддубная Т.К., Костина Д.М. Системность представлений о национальном характере как параметр развития способности к*

межкультурной коммуникации. Электронный ресурс, режим доступа:
<http://www.lingvomaster.ru/files/93.pdf>.

6. Ухова Л.В. Эффективность рекламного текста: синергетический подход // Ярославский педагогический вестник. Т.1. №1.С. 218 – 223.

7. Ухова Л.В. Рекламный текст как лингвосинергетическая система. Статья. // Международный научный институт “Educatio” № 9 (16). Новосибирск, 2015. С. 33 – 36.

8. Хайдарова В.Ф. Язык интернет-общения: к постановке проблемы // Наука-вуз-школа: сб. науч. тр. молодых исследователей / под. ред. З.М. Уметбаева, А.М. Колобовой, Е.В. Гавриловой. Магнитогорск: МаГУ, 2007. Вып. 12. С. 299 – 303.

9. Википедия: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Бренд>

10. Новый англо-русский словарь // Издание 4-е, стереотипное. М.: «Русский язык», 1996. – С.81.

Секция 2. Вопросы изучения и преподавания русского языка как иностранного. Технологии и практики обучения иностранных граждан в российских вузах

УДК 378.662.14-057.875(063) Ч481.2.л0 С83

**РОЛЬ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ФАКУЛЬТЕТА ДЛЯ
ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В ИНТЕГРАЦИИ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ
В МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО**

*Л.Н.Алешина, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва,
Россия*

**ROLE OF PREPARATORY FACULTY FOR FOREIGN CITIZENS IN
INTEGRATION OF THE RUSSIAN HIGHER EDUCATION
INSTITUTIONS INTO THE INTERNATIONAL EDUCATIONAL SPACE**

*L. N. Aleshina, Financial University under the Government of the Russian
Federation, Moscow, Russia*

Аннотация. В статье рассматривается место и роль подготовительного факультета в современном российском университете, определяется главная цель его создания – вовлеченность студентов в полиэтнический учебный процесс. Создание довузовской, целевой подготовки иностранных граждан – это процесс интеграции межнационального и межкультурного аспектов в целях предоставления качественного высшего профессионального образования. Сегодня успех любого российского университета обеспечивается уровнем интернационализации его образовательной среды.

Abstract. In article the place and a role of preparatory faculty at modern Russian university is considered, the main goal of its creation – an involvement of students into multiethnic educational process is defined. Creation of pre-university, target training of foreign citizens is a process of integration of international and cross-cultural aspects for providing high-quality higher education. Today the success of any Russian university is provided with the level of internationalization of his educational environment.

Ключевые слова: образование; университет; факультет; студент.

Key words: education; university; faculty; student.

E-mail: laura_70@bk.ru

В постановлении Правительства Российской Федерации «О национальной доктрине образования в Российской Федерации» формулируются основные задачи государства в сфере образования на период до 2025 года, в числе которых важную роль играет интеграция российской системы образования в мировое образовательное пространство с учетом отечественного опыта и традиций; активный выход на рынок образовательных услуг, широкое участие учебных заведений и педагогов в образовательных программах международных организаций и сообществ.

Развитие международного сотрудничества в образовательной сфере увеличивает возможности академической мобильности преподавателей и студентов из разных стран мира. Для повышения конкурентоспособности российских вузов необходимо найти эффективные способы организации учебного процесса подготовки иностранных специалистов. Так как российские университеты готовят специалистов из зарубежья, а преподавание в университете ведется на русском языке, следовательно, существует необходимость обучения иностранных студентов русскому языку. В вузы РФ иностранные студенты поступают с 1-ым уровнем владения русским языком, которого явно недостаточно для успешного освоения учебных дисциплин. Отсутствие сопровождения учебного процесса преподавателями РКИ (русского языка как иностранного) приводит к тому, что иностранных студентов отчисляют после первого, максимум – второго курса за академическую неуспеваемость или они, по собственному желанию, переводятся в вузы, которые предоставляют им такую языковую поддержку (практически все вузы РФ, приглашающие иностранцев, имеют в своей структуре либо кафедру РКИ, либо Центр русского языка, либо Подготовительный факультет, либо факультет русского языка для иностранных учащихся).

В последнее время так же значительно увеличился поток иностранных стажеров, прибывающих в наши университеты на краткие

сроки обучения (1-2 семестра) из стран Азии (Китай и Южная Корея), Европы (Италия, Румыния), Латинской Америки (Аргентина). Для этой категории учащихся разработаны специальные программы.

Задачи довузовской, специальной подготовки:

- *дифференцировать в рамках учебно-методической работы преподавание русского языка как иностранного (для учащихся из дальнего зарубежья) и как неродного (для учащихся из стран СНГ), хотя следует отметить, что в последнее время граница между этими категориями учащихся бывает зачастую достаточно условной (например, студенты из Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана, изучающие на Родине русский язык со второго класса, так же испытывают трудности с освоением учебной программы университета);*

- *преподавание русского языка построить по уровням.*

- *организация краткосрочных языковых стажировок для иностранцев.*

Вопрос о месте и роли довузовской, целевой подготовки иностранных учащихся в стратегии развития российского образования целесообразно рассматривать применительно к процессу создания поликультурной среды университета, как обязательного условия активизации международной деятельности в контексте общемировых тенденций интернационализации образования.

Интернационализация образовательной среды на современном этапе развития высшего профессионального образования является основной движущей силой в процессе качественных изменений в структуре и организации международной деятельности вузов, реализующейся в форме международного академического сотрудничества, и их интеграции в мировое образовательное пространство.

Создание довузовской, целевой подготовки иностранных граждан – это процесс интеграции межнационального и межкультурного аспектов

в целях предоставления качественного высшего профессионального образования.

Сегодня успех любого российского университета обеспечивается уровнем интернационализации его образовательной среды, поэтому главная цель создания подготовительного факультета - вовлеченность студентов в полиэтничный учебный процесс: формирование межэтнической толерантности у студентов, способствующее созданию благоприятной интернациональной академической среды.

Итогом процесса обучения на подготовительном факультете должно стать формирование речевых навыков, овладение нормами, обычаями и традициями культуры нашей страны, аккумулирующей и репродуцирующей наряду с национальными общемировые ценности. Культурная интеграция, происходящая в процессе глобализации в современном мире, способствует возникновению поликультурной образовательной среды. В университете должны постоянно подчеркиваться выгоды мультикультурализма. Формирование толерантного сознания является целью современного образования, так как именно система образования должна взять на себя нелегкую задачу избавления людей от устаревших этноцентрических взглядов и замены их на новые, этнорелятивистские, более соответствующие реалиям того единого мира, в котором мы живем.

**УЧЕБНАЯ ЭКСКУРСИЯ НА ПОДГОТОВИТЕЛЬНОМ ФАКУЛЬТЕТЕ
КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ**

*И.А. Зайцева, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, г. Москва, Россия*

**EDUCATIONAL TOUR AT THE FOUNDATION COURSE
AS A WAY OF FORMATION OF LINGUO-CULTURAL
COMPETENCE OF STUDENTS**

*I.A. Zaytseva, Financial University under
the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о роли проведения экскурсий как способа формирования лингвокультурологической компетенции иностранных учащихся на этапе довузовской подготовки. Представлена методическая разработка занятия, посвященного подготовке к проведению экскурсии, показывающая возможности, преимущества и значимость такой работы.

Ключевые слова: лингвокультурологическая компетенция, учебная экскурсия, подготовительный факультет.

Abstract. The article discusses the role of the tours as a way of forming linguo-cultural competence of foreign students at the stage of foundation course. The methodical development of lessons devoted to preparation for the tour, showing the possibilities, advantages and importance of such work.

Key words: linguo-cultural competence, educational tour, foundation Course.

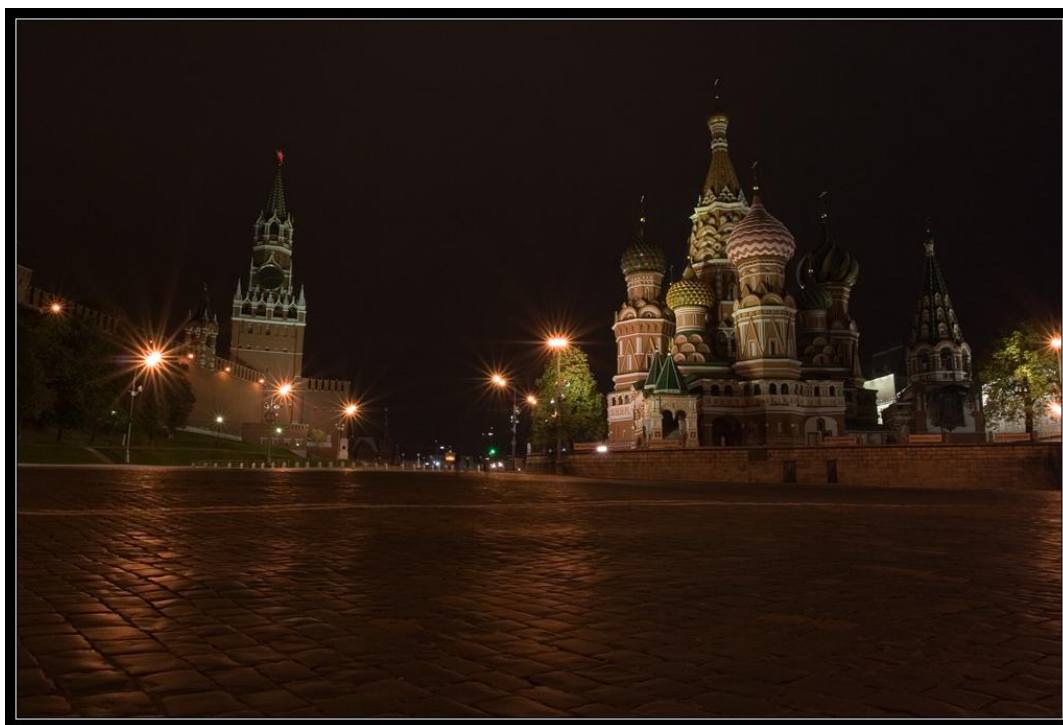
E-mail: slunce@inbox.ru

Один из способов интенсификации образовательно-воспитательного процесса в нефилологическом вузе – это создание единой системы аудиторной и внеаудиторной работы по русскому языку как иностранному. Такая работа расширяет и углубляет знания о русском языке, стимулирует интерес

иностранных студентов к изучению предмета, развивает компетенции, в том числе и лингвокультурологическую. Учебные экскурсии являются частью образовательного процесса и дают возможность усилить мотивацию к изучению русского языка как иностранного, активизировать навыки практического владения речевой деятельностью, увеличить активный лексический запас учащихся, при этом всестороннее развивая личность.

Проведение уроков-экскурсий требует тщательной подготовки как от преподавателя, так и от студента. Она включает в себя работу с незнакомой лексикой, чтение и анализ текста с последующей послетекстовой работой (ответы на вопросы, пересказ текста, работу с иллюстративным материалом и т.д.). Предлагаем Вашему вниманию методическую разработку урока, который проводится накануне прогулки по центру Москвы. Занятие рассчитано на студентов подготовительного факультета, владеющих русским языком в объеме вводно-фонетического курса и приступивших к освоению материала элементарного уровня.

ЦЕНТР МОСКВЫ

1. Познакомьтесь с новыми словами:

- главный

- сердце рдц → [рц]
- находится - ться → [ца]
- замечательный
- храм
- могила
- известный стн → [сн]
- вечный.

2. Слушайте, читайте, повторяйте:

Исторический музей

храм Василия Блаженного

памятник Минину и Пожарскому

Александровский сад

Могила Неизвестного Солдата

Большой театр

Малый театр

гостиница Метрополь

3. Читайте текст.

Москва – это большой и красивый город.

Вот центр Москвы. Здесь Красная площадь. «Красная» – значит «красивая». Красная площадь – главная площадь Москвы, её сердце.

Здесь находятся Кремль, Исторический музей, ГУМ. Ещё здесь замечательный памятник – храм Василия Блаженного. Сейчас это музей. А рядом памятник Минину и Пожарскому.

Недалеко Манежная площадь. Здесь красивые фонтаны.

А вот Александровский сад. Тут Могила Неизвестного Солдата и вечный огонь.

В центре Москвы также находятся Большой театр, Малый театр и гостиница Метрополь.

3. Закончите предложения:

- 1) Москва – это _____.
- 2) Вот центр Москвы. Здесь _____.
- 3) «Красная» – значит _____.
- 4) Красная площадь – это _____.
- 5) Храм Василия Блаженного – это _____.

4. Вы знаете, что находится в центре Москвы?

КРЕМЛЬ

5. Познакомьтесь с новыми словами:

символ

древний

башня

дворец

президент

администрация.

6. Читайте текст:

Вы знаете, что такое кремль?

Кремль – это символ России. В древнем русском городе Кремль – это центр города. Сегодня старый русский Кремль есть в Нижнем Новгороде, в Пскове, в Казани, в Смоленске, в Туле, в Москве и в Астрахани.

Московский кремль находится на берегу Москвы-реки. На Спасской башне Кремля находятся главные часы России – Кремлёвские куранты.

В Большом Кремлёвском дворце работают Президент России и его администрация.

7. Закончите предложения:

Символ России – это _____.

В древнем русском городе в центре был _____.

На берегу Москвы-реки находится _____.

Главные часы России – это _____.

В большом Кремлёвском дворце работают _____

_____.

8. Ответьте на вопросы по образцу:

Образец.– *Вы знаете, что такое Кремль?*

– *Да, я знаю, что*

– *Нет, я не знаю, что*

- 1) Вы знаете, где есть старый русский Кремль?
- 2) Вы знаете, что находится на берегу Москвы-реки?
- 3) Вы знаете, кто работает в Кремлёвском дворце?

Список литературы

1. Воробьев В.В. Лингвокультурология. – М., 1997.
2. Митрофанова О.Д., Костомаров В.Г. Методика преподавания русского языка как иностранного. – М., 1990.

**СИСТЕМА ЗАДАНИЙ ПО УСВОЕНИЮ МАТЕРИАЛА УЧЕБНОЙ
ЭКСКУРСИИ (ДИСЦИПЛИНА «РУССКИЙ ЯЗЫК КАК
ИНОСТРАННЫЙ» - НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП)**

*Г.В. Манукян, Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, г. Москва, Россия*

**SYSTEM TASKS MASTERING THE MATERIAL FIELD TRIPS
(DISCIPLINE «RUSSIAN AS FOREIGN LANGUAGE»– THE INITIAL
STAGE)**

*G.V. Manukyan, Financial University under the Government of the Russian
Federation, Moscow, Russia*

Аннотация. Данная статья посвящена системе заданий, которые разработаны специально для усвоения материала учебной экскурсии «Старый Арбат». Задания делятся на предтекстовые и послетекстовые, а также содержат тексты для элементарного и базового уровней обучения РКИ. Задания выполняются на занятии, предшествующему экскурсии – преподаватель прорабатывает вместе со студентами каждое задание, разбирает непонятные слова. Тексты содержат краткую историю зданий, памятников и другого наследия главной пешеходной улицы Москвы.

Ключевые слова: пешеходная улица, Министерство иностранных дел, Храм Христа Спасителя.

Abstract. This article focuses on the system of tasks that are designed specifically for mastering educational material "Old Arbat" tour. Tasks are divided into predtekstovye and posletekstovye and contain the texts for the elementary and basic levels of training trials. Tasks performed on the class, prior excursion - the teacher is working with students every task parses unintelligible words. The texts contain a brief history of the buildings, monuments and other heritage of the main pedestrian streets of Moscow.

Key words: pedestrian street, Ministry of Foreign Affairs, the Temple of Christ the Savior.

E-mail: 05112002@mail.ru

Пунктом нашего назначения станет Старый Арбат. Выбор на него пал не случайно, ведь это главная пешеходная улица Москвы, которая очень популярна среди иностранных туристов. Перед тем, как отправиться на саму экскурсию, преподаватели подготовили студентов: дали им специально разработанные предтекстовые и послетекстовые задания, а также сами тексты, которые дополнялись иллюстрациями.

Предтекстовые задания

1. *Слушайте, повторяйте и читайте новые слова. Знаете ли вы их значение?*

ИзначАльно

РемЕсленник

КупЕц

ПомЕщик

РеконстрУкция

СувенИр

ТурИст

ХудОжник

ТоргОвец

ФасАд [т]

Надёжность

Рыцарь

СкульптУра

ИнтерьЕр

НеогОтика

РеволЮция

ВитрАж [ш]

КоммунАлка (коммунальная квартира)

Шпиль

2. *Читайте* (сущ → прил.). *Что обозначают данные существительные и образованные от них прилагательные?*

Наряд – нарядный, доход – доходный, печаль – печальный, популярность – популярный.

3. *Читайте словосочетания. Что обозначают данные словосочетания.*

Советское время, ювелирный магазин, визитная карточка, одноимённый спектакль, драгоценный металл, пешеходная зона, уличный музыкант.

4. *Читайте текст* (элементарный уровень)

Раньше на Арбате жили ремесленники и купцы, потом, в конце XVII в. – помещики. В 70–80-х гг. XX в. на Арбате создают пешеходную зону: появляется много магазинов и кафе, уличных музыкантов и художников; торговцы продают сувениры. У туристов Арбат становится очень популярным местом.

5. *Читайте текст* (базовый уровень)

Доходный дом Московского частного ломбарда (дом №11)

(1910–1911 гг.)

Изначально дом был трёхэтажным, но, после реконструкции 1933 г., достроили два этажа и он стал пятиэтажным. В начале XXI в. была ещё одна реконструкция, но фасад удалось сохранить. В фасаде дома прослеживаются черты очень модного в то время итальянского Ренессанса. Львиные маски на здании – символ надёжности.

«Дом с рыцарями» (Доходный дом Филатовых) (дом №35/5)

(1913–1914 гг.)

Это самое высокое здание улицы; с элементами неоготики и скульптурами печальных рыцарей. До революции здесь было очень красиво: большие квартиры, мраморные лестницы, витражи, а после – коммуналки. Сейчас здесь – Центральный дом актёра, а также офисы и известный ещё со времён Советского Союза ювелирный магазин «Самоцветы».

Театр Вахтангова (дом №26)

(1946–1947 гг.)

Справа от главного входа в 1997 году в честь одноимённого спектакля — визитной карточки театра Вахтангова – был построен фонтан со статуей принцессы Турандот (работа А. Бурганова). В 2001 году статую пришлось реставрировать – многие пытались украсть драгоценные металлы, из которых была выполнена статуя.

Памятник – скульптура «Пушкин и Натали»

(1999 г.)

Установлен к 200-летию со Дня рождения великого русского писателя и поэта XIX века – Александра Сергеевича Пушкина. Выполнен из бронзы и гранита. Скульпторы – А. Н. Бурганов и И. А. Бурганов, архитекторы – Е. Г. Розанов, А. В. Кузьмин, Е. К. Шумов.

Музей «Мемориальная квартира А.С. Пушкина» (дом №53)

Скульптура «Пушкин и Натали» стоит напротив двухэтажного голубого особняка, в котором Александр Пушкин и Наталья Гончарова жили в первые месяцы после свадьбы. В разное время здесь жили многие известные личности: студент Святослав Раевский – друг молодого Михаила Юрьевича Лермонтова (великий русский писатель и поэт XIX века), артистка Малого театра С. П. Акимова, Анатолий Ильич Чайковский – родной брат Петра Ильича Чайковского (известный русский композитор, а также дирижёр и музыкальный критик XIX века), Сатины – родственники Сергея Васильевича Рахманинова (известный русский композитор, а также пианист и дирижёр XIX века), Марина Цветаева (русская поэтесса XX века). После реконструкции (1986 г.) здесь находится музей «Мемориальная квартира А.С. Пушкина». Данное здание – объект культурного наследия федерального значения.

Здание Министерства иностранных дел (МИД)

(1948–1953 гг.)

Одно из семи зданий, входящих в перечень сталинских высоток. Архитекторы – В. Г. Гельфрейха и М. А. Минкуса, конструкторы –

С.Д. Гомберг и Г.М. Лимановский. 27 этажей. Высота – 172 м. Общая площадь помещений – 65 000 м². Главный вестибюль украшают колонны из искусственного мрамора, стены выполнены из светлого мрамора, полы также мраморные, имеют ковровый рисунок. Совсем недавно, а именно 26 сентября 2016 г., шпиль сняли со здания МИДа для дальнейшей реставрации.

Послетекстовые задания

1. Заполните пропуски

Доходный дом Московского _____ ломбарда

«Дом с _____»

Центральный _____ актёра

Театр _____

Памятник – скульптура «Пушкин и _____»

Музей «_____ квартира А.С. Пушкина»

МИД – _____

2. Ответьте на вопросы

1) Какое здание на Арбате самое высокое?

2) Как назывался спектакль, в честь которого был возведён фонтан со статуей принцессы Турандот?

3) К какой дате был установлен памятник – скульптура «Пушкин и Натали»?

4) Что раньше было в музее «Мемориальная квартира А.С. Пушкина»?

5) В перечень каких семи зданий входит МИД?

Хотелось бы немного подробнее остановиться на самом ходе экскурсии. Итак, маршрут наш начался от станции метро «Смоленская». Выйдя, мы сразу же увидели перед собой здание Министерства иностранных дел. К сожалению, незадолго до нашей экскурсии начался демонтаж шпиля для реставрации. Но это не испортило впечатлений студентов: им очень понравилось высокое и невероятно красивое здание. Преподаватели

рассказали студентам, что здание МИДа – одно из семи зданий, входящих в перечень сталинских высоток, имеет 27 этажей, высота – 172 м.

Дальше началась учебная прогулка по самому Арбату. Преподаватели рассказали, что раньше здесь было очень шумно: ходил трамвай, выступали уличные музыканты, писали свои полотна художники и т.д. Студенты смотрели то вправо, то влево, постоянно спрашивая, что это за здания, а старинных зданий, как известно, на Старом Арбате очень много, среди них: Доходный дом московского частного ломбарда с львиными масками на фасаде; Нарядный доходный дом Орловых; «Дом с рыцарями» (Доходный дом Филатовых) – самое высокое здание улицы, в котором сейчас расположены Центральный дом актера, офисы и известный с советских времен ювелирный магазин «Самоцветы»; Театр Вахтангова и фонтан со статуей принцессы Турандот (в честь одноименного спектакля – визитной карточки театра); памятник-скульптура «Пушкин и Натали» (установлен к 200-летию со Дня рождения А.С. Пушкина) – стоит напротив двухэтажного голубого особняка, в котором Александр Пушкин и Наталья Гончарова жили в первые месяцы после свадьбы; после реконструкции (1986 г.) здесь находится музей «Мемориальная квартира А.С. Пушкина» и др. Также по пути нам встретился памятник Б. Окуджаве и др.

Пройдя по Арбату и изучив его прекрасные старинные здания, мы направились к Храму Христа Спасителя. По дороге слушатели увидели еще один памятник – Михаилу Шолохову. Нам удалось неспеша, прогулочным шагом, дойти до храма, успев посмотреть по сторонам и насладиться золотой осенью. И вот мы уже перед самым величественным храмом. Студенты изумлены его впечатляющими размерами и необычайной красотой. Мы, конечно же, зашли во внутрь. Студенты долго ходили по нему: задирали головы, смотрели по сторонам, не прекращая восторгаться. Выйдя из храма, мы обошли его, ещё раз осмотрели снаружи, но восхищенные взгляды и слова не отпускали наших студентов. Судя по изумленным глазам и

восторженным отзывам, прогулка оставила неизгладимое впечатление, и положительные эмоции еще долго будут переполнять их юные сердца.

УДК 811.161.1

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ
ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО**

О.А. Мусорина, Пензенский государственный университет,

г. Пенза, Россия

С.Г. Сорокина, НИУ Высшая школа экономики, г. Москва, Россия

**IMPORTANT CONSIDERATIONS ON THEORY AND PRACTICE
OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

O.A. Musorina, Penza State University, Penza, Russia

S.G.Sorokina, Higher School of Economics, Moscow, Russia

Аннотация. Данная статья рассматривает актуальные вопросы теории и практики преподавания русского языка как иностранного. Кратко изложено положение русского языка внутри страны и за ее пределами и роль преподавателей РКИ в продвижении русского как иностранного. Исходя из собственного опыта, авторы анализируют применение на практике отдельных методов преподавания, а также различные аспекты методики преподавания иностранных языков применительно к РКИ. В статье представлены результаты анкетирования иностранных студентов, на основании которых сделаны выводы о совершенствовании процесса преподавания РКИ в российских вузах.

Ключевые слова: русский как иностранный, погружение в языковую среду, коммуникативная ситуация, аспекты методики преподавания.

Abstract. The article is aimed at considering the key theoretical and practical approaches to teaching Russian as a foreign language. There is a brief description of the current situation regarding the functioning of Russian within the country and abroad as well as teachers' role in promoting the language. The authors analyze the implementation of some teaching methods and techniques during the educational process and make some important conclusions based on interpreting the results of the survey conducted among foreign students.

Key words: Russian as a foreign language, native language environment, communicative situation, aspects of teaching methods.

E-mail: pgu-english@mail.ru

Актуальность данного исследования, по мнению авторов, состоит в том, что в последние годы в образовательном пространстве российских вузов, а также за его пределами происходит расширение сегмента образовательных услуг по преподаванию русского языка как иностранного. Эта тенденция характерна не только для столичных вузов, но и для провинциальных, в которых иностранные студенты обучаются по возрастающему числу направлений. Следовательно, не могут не вызывать интерес политические, социально-экономические, педагогические и методические аспекты образовательного процесса, равно как и вопросы межкультурной коммуникации.

Необходимо подчеркнуть, что политические, экономические, культурные изменения, начавшиеся в нашей стране в 1985-91 гг. и продолжившиеся на рубеже веков, привели к изменению положения русского языка внутри страны и за рубежом. В этот период, по мнению лингвистов, например, В.Костомарова, английский язык противостоял русскому в качестве языка карьеры. Можно выделить несколько причин такого положения:

- 1) возможность получения среднего и высшего образования в зарубежных (в основном англоязычных) университетах;
- 2) повышение престижа английского языка по сравнению с русским;
- 3) значительное сокращение числа носителей русского языка как следствие распада СССР, естественной убыли населения и миграции.

В эти десятилетия русский язык столкнулся с серьезными проблемами как в бывших советских республиках, так и в Российской Федерации. Филологи и журналисты неоднократно отмечали, что:

- в повседневном общении уменьшается доля литературного языка;

- растет влияние иностранных языков;
- распространяется так называемый «сниженный» язык. [6, с.12]

Согласно данным 2008 г. общее число людей, знающих или изучающих русский язык за рубежом, составляло 300 миллионов. Однако есть страны – бывшие союзные республики, где русский язык практически вытеснен из информационного пространства, потребность в нем незначительна, и большинство граждан удовлетворены таким положением русского языка. Это Грузия и Азербайджан, Эстония и Литва. С другой стороны, потребность в изучении и использовании русского языка сохраняется в Армении, Таджикистане, Туркменистане.[6.с.12] И если, например, прибывающие из таких стран неквалифицированные рабочие практически не владеют русским языком, то молодежь – студенты российских вузов, как правило, используют русский язык как иностранный.

Государственная политика последних лет, прежде всего в сфере образования и науки, была направлена на продвижение и популяризацию русского языка и культуры по всему миру. Однако политическая и экономическая ситуация в мире, сложившаяся в 2014 – 15гг., вряд ли будет способствовать повышению престижа русского языка за пределами страны. Тем не менее, это может иметь не только негативные, но и позитивные последствия, а именно:

1. возможность для русского языка укрепиться в качестве языка карьеры внутри страны;
2. формирование более ответственного отношения к родному языку у носителей языка;
3. в условиях информационных войн у иностранных граждан может возникнуть искренний интерес к русскому языку как языку союзника или, наоборот, языку оппонента.[2,82]

В последние годы в Российской Федерации отмечается не только рост числа изучающих русский как иностранный, но и соответствующее увеличение числа преподавателей этой дисциплины. Как следствие,

возрастает роль и ответственность преподавателей русского языка как иностранного (РКИ) в российских вузах. Преподаватели РКИ в наибольшей степени способствуют адаптации иностранных студентов к условиям российской действительности, помогают избежать негативных стереотипов в восприятии России и ее граждан, что важно для создания благоприятной образовательной среды и достижения максимальных результатов. Традиционно российская педагогика (в том числе советская) считает одним из приоритетов образования воспитательную работу, в отличие от западной модели, где практикуется прагматический подход к получению образования. Однако в современной образовательной среде, которая становится все более гибкой, интернациональной, конкурентной, вопросы предоставления высококачественных образовательных услуг напрямую связаны с не только с вопросами престижа и конкурентоспособности вузов, но в некоторой степени с проблемами государственной политики и безопасности. Высокое качество образовательных услуг обеспечивается разработкой и применением актуальных методик преподавания иностранных языков, включая РКИ.

Существует практика привлечения для преподавания РКИ не только филологов-русистов, но и преподавателей иностранных языков. Рассмотрим в связи с этим, как осуществляется взаимодействие двух методов, применяющихся в обучении иностранным языкам: метода погружения в языковую среду и метода создания коммуникативной ситуации. Как известно, большая часть филологов-преподавателей русского языка ведут свою профессиональную деятельность в условиях естественной языковой среды и придают особое значение погружению в данную языковую среду. Одновременно наблюдается завышенная оценка этого фактора со стороны преподавателей общеобразовательных и специальных дисциплин, работающих с иностранными студентами. По заявлению студентов, регулярно дается оценка их уровня владения русским языком путем следующих высказываний «Вы уже год в России, должны хорошо говорить по-русски». Подобные оценки негативно отражаются на самооценке

студентов, кроме того, они свидетельствуют о том, что преподаватели нефилологических дисциплин не знакомы с требованиями Общеввропейской шкалы языковых компетенций, что на современном этапе необходимо при обучении иностранных студентов.

Преподаватели РКИ – преподаватели основных европейских языков чаще всего работают за пределами естественной языковой среды, поэтому нацелены и натренированы на создание (моделирование) коммуникативной ситуации, то есть ситуации общения в отрыве от языковой среды. Их практический опыт свидетельствует о том, что погружение в языковую среду эффективно при одновременном наличии нескольких факторов, таких как внешняя и внутренняя мотивация студентов, их психологическое состояние, организация учебного процесса и многих других. Более того, часто можно обнаружить основную мотивирующую силу, заставляющую человека изучать иностранный язык (страх не сдать экзамен, перспективы карьерного роста, желание вписаться в общество).

Это наблюдение подкрепляется данными, полученными при анкетировании студентов – иностранных граждан. Контрольная группа состояла из 16 человек – первокурсников двух групп Медицинского института Пензенского государственного университета и 2-х студентов второго курса технических специальностей, изъявивших желание высказать свое мнение. Респондентам было предложено ответить на несколько вопросов, связанных с их нахождением в России и уровнем владения русским языком. Следует подчеркнуть, что на момент проведения анкетирования студенты не имели русский язык в качестве учебной дисциплины. Изучение РЯ осуществлялось либо на подготовительном отделении, либо в школе. Достоверность результатов анкетирования зависит от степени искренности респондентов, однако в целом они совпадают с тем, что преподаватели наблюдают в процессе своей работы, поэтому мы рассматриваем результаты анкетирования как вполне объективные.

Всех респондентов можно поделить на следующие группы:

1. граждане стран, до 1990 г. входивших в состав СССР (Туркменистан, Таджикистан, Киргизия) – 11 человек – 70%. В этой группе отмечается достаточно хороший уровень владения русским языком, но низкий уровень владения английским языком.

2. граждане стран, где английский язык является государственным или вторым языком (Египет, Иордания, ЮАР) – 5 человек - 20%; Это группа характеризуется высоким уровнем владения английским языком, стремлением выучить русский язык не только на базовом уровне, но и в сфере профессиональной деятельности (медицина, технология транспортных средств).

3. граждане стран, где статус английского языка такой же, как в России – иностранный язык (Чад) – 2 человека– 10%. В данной группе наблюдается средний и низкий уровень владения английским языком, слабая академическая успеваемость и отсутствие стремления повысить свою компетентность в сфере владения как русским, так и английским языком.

Анализ и последующее обсуждение результатов в группе позволяют нам сформулировать следующие тезисы:

- Большая часть респондентов (90%) проживает и учится в России не более 1,5 года. Достаточно высокий уровень владения русским или английским языком связан с тем, что он входил в школьную программу родной страны респондента.

- Большинство респондентов (около 90%) показали положительную мотивацию к изучению русского языка. Они считают его трудным, но возможным для изучения языком, и указывают на сложности с пониманием категории рода, падежей, терминологии.

- Приблизительно 80% опрошенных полагают, что хорошее знание русского языка необходимо им для успешной карьеры, поскольку после окончания вуза они планируют поддерживать связь с Россией.

- Отвечая на вопрос о том, как они планируют совершенствовать свои навыки владения языком, студенты отмечали, что нужно больше общаться и говорить на языке. На встречный вопрос «Но вы же общаетесь в языковой среде каждый день!» был получен ответ, что такое общение малоэффективно и нужно обсуждать конкретные темы. Мы полагаем, что респонденты имели в виду именно моделирование коммуникативной ситуации, что необходимо даже в естественной языковой среде.

Таким образом, актуализируется проблема преподавания не только базового, но и профессионального РКИ, что требует постоянного совершенствования методики его преподавания с учетом реалий современной российской действительности, опыта работы ведущих педагогов, а также методических приемов и средств, применяемых при обучении европейским языкам, в частности, английскому.

Отметим в связи с вышесказанным, что в зависимости от условий и целей обучения методики преподавания иностранных языков (в том числе русского как иностранного) исследуются с разных сторон: [3]

- в дидактическом аспекте (поэтапная организация обучения);
- в психолого-педагогическом аспекте (формирование умений и навыков с учетом особенностей личности обучаемого и его способностей к обучению);
- в медико-логопедическом, сурдопедагогическом (в случае речевых и слуховых патологий у обучаемого);
- в учебно-педагогическом (формы обучения, создание системы упражнений, типы учебников и учебных пособий);
- в прикладном (использование обучающих технологий и технических средств);
- в лингводидактическом (с учетом языковых систем родного и изучаемого языков).

Рассмотрим некоторые из них с практической точки зрения. Что касается дидактического аспекта, то в связи с уменьшением количества часов на преподавание РКИ в вузах, год обучения на подготовительном отделении охватывает, как правило, начальный и часть базового курса, с небольшим включением языка специальности. В результате уже на первом курсе иностранные студенты испытывают нехватку лексических единиц и грамматических конструкции для освоения академического русского языка.

Учебно-методический аспект, по нашему мнению, связан с ресурсным наполнением образовательного пространства и поддержанием баланса между социокультурным и личностно-ориентированным компонентами жизни, отраженными в учебных пособиях.[4,69-71] Именно здесь можно творчески использовать средства и приемы методики преподавания английского языка. Это касается, например, выделения и введения в начальный курс группы интернациональных слов, англицизмов и близких по функционированию слов и понятий, существующих во многих мировых языках: компьютер, принтер, хобби, футбол и др. Для облегчения понимания падежных форм русского языка можно предложить сводную таблицу с указанием падежей на английском языке и соответствующих сочетаний существительных с предлогом (см. табл.1).

Падеж Case	Вспомогательное слово	Вопрос	1 склонение	2 склонение	3 склонение
Именительный Nominative	Есть	Кто? Что?	Большая коза/ земля	Большой конь/ Большое окно	Большая мышь/ степь
Родительный Genitive	Нет (of)	Кого? Чего?	Большой козы/ земли	Большого коня/ окна	Большой мышь/ степи
Дательный Dative	Дам (to)	Кому? Чему?	Большой козе/ земле	Большому коню/ окну	Большой мышь/ степи
Винительный Accusative	вижу	Кого? Что?	Большую козу/ землю	Большого коня/ Большое окно	Большую мышь/ степь

Творительный Instrumental	Горжусь (by, with)	Кем? Чем?	Большой козой/ землей	Большим конем/ окном	Большой мышью/ степью
Предложный Prepositional	Думаю (of, about)	О ком? О чем?	О большой козе/ земле	О большом коне/ окне	О большой мышши/ степи

Таблица 1. Сводная таблица падежных форм русского языка

Хотя данная таблица охватывает не все примеры изменений имен существительных и прилагательных, она помогает иностранным студентам понять логику изменений по падежам. Каждый студент получил распечатанный экземпляр этой таблицы для работы на занятии и при выполнении домашних заданий. И.М. Логинова отмечает, что основным лингводидактическим принципом в классических методиках преподавания русского как иностранного считается учет родного языка учащегося при обучении его иностранному.[3] Филологи также отмечают, что иногда родной язык помогает в изучении нового языка, однако чаще бывает наоборот, особенно когда языки принадлежат к разным языковым группам.[1],[5,30] Действительно, практика показывает, что студенты склонны переносить мыслительные структуры родного языка, с помощью которых они формируют картину мира, на модели речевого поведения изучаемого языка. Как правило, группа состоит из представителей разных культур, поэтому не всегда удастся учесть и соотнести особенности разных языков по отношению к русскому. В таких случаях разумное использование английского как языка посредника является одним из способов достижения результата.

Данное исследование носит дискуссионный характер, но позволяет авторам сделать определенные выводы

1. Для усиления позиций русского языка внутри страны и за рубежом целесообразно было бы увеличить количество часов на изучение РКИ в вузах, расширить сеть клубов и кружков русского языка.

2. При создании учебников и учебных пособий желательно увеличить количество возможных коммуникативных ситуаций, включив в материал учебника актуальные темы бытового, общекультурного и профессионального плана.

3. При изучении РКИ на платной основе ввести опцию «русский + английский», как это практикуется в других странах (например, в Германии предлагается одновременное изучение немецкого и английского языков).

Список литературы

1. Арбузова И.И. Языковая интерференция и ее учет в преподавании темы «Русские пространственные предлоги» в иностранной аудитории // Вестник Томского госуниверситета. Серия: Социально-экономические и правовые исследования. №1, 2013. (<http://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-interferentsiya-i-ee-uchet-v-prepodavanii-temy-russkie-prostranstvennyye-predlogi-v-inostranno-avditorii>). (Дата обращения 03.12.2016)

2. Кудратова Г., Эллахи А.Ф., Мусорина О.А. Восприятие русского языка как иностранного и трудности в овладении им // Иностранные языки в высшей школе: методика преподавания, инновации, перспективы развития. Международная научная конференция. – Пенза, 2014.– С.81 – 85.

3. Логинова И.М. Лингводидактический аспект методики преподавания русского как иностранного и пути его изучения// Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2009. №4. (<http://cyberleninka.ru/article/n/lingvodidakticheskiy-aspekt-metodiki-prepodavaniya-russkogo-yazyka-kak-inostrannogo-i-puti-ego-izucheniya>) (Дата обращения 03.12.2016)

4. Мусорина О.А., Гуляева Т.П. Социокультурный и личностно-ориентированный компонент в преподавании русского как иностранного в строительном вуз//. Международный научный журнал «Наука и мир», №9(25), 2015, Том2, С.69-71.

5. *Catia S., Galatenko Yu. The Main Difficulties in Teaching Italian Language in a Monolingual and Monocultural Group// Иностранные языки в высшей школе: методики преподавания, инновации, перспективы развития. Международная научная конференция. – Пенза, 2013.- С.29-36.*

6. *Peskov A. Russian Language Still Needs Protection//The Moscow News, 24, 2008, p.12.*

УДК 801:316

РОЛЬ ПЕСЕН В ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

***В.В. Мушкова**, Пензенский государственный технологический университет,
г. Пенза, Россия*

THE ROLE OF SONGS IN LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

***V.V. Mushkova**, Penza State Technological University, Penza, Russia*

Аннотация. Данная статья посвящена методике преподавания русского языка как иностранного, а именно роли русскоязычных песен. Читатели знакомятся с преимуществами использования русских песен при изучении русского языка, способами работы с ними.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, методика изучения русского языка как иностранного.

Abstract. This article focuses on methods of teaching Russian as a foreign language, namely, the role of Russian songs. Readers learn about the benefits of the use of Russian songs in the Russian language, ways of working with them.

Key words: russian as a foreign language, the methodology of studying Russian as a foreign language.

E-mail: vikavishenka1@rambler.ru

В настоящее время всё больше иностранцев приезжает в Россию для получения качественного образования, недоступного в их родных странах. Поэтому вопрос о том, как же правильно обучать таких студентов русскому языку, является актуальным. Все прочнее на занятиях занимает ведущую позицию лингвокультурология, которая возникла на стыке культурологии и лингвистики и направлена на включение культурного наследия страны, язык которой изучается, в процесс обучения. «Лингвокультурная проблематика, базирующаяся на диалоге культуры и языка, становится актуальной дидактической основой в преподавании русского языка как иностранного» [4; 109]. Связано это с тем, что культура является важнейшей и неотъемлемой частью нашей жизни.

Сейчас существует множество подходов и методик изучения русского языка как иностранного. Использование песен на русском языке способствует повышению интенсификации занятий, эффективности и качества учебного процесса.

Песни часто применяются при изучении различных иностранных языков. Они помогают разбавить монотонность урока грамматики, мотивируют иностранных студентов к изучению языка.

Песни несут в себе лингвокультурное содержание. Они позволяют студентам увидеть многие из явлений действительности через призму русской ментальности и познакомиться с некоторыми аспектами жизни россиян. В песнях широко представлены культурно-исторические темы. При работе с песнями происходит представление культуры страны изучаемого языка и усвоение русской языковой картины мира.

Слушая песни на русском языке, обучающиеся запоминают правильную интонацию, учатся правильно произносить те или иные слова, фразы, тренируются в расчленении на отдельные слова слитной устной речи, пополняют свой словарный запас.

С музыкальными произведениями на уроках русского языка как иностранного можно работать несколькими способами:

- 1) прослушивание музыкальных композиций и вычленение знакомых слов, попытка понять смысл текста произведения;
- 2) заучивание наизусть текста песни и периодическое исполнение её на занятиях для тренировки правильного произношения отдельных слов и целых фраз;
- 3) выполнение лексико-грамматических заданий на текстах песен для тренировки уже приобретённых навыков письма на русском языке.

Для прослушивания песен на русском языке следует выбирать те композиции, где исполнитель достаточно чётко проговаривает слова, не имеет иностранного акцента и каких-либо дефектов речи. Хотя бы часть лексики в песне должна быть знакома обучающимся, иначе, при полном непонимании смысла музыкальной композиции, у студентов может возникнуть отторжение, нежелание слушать и работать над текстом, что крайне негативно может сказаться на занятии в целом. Качество записи песни должно быть очень хорошим, ни в коем случае не должно быть помех, посторонних шумов, музыка не должна заглушать слова.

Если есть возможность найти перевод изучаемой композиции на родной язык обучающихся, то стоит познакомить их с этим переводом для того, чтобы они понимали смысл того, что слушают, или того, о чём поют. Особенно это важно для студентов, знающих русский язык на базовом и элементарном уровне.

Иностранцам студентам, знающим язык на элементарном уровне (A1), даётся задание: во время прослушивания попытаться выписать услышанные ими знакомые слова. Обучающимся, знакомым с языком на уровнях A2 и B1 предлагается не только выписать известные слова, но и понять смысл текста песни.

Такое задание разряжает обстановку на занятии, позволяет студентам немного расслабиться, лучше познакомиться с русской культурой. Развивает навыки аудирования. Привыкая воспринимать устную речь на русском языке в песне, студенты потом с лёгкостью переносят это умение на повседневные ситуации, например, при общении с русскоговорящими людьми.

С удовольствием учащиеся старшего возраста слушают русские народные песни («*Ой, мороз, мороз...*», «*Калинка*», «*Выйду ночью в поле с конём...*», «*Валенки*», «*Порушка-Параня*» и др.), русский рок (песни В. Цоя: «*Звезда по имени Солнце*», «*Когда твоя девушка больна*», Гарика Сукачёва: «*Моя бабушка курит трубку*», «*А за окошком месяц май...*» и т.д.) и популярную музыку на русском языке («*Жил да был чёрный кот за углом...*», «*Маленькая страна*», «*Ах, какая женщина*» и т.д.). Выбирать репертуар лучше всего исходя из музыкальных предпочтений каждой конкретной группы, учитывая все национальные и религиозные особенности, дабы не оскорбить чувства кого-либо из присутствующих на занятии. Поэтому лучше всего подходят тексты нейтральные, не затрагивающие те темы, которые могут вызвать конфликт. Даже если для изучения русского языка как иностранного предлагаются взрослой аудитории детские песни, тексты всё равно должны пройти некую преподавательскую цензуру, во избежание недопонимания.

Для улучшения концентрации над песнями учащимся предлагается текст данной композиции с пропущенными словами, которые нужно восстановить во время прослушивания. Для студентов, знающих русский язык на элементарном уровне, пропущены самые простые лексемы в И.п.: «*я*», «*месяц*», «*страна*», «*ты*», «*Россия*» и т.д. Со временем изучения языка постепенно усложняются и пропущенные слова. Теперь это уже лексемы в косвенных падежах, иногда во множественном числе. Студенты после таких тренировок лучше начинают понимать устную речь на изучаемом языке, учатся правильной интонации, произношению тех или иных слов в потоке речи.

Песня позволяет в игровой форме запоминать новую, только что изученную лексику, выводить слова из пассивного в активный словарный запас. Заучивая тексты наизусть, учащиеся запоминают и контекст употребления того или иного слова. Можно подбирать песни под конкретные темы, с которыми студенты знакомятся на уроке. Например, средством для закрепления темы «Имя числительное» может служить песня «Дважды два-четыре».

Ещё можно знакомить обучающихся с теми или иными песнями в преддверии праздников. Например, разучить с ними новогодние песни. Такие занятия позволяют повысить интерес к изучаемому языку, помогают ему глубже проникнуть в русскую культуру, приобщиться к русскоговорящему населению.

Именно при изучении песен учащиеся знакомятся с иносказательностью русской речи, понимают, что не всегда слова употребляются в прямом значении. Происходит осознание того, что порой значение той или иной лексемы зависит от контекста, что смысл предложения может быть шире суммы значений каждого отдельно взятого слова.

Вместе с песнями иностранные студенты не только узнают о знаменитых русских исполнителях популярных и роковых композиций, но и знакомятся с творчеством известных поэтов. Например, с удовольствием обучающиеся на занятиях по русскому языку как иностранному работают с такими музыкальными композициями на стихи С.А. Есенина: гр. Монгол Шуудан «*Москва*», А. Горшенев «*Заметался пожар голубой...*», «*Поэт*».

При изучении песни можно задействовать говорение и письмо. Учащимся предлагается обсудить услышанную композицию, поделиться своим мнением с окружающими, а затем кратко записать в своих тетрадях о чём шла речь в песне.

Знакомство с песнями на русском языке не только помогает улучшить произношение и выучить новые слова, но и формирует социокультурную компетенцию, открывает перед обучающимися русскую языковую картину мира, позволяет говорить с носителями русского языка «на одном языке», понимая цитаты из популярных песен.

Список литературы

1. Арутюнов А. Р. Теория и практика создания учебника русского языка для иностранцев. – М.: Русский язык, 1990. – 168 с.
2. Воробьева Е. В. Использование песенного материала в формировании лингвистической и социокультурной компетентностей у будущих учителей иностранного языка // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. – № 15. – С. 154–157.
3. Куравлёва И. Р., Горбенко В. Д., Доценко М. Ю. Русский рок и русская грамматика. – СПб.: Златоуст, 2013. – 104 с.
4. Стоянова Е. Лингвокультурное направление в научных исследованиях: Преимущества и возможности // Русский язык как инославянский. – Белград. 2012. – Выпуск IV. – С. 103 – 119.
5. Сафонова В.В. Современный русский аудио- и видеотекст в контексте межкультурного языкового образования // Русский язык как инославянский. – Белград. – 2012. – Выпуск IV. – С. 78 – 90
6. Толстова Н. Н. Модель занятия по РКИ на основе песни // Молодой ученый. – 2016. – №3. – С. 923– 928.

**ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РУССКОМУ ЯЗЫКУ**

*Л.В. Подина, филиал Военной академии материально-технического
обеспечения (г. Пенза), Россия*

*Л.А. Доброхотова, филиал Военной академии материально-технического
обеспечения (г. Пенза), Россия*

**INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN TRAINING OF THE FOREIGN
MILITARY PERSONNEL IN RUSSIAN**

L.V. Podina, branch of Military academy of material logistics (Penza), Russia

*L.A. Dobrokhotova, branch of Military academy of material logistics (Penza),
Russia*

Аннотация. Применение инновационных технологий для повышения эффективности учебного процесса в военном вузе. Доказывается актуальность использования сервиса подкастов в обучении РКИ иностранными военнослужащими. Проблема обучения восприятию аутентичной речи на слух представляет собой один из самых главных аспектов обучения иностранному языку. Приводятся примеры аутентичного и неаутентичного текстов, лежащих в основе подкастов.

Ключевые слова: сервис подкастов, аудирование, аутентичные и неаутентичные тексты.

Abstrakt. Use of innovative technologies for increase in efficiency of educational process in military higher education institution. Relevance of use of service of podcasts in training of RKI by the foreign military personnel is proved. The problem of training in perception of the authentic speech aurally represents one of the most important aspects of training in a foreign language. Examples of the authentic and not authentic texts which are the cornerstone of podcasts are given.

Key words: service of podcasts, audition, authentic and not authentic texts.

E-mail: l.v.p7@yandex.ru

Глобализация экономики, стремительное развитие информационных средств коммуникации – норма современного общества. В современном мире все чаще обсуждается вопрос о применении инновационных технологий для повышения эффективности учебного процесса.

Очевидно, что использование информационных технологий неоднозначно влияет на человека. Следовательно, включение их в образовательный процесс должно быть продумано и происходить под контролем преподавателя.

Итоговая аттестация, которая проходила в филиале ВОЕННОЙ АКАДЕМИИ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ в городе Пензе в 2016 году, показала, что одним из проблемных субтестов является аудирование. Из 50 курсантов с аудированием справились лишь 40%. Особую сложность аудирование представляет для представителей стран Юго-Восточной Азии – Камбоджи, Лаоса, Мьянмы. Это объясняется различными причинами, но главное, на наш взгляд, это разница в фонетике родного и русского языков. Например, в кхмерском языке согласных и гласных звуков в два раза больше, чем в русском. Языки сильно различны по интонации и ритму. Аудирование вызывает наибольшее количество трудностей у тех, кто начинает изучать иностранный язык. На предвузовском этапе обучения курсанты сталкиваются с большими трудностями и в обучении, и в ходе социально-бытовой адаптации.

Для работы над проблемой обучения восприятию аутентичной речи на слухпомогает такой вид деятельности, как подкастинг. Использование подкастов в обучении иностранному языку описано в работах современных ученых Сысоева П. В., Евстигнеева М. Н., Аникиной Ж. С., Савостьяновой Ю. И., Соломатиной А. Г.[5, 6, 1, 3, 4] и других.

Известно, что подкастинг – это процесс создания и распространения звуковых или видеофайлов, называемых подкастами. Как правило, эти звуковые (реже видео) файлы имеют определенную тематику и публикуются на специально созданном сайте для использования учащимися в удобное

время. Аудиозапись становится подкастом исключительно при условии пополнения и обновления материала. Сервис подкастов позволяет работать с размещенными в интернете материалами, выкладывать свои подкасты на любые темы. Последнее время популярностью пользуется сервер подкастов YouTube.

В военных вузах обучаются иностранные военнослужащие из разных стран, с разными способностями. Например, в филиале ВА МТО (г. Пенза) на современный момент обучаются военнослужащие из 23 стран мира, причем курсантов из Вьетнама – 55 человек, из Лаоса – 34 человека, из Камбоджи – 41, из Республики Мали – 2 курсанта, а из Бурунди, Перу и Эфиопии всего по одному военнослужащему. Встает вопрос: как удовлетворить языковые потребности каждой конкретной группы курсантов?

Известно, что в основе современных технологий обучения иностранному языку находятся коммуникативный и компетентностный подходы, а под компетентностным подходом подразумевается метод обучения, ориентированный на личность. В такой ситуации основным принципом обучения является «принцип учета языка учащихся» [2, с. 71].

Этот подход еще раз подчеркивает важность применения подкастов в военном вузе. Ограниченная среда общения, проживание на закрытой территории часто приводят к тому, что общение, особенно на подготовительном курсе, ограничивается национальной средой на родном языке. В такой ситуации использование интернет-сервиса подкастов становится очень востребованным. У обучающихся есть возможность не только прослушивать и просматривать имеющиеся в интернете подкасты, но и создавать личностную зону подкастов.

Как создать подкаст? Подробно работа с подкастами описана в статьях П. Сыроева [5, 6], А. Соломатиной [4] и других. Сложность заключается в том, подкасты следует дифференцировать по многим показателям: по языковой подготовке групп, по специальностям военнослужащих. В

реальной жизни преподаватель сталкивается тем, что для каждой группы должна быть своя база подкастов.

Особенно эффективно можно использовать сервер подкастов в обучении РКИ иностранных военнослужащих для развития умений аудирования и говорения. Развитие подобных умений осуществляется на материалах текстов, с которыми учащиеся сталкиваются в реальной жизни. Во-первых, это аутентичные тексты, использование которых продиктовано образовательными стандартами и незаменимо при обучении аудированию на предвузовском этапе обучения. Именно в этот момент курсанты должны слышать речь не только преподавателя, но и других носителей языка.

Аутентичным материалом для аудирования могут быть записи объявлений в столовой, в казарме, на спортплощадке, в аэропортах и на вокзалах, информация о прогнозах погоды, новости, инструкция как куда добраться, ситуация общения в военной среде.

Примером аутентичного текста, соответствующего первому сертификационному уровню общего владения русским языком, может быть следующий.

Хочешь, расскажу тебе, как пройти в столовую? Столовая находится на территории академии в корпусе №112. Пройти нужно прямо от КП, вдоль аллеи славы. Справа от входа находится буфет, а слева – курсантская столовая.

Завтрак начинается в 7.40, обед – в 15.00, а ужин – в 19.40. Каждая национальная группа принимает пищу в свое время. В столовую нельзя опаздывать.

Наряду с аутентичными текстами в сервисе подкастов могут располагаться и неаутентичные тексты. Это тексты, написанные специально для изучающих иностранный язык. Они вводятся в учебный процесс для изучения той или иной темы.

Для иностранных военнослужащих, осваивающих язык специальности, это особенно актуально. Именно подкасты облегчают усвоение терминологии,

военной и специальной лексики, устойчивых форм и моделей текстов. Кроме того, здесь могут содержаться тексты по военной истории, государственной символике. Безусловно, материалы подкастов для иностранных военнослужащих должны строго дифференцироваться и соответствовать учебной программе по РКИ, тематическому плану, утвержденному соответствующим вузом.

Приведем пример неаутентичного текста по теме «Боеприпасы».

Боеприпасы – это предметы артиллерийского вооружения, необходимые для стрельбы из всех видов огнестрельного оружия.

Различают следующие боеприпасы:

- патроны для стрелкового оружия;*
- артиллерийские выстрелы для орудий;*
- минометные выстрелы для минометов;*
- реактивные снаряды для боевых машин реактивной артиллерии;*
- противотанковые гранаты для гранатометов;*
- противотанковые управляемые ракеты (ПТУР).*

Артиллерийский выстрел – это комплект элементов, необходимых для производства одного выстрела из орудия. Артиллерийский выстрел включает в себя пять основных элементов: снаряд, взрыватель, метательный заряд, гильзу, средство воспламенения, а также дополнительные элементы: воспламенитель, пламегаситель, размеднитель, флегматизатор.

По способу заряжания артиллерийские выстрелы делятся на два вида: выстрелы унитарного заряжания и выстрелы раздельно-гильзового заряжания. В выстрелах унитарного заряжания все элементы соединены при помощи гильзы. Заряжение унитарными патронами производится в один прием. А выстрел раздельно-гильзового заряжания состоит из двух частей:

- снаряда со взрывателем*
- метательного заряда и средства воспламенения, размещенных в гильзе.*

Заряжание орудия выстрелами такого типа производится в два приема: сначала в зарядную камеру вкладывается снаряд, а затем гильза с боевым зарядом.

Подкасту может предшествовать предтекстовая работа, объяснение новых слов, на видеофайле возможно размещение не только скрипта, но и чертежа, рисунка. Например, работе над текстом «Боеприпасы» может предшествовать словарная работа: *прочитайте и переведите слова и словосочетания – размеднитель, флегматизатор, пламегаситель, унитарное заряджение, трассирующие снаряды, соединить при помощи гильзы, произвести заряджение в один прием.*

Так, система подкастов помогает реализовать личностно-ориентированный подход к обучению иностранных военнослужащих. Преподаватель создает образовательные модели с учетом конкретной группы курсантов. Потом он подробно объясняет, как работать с подкастом. Возможно тренировочное решение демонстративной версии подкаста на занятии. Такая организация работы особенно важна в военном вузе при самостоятельном изучении материала.

Современный специалист – это квалифицированный, конкурентоспособный, ответственный, ориентированный в смежных областях профессионал, эффективно работающий на уровне мировых стандартов. Это в полном объеме касается и специалистов-военнослужащих.

Таким образом, использование подкастов на занятиях по РКИ в военном вузе остается актуальным и соответствует принципам развития высшего профессионального образования.

Список литературы

1. Аникина Ж. С. *Модель развития умений учебной автономии у студентов неязыковых специальностей при обучении иностранному языку с использованием подкастов // Вестник ТГПУ. 2011. Выпуск 6 (108) с.85-88.*

2. Вагнер В. Н. *Национально ориентированная методика в действии // Русский язык за рубежом. 1988. № 1. С. 70-75.*

3. Савостьянова Ю. И., Сичинава Ю. Н. *Роль информационных и коммуникативных технологий в обучении русскому языку как иностранному в военном вузе // Язык и культура. 2015. № 1 (29). С. 131-138.*

4. Соломатина А. Г. Развития умения говорения и аудирования учащихся посредством учебных подкастов // *Язык и культура*. 2011. № 2 (14). С. 130-134.

5. Сысоев П. В. Подкасты в обучении иностранному языку // *Язык и культура*. 2014. № 2 (26). С. 189-201.

6. Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н. Компетентность преподавателя иностранного языка в области использования информационных и коммуникационных технологий // *Язык и культура*. 2014. № 1 (25). С. 160-167.

УДК 880-3

АНАЛИЗ МЕТОДИК ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ

*М.А. Прохновский, Пензенский государственный технологический
университет, г. Пенза, Россия*

*А.А. Тишин, Пензенский государственный технологический университет, г.
Пенза, Россия*

ANALYSIS OF THE METHODS OF THE TEACHING OF THE RUSSIAN LANGUAGE TO THE FOREIGNERS

M.A. Prokhnovsky, Penza State Technological University, Penza, Russia

A.A. Tishin, Penza State Technological University, Penza, Russia

Аннотация. В статье описываются некоторые из методик преподавания русского языка для иностранцев, рассказывается об их эффективности и предлагаются решения некоторых актуальных вопросов преподавания.

Ключевые слова: русский язык, преподавание, методика, иностранцы, русский как иностранный.

Abstract. The article describes some of the methods of the teaching of the Russian language to foreigners, its efficiency and offers solutions for some of the relevant problems of the teaching.

Key words: the Russian language, teaching, methods, foreigners, the Russian language as foreign language.

E-mail: high.five.penza@mail.ru

Несмотря на то, что популярность русского языка у иностранных граждан заметно снизилась после развала СССР, многие по-прежнему изучают его как иностранный язык. В данной статье рассматриваются методики преподавания русского языка.

Грамматико-переводной метод обучения. Данный метод предполагает усиленную работу над переводом текстов, большая часть времени уделяется грамматике, преподаватель знакомит учащихся со структурой языка. Обучаемые заучивают грамматические правила, учатся составлять предложения, приобретают лексику посредством перевода текстов с русского языка, на свой родной. Основой данного метода является аналитическая деятельность обучающихся. Очевидными плюсами данного метода являются: сознательное овладение языком, его правилами, формирование речевых навыков и умений, активное использование собственного языка при освоении иностранного, детальное знакомство со структурой изучаемого языка. Минусы данного метода: отсутствие обучения реалиям, малое практическое применение полученных обучающимися знаний в повседневной жизни, недостаточность проработки произношения и разговорной речи. На практике данный метод считается малоэффективным.

Сознательно-сопоставительный метод обучения. Был разработан на основе трудов Л.В. Щербы. Данная методика несет в себе не только обучение языку, но также развитие сознательности, уважение к представителям других культур. Такое воспитание достигается посредством подбора высоко нравственных материалов, на которых и строится обучение. Для этого специально подбирается лексика и отдельные тексты. Также данный метод учитывает подбор активной и пассивной лексики. Активная лексика несет в себе следующие критерии: семантическая ценность, сочетаемость, стилистическая неограниченность, описание понятий, исключения синонимов. Такой метод берет в учет родной язык обучаемых, так как подразумевается влияние родного языка на обучение иностранному. Также

частные виды речевой коммуникации определяются как средства преподавания, которые ставят цели обучения. В данном методе описывается насколько важно опираться на множество методов восприятия информации: визуальный, акустический, механический и кинестетический.

Аудиолингвальный метод. Данный метод сводится к постоянному прослушиванию языковых структур и речевых образцов с последующим проговариванием их. Идея написания этого метода была придумана американскими структуралистами. Концепция этого метода заключается в овладении языком путем подражания, многократном прослушивании материала на изучаемом языке и аналогии услышанного с родным языком. Данный метод хорош для формирования коммуникативных навыков. При использовании данного метода изучения иностранного языка, язык запоминается в устной форме, важно добиться полной автоматизации, то есть языковые конструкции должны употребляться на практике без участия сознания. Этого можно добиться только путем многократного прослушивания одного и того же речевого отрезка.

Данный метод хорош тем, что дает обучающемуся возможность лучше познакомиться с социальной структурой носителей изучаемого языка. Также, он использует ограниченную лексику, однако, перед началом аудирования важно изучить прослушиваемый материал устно. Данный метод даст возможность конструировать свою речь по образцам, так называемым моделям речи, когда изучающий сможет сконструировать предложения, соответствующие цели общения, эта модель считается усвоенной. Сначала используются наиболее общеупотребительные модели и конструкции, впоследствии они усложняются. Важно учитывать с сопоставлять особенности изучаемого языка с родным языком. Для достижения максимальной эффективности важно использовать мультимедийные средства.

Из недостатков можно выделить большой упор на заучивание, а не на понимание языка, что может вылиться в потерю обучаемым понимания цели совершаемых действий; отсутствие связи в изучении четырех видов

коммуникативной деятельности, а также скудность видов упражнений на запоминание конструкций.

Сознательно-практический метод обучения. Этот метод включает в себя активную коммуникацию между учащимися. Процесс коммуникации и условия, создаваемые для неё, должны полностью походить на реальную языковую коммуникацию между лицами разных языковых культур. Для этого необходимо обучать студентов только коммуникативно ценным моделям, конструкциям и фразам, использовать в процессе обучения коммуникативные упражнения, направленные в первую очередь на формирование речевых навыков.

Необходимо также вырабатывать у обучающихся сознательность, чтобы добиться не простого заучивания конструкций, а именно понимания и осмысления учебного материала. Для достижения этой цели весь новый материал нужно вводить сразу в речь, то есть давать не абстрактные правила и понятия, а преподносить новый материал в функционально и коммуникативно значимых предложениях на изучаемом языке. Для формирования навыков коммуникации в каждой определенной среде и ситуации, материал нужно подбирать таким образом, чтобы он отвечал условиям данной ситуации.

На теоретические сведения об изучаемом языке нужно отводить примерно 15% от всего учебного времени (остальные 85% – на непосредственно отработку коммуникативных навыков), поэтому для достижения максимальной эффективности в понимании теоретического материала нужно использовать принцип концентрического расположения материала. Суть этого принципа заключается в том, что в процессе обучения необходимо возвращаться к уже пройденному материалу, но в других контекстах и формах, каждый раз дополнять данный материал новым языковым наполнением, но так, чтобы старый теоретический материал перекликался с актуальной коммуникативной темой. Обучаемые должны параллельно овладевать всеми четырьмя видами речевой деятельности.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что данный метод преподавания является универсальным. В целом, этот метод ставит перед собой две задачи: обучение средствам общения и овладение самим умением общаться.

На практике мы наблюдаем такую картину, что ни один из вышеперечисленных методов не является достаточно эффективным. Каждый из этих методов позволяет достигнуть определенных целей и познать язык лишь с определенной стороны. Глубинного же знания языка возможно достичь при правильном комбинировании преподавателем вышеперечисленных методов, что позволит узнать обучаемому язык с разных сторон. Стоит отметить, что важным аспектом, составляющим обучение является родной язык обучаемого. Пензенский государственный университет публикует методические указания, в которых отдельно рассматриваются не только подходы к обучению студентов различных языковых групп, но и даются рекомендации в зависимости от национальности обучающихся.

Из-за недостаточного числа желающих изучать русский язык очень часто в одну группу попадают обучаемые не только разных национальностей, но и вовсе разных языковых групп, что также сильно усложняет задачу преподавателю. В этом случае педагогу стоит условно разделить группу на подгруппы и разместить резидентов каждой подгруппы ближе друг к другу. Таким образом преподавателю будет легче контролировать успеваемость обучаемых. Также такое разделение на подгруппы позволяет обучаемым при общении помогать друг другу, что облегчает работу преподавателя. Такого эффекта нельзя добиться при хаотичном распределении обучающихся в аудитории. У данной системы есть свои минусы, при таком распределении стоит более тщательно рассчитывать время занятий, так как преподавателю будет нужно более внимательно работать с каждой подгруппой. Но при этом повышается эффективность занятий и усвояемость материала, данного преподавателем на уроке.

Список литературы

1. Шумилина А.П. Учебное пособие по русскому языку для работы с иностранцами – Пенза, 2009
2. Крылова И.А. Пособие по практическому курсу русского языка для иностранных студентов (начальный этап) - Пенза 2002
3. Русский язык как иностранный: функционирование и методика преподавания - Пенза, 2015
4. Лебединский С.И., Гербик Л.Ф. Методика преподавания русского языка как иностранного - Мн., 2011. – 309 с.
5. Щерба Л.В. Как надо изучать иностранные языки. - Л., 1929

УДК 37.042.2

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В УСЛОВИЯХ ОБУЧЕНИЯ В ВОЕННОМ ВУЗЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Я.В. Садчикова, Пензенский филиал Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.Н. Хрулёва, г. Пенза, Россия

Л.В. Шварева, Пензенский филиал Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А.Н. Хрулёва, г. Пенза, Россия

FEATURES OF THE RELATIONSHIP BUILDING BETWEEN FOREIGN MILITARY PERSONNEL IN TRAINING AT THE MILITARY UNIVERSITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

I.V. Sadchickova, Penza branch of the Military Academy of logistics named after General of the army A. N. Khruleva, Penza, Russia

L.V. Shvareva, Penza branch of the Military Academy of logistics named after General of the army A. N. Khruleva, Penza, Russia

Аннотация: В статье раскрыта специфика стратегий поведения иностранных военнослужащих в конфликтных ситуациях. Определена тактика поведения курсантов в условиях конфликта. Особое внимание уделено организационно-педагогическим условиям, положительно влияющим на преодоление конфликтных ситуаций в среде военнослужащих. Делается вывод о недопущении стихийного развития конфликта, устранении причин на основе постоянной диагностики и создании специальных психолого-педагогических условий обучения.

Ключевые слова: военное образование, иностранные военнослужащие, стратегии поведения курсантов в конфликтных ситуациях, педагогические условия обучения курсантов.

Abstract: The article reveals the specifics of the strategies of foreign troops in conflict situations. Tactics were determined in behavior of students in situations of conflict. Special attention is paid to organizational-pedagogical conditions that are favorable for the overcoming of conflict situations in the military ambience. The conclusion is based on the prevention of natural development of the conflict, addressing the causes on the basis of regular diagnosis and the creation of special psychological and pedagogical conditions of training.

Key words: military education, foreign military personnel, the strategy of behavior of students in situations of conflict, pedagogical conditions of training of cadets.

E-mail: yana1407@yandex.ru, lvshvareva@gmail.com

В условиях расширения военных связей Российской Федерации продолжает оставаться актуальным вопрос о психолого-педагогическом сопровождении иностранных военнослужащих, обучающихся в российских военных вузах. При этом изучению способов реагирования иностранных военнослужащих на конфликтные ситуации, выявлению тенденций их взаимоотношений в сложных условиях уделяется очень мало внимания.

Целью данной статьи является проведение анализа конфликтности группы иностранных военнослужащих для разработки рекомендаций по разрешению и профилактике конфликтов в учреждениях военного образования.

Объект исследования – группа иностранных военнослужащих учебного отделения Пензенского филиала Военной академии материально-технического обеспечения.

Предмет исследования – выявление тенденций поведения в конфликтных ситуациях в учебной группе иностранных военнослужащих Пензенского филиала Военной академии материально-технического обеспечения.

Наиболее общее и в то же время наиболее значимое определение конфликта (от лат. *conflictus* – столкновение) можно назвать столкновением противоречивых или несовместимых сил, как ситуацию, в которой сталкиваются не совпадающие интересы одного или нескольких участников, преследующих различные цели, причём пути и методы достижения своих целей у них различны.

Характерные черты конфликта: неопределенность исхода, т.е. ни один из участников конфликта заранее не знает решений, которые принимают другие участники; различие целей, отражающих как несовпадающие интересы различных сторон, так и многосторонние интересы одного и того же лица; образ действия каждой из сторон.

Конфликт, по мнению А. Г. Здравомыслова, чаще всего отождествляют с агрессией, угрозами, войной, враждебностью и т.д. [1, с. 102]. В результате этого возникает стереотип, что конфликт – явление всегда нежелательное, что его необходимо по возможности избегать и что его следует немедленно разрешать, как только он возникнет, забывая при этом, что не разрешение конфликта – тоже решение.

Как считает Г.И. Козырев, в организации опасен не сам конфликт, а его ошибочное, неправильное регулирование [2, с. 65]. Конфликты происходят в группах в связи с тем, что их члены не согласны со своим положением, авторитетом, ответственностью и по-разному относятся к одним и тем же организационным целям и задачам.

Следует подчеркнуть, что определённые типы конфликтов вредны, другие же полезны как персонально для военнослужащего, так и для учебного учреждения, где он обучается, в целом.

Когда конфликт помогает выявить разнообразие точек зрения, даёт дополнительную информацию, помогает найти большее число вариантов, делает процесс принятия решений группой более эффективным, даёт

возможность самореализации отдельной личности, подразумевается, что это созидательный (функциональный) конфликт по своим последствиям.

Когда в результате конфликта не происходит достижение целей организации в целом и удовлетворение потребностей отдельной личности, то он считается разрушительным (дисфункциональным) и приводит к снижению личной удовлетворенности, группового сотрудничества и эффективности деятельности учебного учреждения.

Принимая за основу понятие конфликта как показателя отсутствия согласия между двумя или более сторонами, с наличием противоборства конфликтующих сторон, перейдем к описанию видов конфликтов с позиции личность-группа и группа-группа.

Конфликт между личностью и группой – это, как правило, столкновение между частями или всеми членами группы, влияющее на результаты деятельности группы в целом. Конфликт возникает, когда ожидания группы находятся в противоречии с ожиданиями отдельной личности, а также когда позиция, занимаемая отдельной личностью, находится в противоречии с позицией группы.

Межгрупповой конфликт представляет собой противостояние или столкновение двух или более групп. Он возникает в организациях, состоящих из множества формальных и неформальных групп. Поскольку у различных групп существуют свои, отличные от других групп цели, неизбежны конфликты даже в самых эффективных учреждениях, которые могут иметь различную основу.

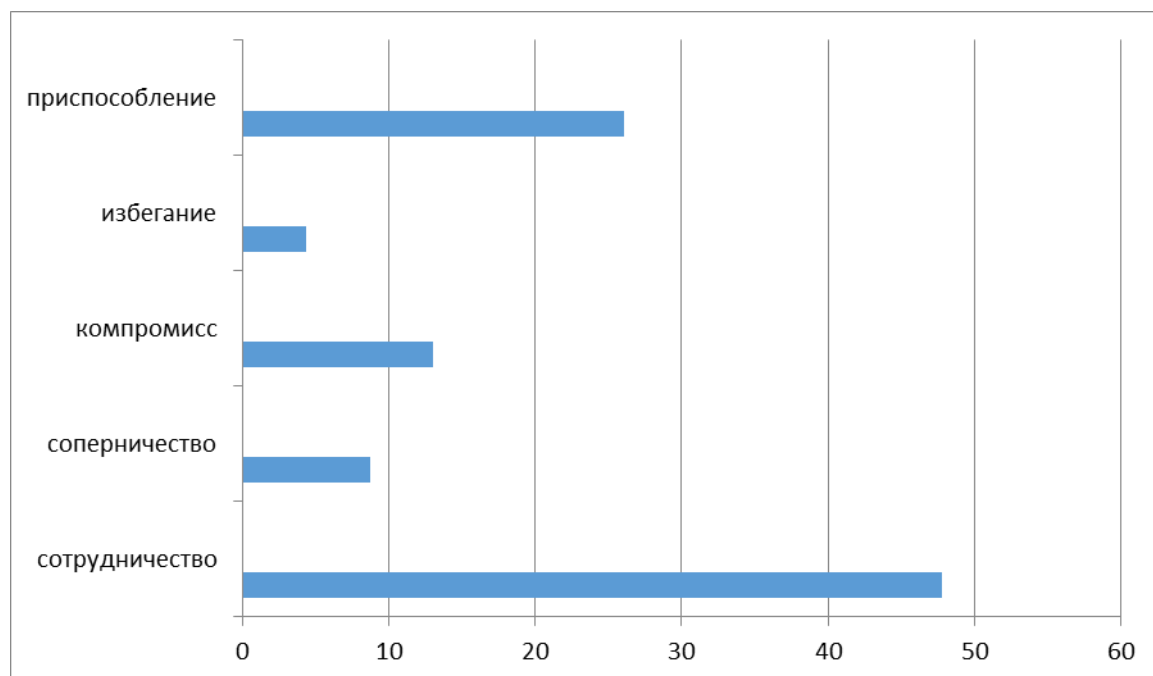
Конфликтологи считают, что при избегании (уходе) ни одна из сторон не достигает успеха, при конкуренции, приспособлении, компромиссе – или один выигрывает, другой проигрывает, или проигрывают оба, и только в ситуации сотрудничества обе стороны оказываются в выигрыше. Сотрудничество – это стратегия поведения, при которой на первое место ставится удовлетворение интересов всех её участников, поиск путей для вовлечения всех заинтересованных лиц в процесс разрешения конфликта и стремление к выгоде для всех вместе и каждого в отдельности. Эта стратегия требует более продолжительной работы по сравнению с другими подходами к конфликту. Целью сотрудничества является

выработка долгосрочного взаимовыгодного решения, это работа на перспективу. Для этого требуется большая духовная работа над собой, поиск скрытых интересов и нужд сторон, умение выслушать друг друга и выработать различные возможные варианты решения проблемы.

Стратегия сотрудничества будет наиболее эффективной, если:

- решение проблемы очень важно для обеих сторон и никто не хочет полностью от него отстраниться;
- есть время, желание и силы решать возникшую проблему;
- стороны способны изложить суть своих интересов и выслушать друг друга.

В филиале Военной Академии МТО в г. Пенза обучаются курсанты более чем из 20 стран ближнего и дальнего зарубежья. В нашем научном исследовании приняли участие 25 курсантов из Казахстана. Для определения предрасположенности иностранных военнослужащих к конфликтному поведению использовалась диагностика К. Томаса. Результаты диагностики представлены в гистограмме 1.

Гистограмма 1.

**Стратегия поведения иностранных военнослужащих
в ситуации конфликта (в %)**

Данная гистограмма показывает, что в разрешении конфликтов в среде иностранных военнослужащих доминирует стратегия сотрудничества (47,8 %)

Соперничество, равно как и избегание, предпочитает наименьшее количество опрошенных курсантов (8,7 % и 4,4 % соответственно). Стратегия поведения, направленная на поиск компромисса в отношениях военнослужащих в конфликте, проявляется у 13 %.

У курсантов, ориентированных на стратегию **сотрудничества** при возникновении конфликтной ситуации (47,8 %) наблюдалась склонность к согласию, поиску и приумножению общих интересов. «Наш интерес состоит в том, чтобы наилучшим образом обеспечить интересы другой стороны» – провозглашают сторонники партнерской стратегии поведения (то есть при её доминанте). Для такой модели поведения в конфликте характерен совместный и откровенный анализ разногласий в ходе выработки решений. Инициатива, ответственность и исполнение распределяются по взаимному согласию. Этот стиль основывается на убеждённости участников конфликта в том, что расхождение во взглядах – это неизбежный результат того, что у умных людей есть свои представления о том, что правильно, а что нет. Тот, кто опирается на сотрудничество, не старается добиться своей цели за счет других, а ищет решение проблемы.

У курсантов, чья тактика поведения диагностировалась как **приспособление** (26, 1 %) наблюдалось стремление сохранить или наладить благоприятные отношения, обеспечить интересы товарища путем сглаживания разногласий. Готовность уступить, пренебрегая собственными интересами, уйти от обсуждения спорных вопросов, согласиться с требованиями, претензиями. Стремление поддержать партнера, чтобы не затронуть его чувств путем подчеркивания общих интересов, замалчивания разногласий. Эта стратегия может быть признана рациональной, когда предмет разногласий имеет для человека меньшую ценность, чем взаимоотношения с противоположной стороной, когда при «тактическом проигрыше» гарантирован «стратегический выигрыш». Если данная стратегия станет для курсанта

доминирующей, то он, скорее всего, не сможет эффективно строить взаимодействие.

У иностранных военнослужащих, чья тактика поведения заключается в **избегании**, уходе и уклонении от конфликта (4,4 %), наблюдалось стремление не брать на себя ответственность за принятие решения, не видеть разногласий, отрицать конфликт, считать его безопасным. Часто обнаруживалось стремление выйти из ситуации не уступая, но и не настаивая на своём, воздерживаясь от споров, дискуссий, возражений оппоненту, высказывания своей позиции. Следует заметить, что такое поведение может быть уместным, если предмет разногласий не представляет для курсанта большой ценности, если ситуация может разрешиться сама собой (такое бывает редко, но всё же бывает), если сейчас нет условий для продуктивного разрешения конфликта, но через некоторое время они появятся. Эффективна эта стратегия и в случае нереалистических конфликтов.

8, 7 % курсантов из Казахстана предпочли стратегию **соперничества** в конфликтной ситуации. Это выражалось в стремлении настоять на своём путем открытой борьбы за свои интересы, занятие жесткой позиции непримиримого антагонизма в случае сопротивления. Применение власти, принуждения, давления, использование зависимости партнёра. Тенденция воспринимать ситуацию как вопрос победы или поражения. Этот стиль может быть признан эффективным, если он используется в ситуации, угрожающей существованию группы или препятствующей достижению ею своих целей. Если курсант отстаивает интересы дела, интересы своей группы, он просто обязан быть настойчивым. Существенным недостатком данной стратегии является подавление инициативы и возможность повторных вспышек конфликта из-за ухудшения взаимоотношений.

Стратегию **компромисса** в конфликтной ситуации предпочли 13 % курсантов филиала Военной академии. Это проявлялось в стремлении урегулировать разногласия, уступая в чем-то в обмен на уступки другого. Поиск средних решений, когда никто много не теряет, но и много не

выигрывает. Интересы обеих сторон полностью не раскрываются. Способность к компромиссу в управленческих ситуациях высоко ценится, так как уменьшает недоброжелательность и позволяет относительно быстро разрешить конфликт. Но через какое-то время могут проявиться и дисфункциональные последствия компромиссного решения, например неудовлетворенность «половинчатыми решениями». Кроме того, конфликт в несколько измененной форме может возникнуть вновь, так как породившая его проблема была решена не до конца.

К. Томас считает, что при избегании конфликта ни одна из сторон не достигает успеха, а при таких формах поведения, как конкуренция, приспособление и компромисс, или один из участников оказывается в выигрыше, а другой проигрывает, или оба проигрывают, так как идут на компромиссные уступки. И только в ситуации сотрудничества обе стороны оказываются в выигрыше.

Таким образом, конфликт является неотъемлемым элементом функционирования любой организации, в том числе, и в сфере военного образования. Следовательно, основная задача лиц, ответственных за организацию педагогического процесса в военном образовании (профессорско-преподавательский состав, офицеры) состоит не только в том, чтобы заниматься профилактикой конфликтов, которые потенциально возможны во всех ситуациях общения, а в умении опознать конфликт и управлять им с целью получения наилучшего результата. Для анализа конкретного конфликта, его динамики важно выделить всех субъектов конфликта, определять его причины, субъекта, инициирующего конфликтное действие и доминирующего в этом действии. Только полностью осознавая ситуацию, можно приступить к её решению.

Немаловажным аспектом будет являться выбор способов предупреждения и разрешения конфликтов в среде иностранных курсантов.

В работе учебного военного учреждения для профилактики конфликтов необходимо использовать управленческие способы предупреждения конфликтов:

- четкую формулировку требований, правил, критериев оценки;
- однозначную иерархическую структуру и использование координирующих механизмов (все знают, кто главный, кто за что отвечает, кто принимает решение в случае разногласий);
- установление общих целей, формирование единых ценностей;
- наличие системы поощрений, исключающей столкновение различных подразделений или членов учебной группы.

Обучение иностранных граждан на базе российских высших военных школ, основанное на сотрудничестве и обмене опытом военных кафедр и факультетов с гражданскими кафедрами и между собой, стажировки курсантов и преподавателей, все это способствует укреплению связей, обогащению опыта и, в конечном итоге, повышению качества обучения.

Но, кроме положительных моментов, для военных вузов в этих условиях возникает ряд проблем, требующих незамедлительного решения. Одной из ключевых проблем является адаптация иностранных обучающихся в новых для них условиях. Кроме психологической адаптации следует обращать внимание на освоение новой социокультурной среды, новой системе образования и воспитания, а также языку, традициям межкультурного общения [3, с. 207-214]. При этом освоение любого уровня взаимодействия может привести к конфликту. Негативное восприятие конфликтов вполне обоснованно, т.к. любой из них несёт в себе заряд огромной разрушительной силы. Проблема заключается не в том, чтобы не допускать конфликт в военном учебном учреждении, а чтобы не давать ему развиваться стихийно. Следовательно, руководитель отделения должен не уходить от конфликтов, а постоянно работать над их разрешением, заниматься устранением причин. Именно на руководителе лежит обязанность проведения профилактики конфликтов во вверенных ему учебных отделениях и соответственно в военном учебном

учреждении в целом. Не стоит жалеть о том, что конфликт возник вообще, если он явился неизбежным спутником прогресса и перемен.

Список литературы

1. Здравомыслов А.Г. *Социология конфликта*. – М.: Аспект-пресс, 2006. – 318 с.

2. Козырев Г.И. *Введение в конфликтологию: Учеб. пособие для пед. вузов*. – М.: Владос, 2009. – 174 с.

3. *Молодёжь. Образование. Наука: сборник статей XI Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов, адъюнктов, молодых преподавателей и учёных (Пенза, 27 января) / под общ. ред. О.В. Варниковой, О.Н. Пономарёвой, И.И. Грачёва, В.А. Худякова*. – Пенза : Филиал ВА МТО, Пенз. арт. инж. ин-т, 2016. – 383 с.

УДК 81(045) = 161.1

РОЛЬ СТИЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «УКУС АНГЕЛА» П.КРУСАНОВА)

*А.С. Торосян, Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации, г. Москва, Россия*

THE ROLE OF STYLISTIC ANALYSIS IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING (ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL «ANGEL'S BITE» BY PAVEL KRUSANOV)

*A.S. Torosyan, The Financial University under the Government of the Russian
Federation, Moscow, Russia*

Аннотация. Данная статья посвящена стилистическому анализу художественного произведения П. Крусанова «Укус ангела». Выделяются изобразительно-выразительные

средства (эпитеты, метафоры, метонимии, символы, сравнения и другие). Изобилие индивидуальных языковых средств в романе способствуют исследованию особенностей авторской речи.

Ключевые слова: стилистический анализ, языковые средства, метафоры, эпитеты.

Abstract. This article is devoted to the stylistic analysis of «Angel's bite» by P. Krusanov. To distinguished language tools (epithet, metaphor, metonymy, symbols, and other comparisons). Plenty of individual linguistic tools to promote the study of the novel features of the author's speech.

Key words: stylistic analysis, linguistic tools, epithet, metaphor.

E-mail: anna-torosyan@bk.ru

Использование художественной литературы является важным элементом в процессе качественного обучения иностранному языку. Художественные тексты помогают студентам, изучающим русский язык как иностранный, вырабатывать важные навыки владения языком: расширение словарного запаса, знание грамматических структур, навыки переводческой деятельности, навыки устной и письменной речи, умение работать с фразеологизмами. Стилистический анализ художественного текста включает в себя осмысление и интерпретацию его проблематики, авторской позиции, жанрово-стилистических и композиционных особенностей.

Цель нашего исследования – показать на конкретном примере, какую роль стилистический анализ художественного произведения играет в процессе обучения русскому языку как иностранному.

Объект анализа – роман современного русского писателя Павла Крусанова «Укус ангела», который обладает насыщенным культурологическим фоном, яркими языковыми средствами, эмоциональностью и образностью изложения.

Необходимость изучения стиля художественного произведения вытекает из специфики словесного искусства, которое имеет своим

«материалом» язык: как пишет Ю. Лотман «структура содержания реализуется через структуру языка, образуя комплексное целое» [2, с. 45].

Своеобразие художественного стиля П. Крусанова обнаруживается и в использовании языковых средств, стилистических приемов и фигур, различных изобразительных ракурсов.

Как известно отбор языковых средств подчинен художественному замыслу писателя. Так, средством создания образа может быть фамилия героя. У Крусанова этот прием ярко выражен. Фамилии героев так или иначе раскрывают их сущность. К примеру, фамилия главного героя – *Некитаев* – свидетельствует об отрицании китайского происхождения Ивана и «имплицитно доказывает неприменимость Восточного направления в развитии государства» [4, с.111].

Главной составляющей художественного стиля «Укуса ангела» является богатый образами метафорический план романа. Метафоры, сравнения, олицетворения заполняют сложный лексико-семантический рисунок художественного мира Крусанова.

В языке, как известно, существуют устойчивые метафоры, как правило, их называют еще «стертыми». Однако художественный текст, в частности роман «Укус ангела», интересен изобилием субъектно-индивидуальных образов, которые не столько отображают, сколько преобразуют действительность.

Крусанова привлекает в метафоре ее свойство сливать в единый поэтический образ отдаленные явления иногда, вовсе несоединимые. Эта особенность позволяет художнику разрушать обычные представления о реальности и преобразовывать ее посредством индивидуально-авторского мировидения. Метафоризация стирает грани между высоким и низким, близким и отдаленным, серьезным и ироническим, материальным и духовным.

С помощью метафор и сравнений изображаемый мир в произведение наполняется цветом и запахом, а предметно-природный

план действия становится конкретным и осязаемым: *«молочными завитками стелился туман»*; *«сухая трава – к утру она, верно, станет сахарной от инея»*; *«антрацитовое каре»*; *«Таня вернулась оттуда с букетом жгучих, точно раздутые угли, цветиков и арбузом в зеленой тельняшке»*; *«Кругом стояла тишина, звенящая от редкого лесного звука, словно она была налажена из тончайшего льда»*; *«Пламя отчего-то было морковно-красным, темным, как будто светило сквозь ржавую пыль»*.

Однако самым излюбленным метафорическим приемом автора, склонного к использованию сложных метафорических образов, к сосредоточению и даже нагромождению их, является персонификация, перенесение признаков одушевленного мира на неодушевленные, на абстрактные понятия. Образы неодушевленного мира оживают в пространстве *«Укуса ангела»*: *«томительный и пыльный, поезд размеренно гремел на стыках рельсов, словно впечатывал в насыпь широкую кованую поступь»*; *«ледяное дыхание судьбы»* и т.д.

Приписывание свойств живых существ, предметам и явлениям неживой природы, а также овеществление реализуется с помощью олицетворения (персонификации, или прозопопеи) как основного вида метафоризации и способа художественного освоения действительности вообще. Олицетворение является распространенным приемом выражения универсальной авторской идеи о том, что мир представляет собой живой организм, все элементы которого взаимосвязаны.

В тексте часто встречаются метафоры-сравнения: *«деревья, чьи тени походили на ямы»*, *«словно в мед входило в море»*, *«со стальными, как Ладога, глазами»*, *«словно конвейер на фабрике игрушек, шла под триумфальными воротами нагруженная трофеями армия»*, *«время, словно вода, приносит с собой как прохладу, так и холеру»*.

Особой образностью насыщены представления Крусанова о мире как о тексте: *«Надо разбить прежнюю матрицу, надо поменять текст*

мира, спроецировав его новый образ из области чистого умозрения, из области религии, мистицизма и герметических наук вовне, и тем самым изменить мир» [1, с.89]. Красочными, пафосными образами насыщено определение литературы. «Литература – это не просто смакование созвучий и приапова игра фонетических соответствий, доводящая до обморока пуританку семантику, литература – это еще и война, блестящая война, дух которой неизбывен» [1, с. 13].

Яркими языковыми средствами автор описывает пространство Петербурга, в образе которого имеет место как и традиционный «лексико-понятийный словарь Петербургского текста» (В.Н.Топоров), так и субъектно-авторские ассоциации.

К лексико-понятийному словарю Петербургского текста, по мнению В.Н. Топорова, относятся наиболее употребительные слова, которые исследователь подразделил на следующие группы: слова, выражающие **внутренние состояние человека** (одинокий, мучительный, тоска, и т.д.); **природы** (закат, сумерки, туман, пар, дождь, Нева, зелень, прохлада, свежесть, ясный, прохладный, теплый, просторный, солнечный); **культуры** (переулок, улицы, город, проспект, линия, мост, площадь, сады, крепость, дворцы, простираться, расширяться); **элементы метаописания** (театр, сцена, декорация, роль, (иногда сюда же: тень, силуэт, призрак, двойник, зеркало, отражение), **способы выражения предельности** (крайний, необъяснимый, бесконечный, неизмеримый, необъяснимый,); **общие операторы и показатели модальности:** вдруг, внезапно, в это мгновенье, неожиданно...; странный, фантастический [5, с. 693-695].

Наряду с традиционным корпусом слов, который характерен Петербургскому тексту, автор наделяет петербургское пространство личными ассоциациями, выражая их с помощью образной лексики. Так в следующем отрывке переплетается традиционное описание Петербурга, которое можно встретить и у А.С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Белого,

с субъектно-авторскими образами: *«Нева сплавил в залив ладожский лед, снег стаял, и волгая земля дышала теплым паром, как прелый навоз. В сквере у Казанского, где насадили по осени молодые липы, заспанные деревца с гладкой корой и набухшими почками стояли, будто слаженные из светло-карего воска. Мощные тротуары Литейного походили на терракотовый паркет»* [1, с.185].

Традиционные слова, входящие в лексико-понятийный словарь Петербургского текста, присутствуют в описаниях петербургской погоды, в частности ветреность и духота, встречающиеся, например, у Ф. М. Достоевского обнаруживаются и у П. Крусанова.

Стилистический прием повторения слова «ветер» развивает прямое значение слова «ветер» до авторской метафоры, яркого олицетворения. В этом плане существенно замечание Ю.М.Лотмана: «Повторение одного слова в тексте, как правило, не означает механического повторения одного и того же понятия. Чаще оно свидетельствует о более сложном, но едином содержании. Скорее всего речь идет о другом, более сложном понятии, созданном данным словом, но усложненном совсем не количественно» [3, с. 79]. Данный прием служит средством создания эмоционального, экспрессивного образа.

К словам, описывающим реальное петербургское пространство, примыкают элементы метаописания, которые также характерны для Петербургского текста: *«Вслед за тем Надежда Мира на глазах всей свиты обратилась в тень, которая до сих пор с шелковым шелестом блуждает по Петербургу»*.

Особым авторским стилем отмечены фразы и выражения передающие идеологические, геополитические взгляды писателя. Иронией и образностью отличаются слова и словосочетания, отражающие авторское отношение к Америке, Европе, Кавказу и т.д.

В тексте не мало сочетаний слов с противоположным значением: *«немой разговор»*; *«и в тот же миг чудовищный ледяной обруч стянул и*

безжалостно обжег его мозг. Лютая стужа вспыхнула в глазах белым», «Капитану был знаком этот кипящий холод».

Текст «Укуса ангела» представляет собой сложную словесную ткань, насыщенную индивидуальными стилистическими приемами, целью которых является создание особой авторской реальности.

Таким образом, введение стилистического компонента в практику преподавания русского языка как иностранного является фактором, формирующим лингвокультурную компетенцию учащихся. На примере стилистического анализа романа «Укус ангела» показано, что язык художественной литературы обладает особой образностью, выразительностью, а также отражает особенности мировосприятия людей, проживающих на той или иной территории.

Список литературы

1. Крусанов П.В. *Укус ангела: Роман.* – СПб.: Азбука-Аттикус, 2013. – 288 с.
2. Лотман Ю. М. *О разграничении лингвистического и литературоведческого понятия структуры // Вопросы языкознания.* – 1963. – № 3. – С. 45.
3. Лотман Ю. М. *Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве.* – СПб., 1998. – С. 79.
4. Пахомова С. С. *Мифологизация художественного пространства в романе Павла Крусанова «Укус ангела» // Современная филология: Материалы международной научной конференции (г. Уфа, апрель 2011 г.).* – Уфа, 2011. – С. 111.
5. Топоров В. Н. *Петербургский текст.* – М.: Наука, 2009. – С. 693 – 695.

**ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА В СТРАНАХ АФРИКИ
(НА ПРИМЕРЕ ЭФИОПИИ, НИГЕРИИ, ТУНИСА)**

Т.Н. Шумилина, филиал Военной академии материально-технического обеспечения, г. Пенза, Россия

**RUSSIAN LANGUAGE STUDYING IN AFRICAN COUNTRIES
(ETHIOPIA, NIGERIA, TUNIS)**

T.N. Shumilina, branch of Military academy of logistics, Penza, Russia

Аннотация. Статья посвящена особенностям изучения русского языка в странах Африки.

Ключевые слова: экономическое и культурное сотрудничество, изучение русского языка, лингвострановедение, внеаудиторная работа.

Abstract. The article is stated to the peculiarities of Russian language in African countries.

Key words: cultural and economic cooperation, Russian language studying, linguistic and cultural studies, extracurriculum work.

E-mail: kolya.shumilin48@mail.ru

Российское высшее образование имеет хорошую репутацию за границей. Иностранные студенты в российских вузах учатся на русском языке, а с развивающимся экономическим сотрудничеством России со странами Африки всё большей популярностью пользуется русский язык у специалистов, работающих на совместных предприятиях. Русский язык изучается на курсах, в школе, в университете.

В Эфиопии русский язык изучается не только в столице Аддис-Абебе как центре культуры. Вот уже ряд лет преподавание русского языка в качестве факультативного курса осуществляется в 9-12 классах средней школы г. Авассы (провинция Сидамо), а также в семи других провинциях

страны организованы кружки. На курсах обучение осуществляется на основе комплексного метода с использованием коммуникативных упражнений и соблюдением обеспечения максимальной речевой активности. На изучение русского языка в средней школе учащимся отводится 40 минут в неделю (1 урок), не считая внеаудиторных занятий. В классах в среднем около 50 человек. С учетом этих условий и была составлена учебная программа. Курс обучения рассчитан на учеников, начинающих изучать русский язык под руководством преподавателя, которые впоследствии занимаются самостоятельно. Основная цель курса – научить понимать русские тексты по определенным темам и в дальнейшем читать специальную литературы на русском языке с помощью словаря, уметь объясняться в пределах изученных ситуаций. Внеаудиторная работа по русскому языку является эффективным средством расширения и углубления знаний, умений и навыков, приобретенных слушателями на занятиях. Разнообразные виды внеаудиторной работы стимулируют речевую активность слушателей, быстрее обогащают их лексический запас, способствуют развитию интереса к русскому языку, расширению страноведческих знаний [5, с. 123-124]. Эфиопия и Россия имеют одни духовные корни. Эфиопия приняла христианство ещё в IV веке и до сих пор остаётся единственной православной страной на континенте Африки [1, с 46-51].

В Нигерии русский язык изучается как в высших учебных заведениях, так и на специальных курсах (начиная с 1983г.) для инженеров и рабочих, работающих на крупном металлургическом комбинате в городе Аджакута. Специалисты из нашей страны помогают работе на том комбинате, а квалифицированные преподаватели из России обучают нигерийцев русскому языку [2, с.120-121]. В начале 60-х годов в Лагосе, столице Нигерии, впервые открылись курсы русского языка при культурной секции Посольства СССР. Программа курсов предусматривала лекции, беседы, вечера художественной самодеятельности, конференции, просмотры документальных фильмов. В 1987 году отделению русского языка

Ибаданского университета исполнилось двадцать лет. Но в других университетах Нигерии прекратили изучать русский язык, преподаватели переквалифицировались. Одна из причин – отсутствие у выпускников РУДН (г. Москва) опыта и организаторских способностей. Однако в университете в г. Лагосе преподавание русского языка возобновилось. Здесь была принята четырёхгодичная программа обучения студентов на русском отделении, включающая в себя годичную стажировку в Москве в Институте русского языка им. А.С. Пушкина. Русский язык изучался раньше в вузах Нигерии факультативно, его могли изучать не только студенты гуманитарных, но и естественных факультетов. Отсутствовали учебные пособия и учебники, учебная база – то, что сейчас имеется у отделений русского языка. Студенты, приходящие учиться, не всегда соответствовали требованиям, предъявленным преподавателями. В 1980 году руководство кафедры современных европейских языков и отделения русского языка, а также дирекция университета г. Ибадана приняли новую учебную программу. Институтом русского языка им. А.С. Пушкина в Москве и Ибаданский университет заключили договор о сотрудничестве. В соответствии с ним Институт русского языка был обязан помогать русскому отделению Университета г. Ибадан, направляя в командировку для работы в нём преподавателей из Москвы и принимая каждый год студентов на включённое обучение, снабжая процесс обучения учебниками и учебными пособиями. В настоящее время на отделение русского языка приходят абитуриенты, которые отличаются прекрасной успеваемостью в школах. Это даёт положительные результаты и значительно облегчает труд преподавателей. В ИРЯ им. А.С. Пушкина нигерийские студенты в течение десяти месяцев проходят стажировку: пишут курсовые работы по грамматике, страноведению, овладевают устной разговорной речью, ездят на экскурсии, которые проводит институт. Студенты русского отделения Ибаданского университета изучают русскую литературу, лингвострановедение, практическую стилистику, основы русского языка, его строй, фонетику.

Используются различные технические средства обучения, наглядные пособия. С целью совершенствования учебных курсов преподаватели расширяют научный кругозор, проводят научные работы, повышают свою квалификацию. Это необходимо для того, чтобы дать студентам как можно больше знаний. Преподавательский состав пополняется и собственными кадрами, например, выпускники университета приходят на отделение в качестве ассистентов. Кроме того, ассистенты готовятся поступать в аспирантуру Института русского языка им. А.С. Пушкина. Студенты старших курсов привлекаются к объяснению материала, иногда ведению занятий. Это способствует повышению интереса к профессии преподавателя русской словесности учебного процесса. Таким образом, Нигерия достигла значительных результатов в изучении русского языка как иностранного. Но имеются и трудности. Количество учебных мест в Ибаданском университете ограничено, что обусловлено тяжелым финансово-экономическим положением в стране, как следствие, в самом вузе учебные аудитории переполнены. Выпускнику-русисту сложнее найти работу по специальности: русский язык почти не изучается в средних учебных заведениях страны, чего не скажешь, к примеру, о французском. Тем не менее идёт обсуждение вопроса об изучении русского языка в некоторых нигерийских средних школах [2, с.120-121].

Тунис – североафриканское независимое государство. Со времени обретения национальной независимости (1956г.) страна встала перед задачей развития самостоятельной экономики и в первую очередь столкнулась с проблемой создания национальных кадров для различных отраслей народного хозяйства. С этой целью Тунис развивает экономическое и культурное сотрудничество со многими странами, в том числе с Россией. В связи с расширением экономических и культурных связей между двумя странами появилась необходимость в изучении русского языка. В настоящее время русский язык факультативно изучают студенты Университета и Политехнического института. В качестве одного из основных русский язык

изучается в Институте живых языков им. Х. Бургибы [3, с.121-123]. Параллельно с изучением русского языка студенты проходят и курс «Страноведение». Несмотря на то что преподавание русского языка в Тунисе введено недавно, администрация, продолжая традиции своего учебного заведения, сочла необходимым осуществлять совместно с изучением русского языка и изучение курса страноведения. Впервые лекции по страноведению в Институте живых языков им. Х. Бургибы были прочитаны в феврале – июне 1982 г. студентам третьего и четвертого (выпускного) курсов. Анализ вопросов, заданных студентами на занятиях, а также тем, избранных для написания докладов, свидетельствует об их большом интересе к истории нашей страны, и это вполне понятно, так как для восприятия страноведческого материала нужна глубокая историческая основа. С сентября 1982 г. руководство Института живых языков им. Х.Бургибы ввело для студентов русского отделения двухгодичный курс страноведения начиная с третьего года обучения. Задача курса – удовлетворить естественный интерес студентов к стране изучаемого языка, систематизировать уже имеющиеся у них знания, познакомить их с наиболее типичными явлениями, процессами и тенденциями экономической, общественной и культурной жизни народов страны изучаемого языка. Изучение русского языка в странах Африки способствуют укреплению дружбы народов, сотрудничества. Именно при изучении языка как средства социокультурной трансляции закладываются взаимный диалог, интерес к стране изучаемого языка и желание сотрудничать.

Список литературы

1. *Макеев А. Остров чёрного Православия //Русский мир. 2009. № 4 С. 46 – 51.*
2. *Одунуга Ш. Коваль Я. Русский язык в Нигерии. // Русский язык за рубежом. 1988. № 6. С. 120 – 121.*
3. *Маршалова А.Е. Преподавание страноведения в Тунисской Республике //Русский язык за рубежом. 1984. № 1 С. 121 – 123.*

4. Трушин А. Прямая передача //Русский мир. 2009. № 4. С. 40 – 45.
5. Туранский И. И. Особенности преподавания русского языка в эфиопской школе // Русский язык за рубежом. 1984. № 1. С. 123 – 124.

УДК 880-3

ОСНОВЫ МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

*Т. Н. Шумилина, филиал Военной академии материально-технического
обеспечения (г. Пенза), Россия*

METHODS OF RUSSIAN LANGUAGE TEACHING AS A FOREIGN ONE

T.N. Shumilina, branch of Military academy of logistics (Penza city), Russia.

Аннотация. В статье анализируется понятие методики как науки и как технологии профессиональной практической деятельности преподавателя. Основное внимание автора статьи направлено на цели, задачи и содержание изучения русского языка как иностранного, а также на организацию учебного процесса, приёмы и средства обучения.

Ключевые слова: методика, методика как наука, методика как практическая деятельность преподавателя, специфика преподаваемого предмета, обучение коммуникации на русском языке.

Abstract. Notions of methodic as a science and technology in professional practical teacher`s work are analyzed in the article. The author pays attention to the aims, tasks, methods and means of teaching.

Key words: Methods, methods as a science, methods as a practical activity of teacher, specific of teaching subject, teaching of communication in Russian language.

E-mail: kolya.shumilin48@mail.ru

Методика как наука появилась ещё в глубокой древности, во II в. н.э., но методика преподавания иностранных языков как наука получила развитие

только в XIX веке. В это же время подробно изучались другие области знаний: педагогика, языкознание, психология.

Слово «методика» (от греческого *methodike* – путь, способ) в настоящее время используется в нескольких значениях.

Во-первых, оно обозначает технологию профессиональной деятельности преподавателя, совокупность используемых им приёмов, способов и форм работы по управлению учебным процессом. В этом смысле под словом «методика» мыслится накопленный преподавателем опыт, а также степень его мастерства, педагогического искусства.

Во-вторых, «методика» – это наука о преподавании какого-либо учебного предмета – истории, физики, иностранного языка, родного языка и др. Методика – педагогическая наука, но в отличие от педагогики, она занимается исследованием процессов обучения и воспитания не вообще, а применительно к конкретному учебному предмету, в данном случае – к русскому языку как иностранному.

В-третьих, «методика» – это учебная дисциплина в вузе, теоретический курс, излагающий основы науки о преподавании какого-либо учебного предмета, в частности, русского языка как иностранного [1, 6].

Чтобы учебный процесс был эффективным, как преподаватель, так и обучаемые должны чётко осознавать цели обучения, которые определяются коммуникативными потребностями учащихся. Обучать языку можно школьников и студентов, профессионалов или любителей, филологов и специалистов в области, не имеющей отношения к лингвистике. Итак, цели методики преподавания русского языка как иностранного – коммуникативные, образовательные, воспитательные [2]. Основное место в этой цепочке занимают коммуникативные цели, а именно – формирование коммуникативной компетенции. Участник процесса должен решать различные коммуникативные задачи в актуальных для него ситуациях и сферах науки и деятельности. Коммуникативная и речевая компетентность взаимосвязаны. Учащемуся необходимо умение

воспринимать тексты на иностранном языке в процессе обучения и производить собственные иноязычные тексты. При коммуникативной направленности обучения необходимо учитывать то, что различные единицы языка функционируют взаимосвязано, поэтому обучение иностранцев русскому языку организуется в комплексе, на основе грамматики, фонетики, лексики. В организации обучения выделяется фонетический аспект, который называют вводно-фонетическим курсом. Вводно-фонетический курс можно назвать аспектно-комплексным, так как материал для него – не только звуки и слоги, но и слова и словосочетания, а также простые и сложные предложения. Слова и словосочетания необходимы для работы над ударением и ритмикой слова, простые и сложные предложения – для работы над интонацией. Учебный материал в учебнике русского языка как иностранного организован комплексно. Основа речевой компетенции – владение, именно не знание, а владение фонетическими, лексическими, грамматическими средствами иностранного языка, практическое владение языком. Для этого учащемуся необходимо усвоить определённый объём языкового материала. Определением его состава занимается теоретическая лингвистика – описание всех языковых единиц и представлению их в словарях, грамматиках и других изданиях [4].

Научная основа методики преподавания иностранных языков – данные языкознания, которые изучают языковую структуру и систему. Сравнительно-сопоставительная лингвистика опирается на данные о системах изучаемого и родного языка, определяет сложности овладения иностранным языком. Методика берёт языковой материал в литературе по языкознанию, что научно обосновано, а также анализирует и интерпретирует данные с позиций лингводидактики.

Термин «лингводидактика» был введён в научно-методический обиход Н.М. Шанским (1969) для обозначения пограничной области знания, в которой язык рассматривается не только как феномен, но и как

предмет усвоения и преподавания [5]. Лингводидактическое описание языка, в отличие от собственно лингвистического, строится на сочетании лингвистической системности и методической целесообразности. Лингводидактика определяет содержание и объем языкового материала, нужного для решения задач на определённом этапе обучения: оценивать языковой материал с точки зрения лёгкости и трудности его усвоения, а также его простоты и сложности; указывает и предупреждает трудности освоения конкретных языковых явлений, рекомендует использовать приёмы обучения, которые учитывают, в первую очередь, особенность того или иного явления языка; диктует последовательность изучения – от простого к сложному.

Чтобы описать язык с точки зрения лингводидактики, необходимо учитывать особенности языка обучаемых, использовать сходство явлений языков, предупреждать отрицательное влияние в случае их различий. В содержании обучения иностранному языку можно выделить языковые и речевые аспекты. Языковые аспекты имеют отношение с основными уровнями системы языка – фонетическим, лексическим, грамматическим. При «поаспектном» преподавании различные разделы языка – фонетика, грамматика, лексика отрабатываются по отдельности, то есть каждое занятие посвящено определённому языковому явлению. В процессе таких уроков происходит выход в речевую практику, что возможно лишь при использовании языковых средств других уровней. Но аспекты обучения выделяются не для обучаемого, а для преподавателя, чтобы тот знал и помнил о фонетическом строе языка, фонемный состав, систему ударения и ритмическую организацию русских слов, процессы фонетики в потоке речи, типы интонации. Преподаватель должен иметь представление о лексической системе русского языка, её составе, об особенностях функционирования слов и словосочетаний в соответствии со стилевой окраской, задание видеть и исправлять ошибки учеников в словоупотреблении, методически грамотно строить работу над лексикой.

Преподавателю необходимы знания по теории грамматики русского языка, особенностях морфологии и синтаксиса.

Основа предметной компетенции – огромные знания языка по аспектам. С помощью таких знаний преподаватель правильно работает над каждым языковым явлением – звуком, фонемой, словом, грамматической формой или синтаксической конструкцией.

Образовательные цели – осознание учащимися различных способов выражения мысли, которые есть в языках: знание истории и географии страны изучаемого языка; в использование изучаемого языка для развития общей культуры обучаемых. Воспитательные цели заключаются в уважительном отношении к представителям другой нации, культуры, менталитета, в формировании личности учащегося, умении работать со словарём, учебником, книгой. Все эти цели взаимосвязаны [2].

В процессе обучения преподаватель и обучаемый действуют совместно. С помощью различных конкретных действий преподаватель организует учебные действия учащихся; стимулирует, направляет их и контролирует. Методика изучает, оценивает, проверяет, насколько целесообразны и эффективны приёмы, способы и средства обучения, применяемые преподавателем [5]. Приёмы обучения – действия преподавателя, которые организуют работу учащихся на занятии, к средствам обучения относятся учебники, программы, учебные фильмы. Методика тесно связана с лингвистикой, она описывает языковые особенности различными делами русского языкознания; с психологией – в процессе усвоения учеником языка; и, наконец, – методика находит обоснование, изучая деятельность преподавателя. Основными задачами методики являются выработка методических рекомендаций, научно обоснованных, направленных на совершенствование учебного процесса, раскрытие, изучение, формирование закономерностей процесса преподавания русского языка как иностранного. Под содержанием общения понимается его объём и состав, которые диктуются целями

обучения и конкретными условиями учебного процесса. Главный компонент содержания обучения – формирование, развитие и совершенствование речевых действий, умений в чтении, говорении, письме, аудировании, так как общение осуществляется в виде речевых действий как устно, так и письменно. Ещё один важный компонент – формирование языковых навыков на языковом и речевом материале, отбор тематического, текстового и ситуативного материала [4].

Развивающие цели состоят из умения формировать у учащихся мыслительные операции – анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, обобщение, классификацию, систематизацию. Иными словами, развивать у учащегося логическое мышление. Всё это осуществляется в процессе овладения знаниями о русском языке. Необходимо формировать чувство языка и чувства речевого слуха. Чувство языка (языковое чутьё) – неосознанное владение нормами языка, речевой слух – различение в речевом потоке отдельных звуков речи, что обеспечивает понимание значения слов. Чувство языка развивается на основе всех разделов языкознания, в том числе при выполнении упражнений, на основе слушания образцовой речи и чтения художественной литературы, учебников. Речевой слухосоставной элемент языкового чутья, развивается в процессе восприятия речи и говорения в ходе фонетического анализа.

Методика преподавания русского языка является частью общей методики преподавания иностранных языков и рассматривает ряд вопросов, общих для всех методик – цели обучения, содержание обучения, приёмы, средства обучения, организация учебного процесса. Но главное отличие методики преподавания русского языка как иностранного состоит в том, что она решает вопросы специфики преподаваемого языка как системы, выделяет особенности звукового состава, лексического запаса, грамматического строя.

Объект методики как науки – учебный процесс и его составляющие: русский язык как предмет усвоения учащимися знаний и как предмет преподавания; деятельность преподавателя в организации учебного процесса и деятельность обучаемого по усвоению языка и владению речью на русском языке. Всё это тесно связано между собой.

Список литературы

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. *Словарь методических терминов.* – СПб, 1999.
2. Груздева Н.Г. *Образовательные и воспитательные цели// Практическая методика преподавания русского языка на начальном этапе/Н.С. Власова, Н.Н. Алексеева, Н.Р. Барабанова и др. – М.: Рус.яз., 1990. – 230 с.*
3. Митрофанова О.Д. *Тенденция развития методики обучения русскому языку как иностранному // Практическая методика преподавания русского языка на начальном этапе/Н.С. Власова, Н.Н. Алексеева, Н.Р. Барабанова и др. – М.: Рус.яз., 1990. – 230 с.*
4. Рогова Г.В. *Цели и задачи обучения иностранным языкам/Общая методика обучения иностранным языкам. Хрестоматия. Сост. Леонтьев А.А. – М.; 1991.*
5. Шанский Н.М. *Русское языкознание и лингводидактика.* – М.; Наука, 1969 г. С. 12 – 15.
6. Щукин А.Н. *Методика преподавания русского языка как иностранного.* – М., 2003.

**ОСОБЕННОСТИ УРОКА РУССКОГО ЯЗЫКА КАК
ИНОСТРАННОГО**

*А.П. Шумилина, филиал Военной академии материально-технического
обеспечения (г. Пенза), Россия*

PECULIARITIES OF THE RUSSIAN LANGUAGE LESSON AS FOREIGN

A.P. Shumilina, branch of Military academy of logistics (Penza city), Russia.

Аннотация. В статье раскрываются особенности урока русского языка как иностранного как коммуникативной единицы в выработке речевых навыков и умений.

Ключевые слова: урок как единица учебного процесса, коммуникативный характер урока, воспитательные и образовательные цели, лингвострановедческий аспект.

Abstract. Peculiarities of the Russian language lesson as foreign as a communicative unit in the development of speech skills and abilities are considered in the article.

Key words: a lesson as a unit of educational process, communicative character of a lesson, educational purposes, aspect of linguistic and cultural studies.

E-mail: kolya.shumilin48@mail.ru

Для постановки целей и задач урока русского языка как иностранного большую роль играют содержание, отбор и распределение фактографического материала, выбор основной единицы обучения и усвоения; выбор форм презентации, тренировки и контроля. В анализе структуры урока русского языка как иностранного мы будем исходить из «многофакторной признаковой модели» А.Р. Арутюнова и Л.Б. Трушиной [1, с.35]. В ней заложены основные характеристики урока в соответствии с требованиями современного этапа развития методики и уровня преподавания. В основе модели лежит представление об оптимальном уроке, который был выработан исходя из коммуникативного характера урока, главной целью которого является формирование и развитие навыков продуктивных видов речевой деятельности – говорения и письма.

Цели и задачи урока русского языка, соответствующие коммуникативным и познавательным потребностям иностранного студента, представляют собой значительный мотивационный стимул обучения. Урок русского языка, целеориентированный на усвоение системы языка и овладение коммуникативной компетенцией, представляет собой самостоятельное сложное учебное действие, соответствующее основным стадиям деятельности усвоения. Основными стадиями любой деятельности, в том числе учебно-познавательной, являются установочная, ориентировочная, исполнительская, контрольная [3]. Общая цель урока (в единстве практического, общеобразовательного и воспитательного аспектов), направленная на формирование того или иного коммуникативного умения, определяется в конкретных качественных и количественных показателях и достигается путём решения комплекса задач учебной деятельности, характерных для каждого этапа урока.

Установочный этап задаёт проблематику всего урока и тактику усвоения учебного материала, создаёт общую предрасположенность иностранца к реализации деятельности, планируемой преподавателем. Традиционно он включает приветствие, информацию об отсутствующих, сообщение преподавателем темы и целей занятия. Порождение высказывания преподавателя должно основываться на мотивационно-побудительном стремлении активизировать работу обучаемого иностранца. От эмоционального настроения данного этапа зависит оптимизация деятельности обучаемых.

Контроль домашнего задания представляет собой не только проверку, коррекцию и оценку результата деятельности обучаемого, но и контактные и этикетные диалоги разных типов, включающие иностранца в систему отношений с представителем иной социолингвокультурной группы. Контроль осуществляется через эффективную систему контроля, которая включает в себя тесты задания.

Этап введения нового материала представляет собой предъявление учебной информации. Форма постановки задач зависит от специфики предъявляемого материала. При презентации нового преподаватель должен не только назвать и объяснить новую тему, но и показать, при реализации какой интенции может быть использован данный грамматический материал. Представляется целесообразным вводить грамматический материал после введения текста. Введение текста начинается с беседы, в процессе которой снимаются лексические трудности и даётся представление о содержательной стороне текста. Грамматический материал соответствует когнитивному плану.

При обучении коммуникации исходным моментом всех методических и дидактических построений по принципу активной коммуникативности является интерес и потребности обучаемых. При обучении общению в межкультурной коммуникации анализируются потребности, мотивы, цели общения, выделяются сферы общения и отбирается языковой материал, обслуживающий эту сферу.

В понимании введённого материала большую роль играет лингвострановедческий комментарий: обучаемый иностранец должен хорошо представлять, в какой реальной ситуации могут быть использованы полученные фоновые знания. Интенции, при которых формируются языковые задачи, соотносятся с ситуативными и микротемными высказываниями. Таким образом, при ознакомлении обучаемых с новыми для них факторами языка и речи, их значением и употреблением в качестве объяснения могут выступать страноведческий комментарий, указания, представленные в речевых образцах, приводящих обучаемых к собственным выводам на основе их действий с языковым материалом.

Следующий этап связан с воспроизведением обучаемыми усвоенного материала и использованием его в упражнениях различного рода. Отработка языкового материала проходит во всех интернациональных оформлениях. Этот этап можно отнести к контролю правильности понимания: происходит

первичный контроль воспринятого нового материала, когда преподаватель получает возможность убедиться в том, что исходная информация воспринята. Методический смысл этого этапа - коммуникативная тренировка. Коммуникативные задания предполагают развитие коммуникативной компетенции в условно созданных учебных ситуациях общения. Умение общаться в варьируемых ситуациях общения свидетельствует о выработке автоматизмов в переносе навыков и умений коммуникации на реальные сферы общения.

Конец урока обычно включает подведение итогов, поощрение обучаемых, задание на дом и инструкцию относительно форм и последовательности его выполнения. Методический смысл этого этапа состоит в обобщении и оценке результатов, в поддержании мотивации обучения, контакта с группой.

Функция урока состоит в достижении частичной, но завершённой цели обучения. Реализация этой функции производится на предкоммуникативном этапе обучаемыми иностранцами, когда преподаватель только ещё готовится к уроку. Наряду с планированием содержания урока преподаватель, таким образом, планирует речевую деятельность своего взаимодействия с группой. Это составляет определённую трудность, так как преподавателю в своей речи следует опираться на уже знакомые и, значит, понятные обучаемым грамматические конструкции и языковой материал. Но ведение занятий на русском языке в иностранной группе не позволяет дословно спрогнозировать речь преподавателя, поэтому выход в спонтанную речь неизбежен, что должно носить характер коммуникативного лидерства и служить дидактическим целям.

Таким образом, педагогическое коммуникативное взаимодействие и организация урока должны соотноситься друг с другом как содержание и форма.

Список литературы

1. Арутюнов А.Р., Трушина Л.Б. Учебник русского языка для иностранцев: основные требования и характеристики /Современное

состояние и основные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы. – М.: Изд-во «Русский язык», 1981.

2. Зимняя И.А., Леонтьев А.А. Психологические особенности начального овладения иностранным языком / Под ред. А.А. Миролубова, Э.Ю. Сосенко // Вопросы обучения русскому языку иностранцев на начальном этапе: сб. статей. – М., 1971.

3. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение высказывания. – М., 1969.

УДК 880-3

**РОЛЬ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ
КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАНЦЕВ
(К ВОПРОСУ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК
ИНОСТРАННОГО)**

А.П. Шумилина, филиал Военной академии материально-технического обеспечения (г. Пенза).

**ROLE OF LINGUISTIC AND CULTURAL STUDIES
IN FORMATION OF COMMUNICATIVE COMPETENCE OF
FOREIGNERS (TO THE QUESTION OF TEACHING THE RUSSIAN
LANGUAGE AS FOREIGN)**

A.P. Shumilina, branch of Military academy of logistics (Penza city), Russia

Аннотация. В данной статье раскрывается роль лингвострановедения в формировании коммуникативной компетенции иностранцев, изучающих русский язык. Рассматривается принцип отбора и организации учебного материала лингвострановедческой аспектизации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, страноведение, лингвострановедение, диалог культур, языковая личность, стереотип поведения,

коммуникативная компетенция, аудиторная и внеаудиторная работа, художественная литература.

Abstract. Role of linguistic and cultural studies in formation of communicative competence of the foreigners learning the Russian language is considered in this article. The principle of selection and organization of training material of linguistic and cultural studies aspect mining is considered in it.

Keywords: cross-cultural communication, country studies, linguistic and cultural studies, dialogue of cultures, language personality, behavior stereotype, communicative competence, audience and out-of-class work, fiction.

E-mail: kolya.shumilin48@mail.ru

Формирование языковой личности в контексте образовательного потенциала русского языка как иностранного связано с лингвострановедческим аспектом преподавания. «Уже аксиоматичным стало положение о том, что иностранный язык нельзя изучать в отрыве от культуры страны изучаемого языка и вне культуры родного языка учащегося, так как в обучении происходит явное и управляемое или неявное сопоставление двух социумов – диалог двух культур. Содержанием вербальных коммуникаций поэтому являются темы и ситуации, ориентированные на страну изучаемого и родного языков, а также на область межнационального общения» [1, с 35].

В настоящее время страноведение выходит на другие науки: историю, географию, социологию, этнографию, литературоведение. Вопросы культуры и цивилизации традиционно соседствуют, страноведческий материал привлекает обучающихся: мобилизуется самостоятельная умственная деятельность, развивается их личный опыт, а выводы приобретают самостоятельный характер. Страноведческие знания будут с большим интересом усваиваться, если они отвечают потребностям обучающихся в области коммуникации на изучаемом языке. Страноведческие знания должны соответствовать задачам, которые предстоит решить обучающимся в

будущем посредством выполнения ими социальных ролей: «...языковая личность... выражается в чертах характера и стереотипах поведения» [2].

Иностранные обучаемые, находясь в состоянии ментального диссонанса, с трудом адаптируются в новой для них социалингувокультурной среде из-за несоответствия их социально-культурных норм иной этносоциалингувокультурной общности. Включение в уроки страноведческих материалов приводит к повышенной мотивации и желанию познакомиться со страной и, следовательно, основательнее подойти к изучению языка. Знание страноведческих реалий способствует развитию коммуникативной компетенции, и о предмете страноведения в курсе иностранного языка следует говорить как о предмете лингвострановедения, который представляет собой один из аспектов методики преподавания иностранных языков. При обучении языку при отборе материала очень важен учёт его реальной употребительности в современном русском языке, иначе обучаемые без необходимости будут сосредоточены на явлениях, не соответствующих их коммуникативным и познавательным потребностям, а иногда и даже порождающим неудачно оформленные в языковом отношении высказывания. Одним из определяющих принципов отбора материала для практического курса русского языка является учёт его специфики сравнительно с другими языками.

Русская культура, оформляемая русским языком, во многом не совпадает с культурой народа или страны обучаемого, и этим вызвана необходимость лингвострановедческого подхода к преподаванию русского языка. Различаются следующие лингвострановедческие понятия:

- 1) языковые единицы, не имеющие соответствий в языке обучаемого;
- 2) языковые единицы, имеющие лишь приблизительные соответствия в родном языке обучаемого;
- 3) лексика с национально-культурным компонентом семантики: наименования повседневных понятий (варежки, квас, тулуп), историзмы (ополченец, боярин);

4) денотаты стандартных и стандартизованных ситуаций, традиции речевого и неречевого поведения в этих ситуациях.

Этот анализ позволяет установить место информации о культуре страны в прямых и опосредованных контактах обучающихся иностранцев с носителями языка в учебно-профессиональной, социально-культурной, общественно-политической, социально-бытовой сферах общения. Социальное взаимодействие иностранцев в новой для них культурной среде предшествует речевому, и преподавателю следует обратить внимание обучающихся на социальные аспекты общения, познакомить их со средствами и способами его осуществления исходя из выбора и реализации «программ речевого поведения в зависимости от способностей человека ориентироваться в обстановке при общении, умения классифицировать ситуации в зависимости от темы, задач, коммуникативных установок, возникающих у участников до беседы» [2]. Именно на начальном этапе обучения русскому языку происходит постижение студентами живой иноязычной действительности, преодоление психологического барьера в развитии устойчивых навыков говорения. Регулируемое преподавателем включение иностранцев в русскую среду, формы и методы максимального использования возможностей этой среды, создание ситуаций общения помогают иностранцам в личностном развитии их как языковой личности.

К особенно эффективным следует отнести внеаудиторные коллективные формы, в которых участвуют не только студенты-иностранцы, но и студенты – наши соотечественники. Всевозможные вечера, встречи с деятелями культуры, искусства, посещение музеев, выставок, экскурсии по историческим местам страны изучаемого языка помогают быстрее осознать русское коммуникативное поведение. Комплексное развитие коммуникативной и страноведческой компетенций иностранных обучающихся способствует адаптации в иной этносоциокультурной общности. Опираясь на кумулятивную функцию языка, иностранцы постигают явления, в которых проявляются коллективная память носителей языка, образ жизни народа.

Особенно ярко эта функция языка прослеживается в афористике, лексике, фразеологии. Таким образом, в самом языковом материале отражается национальная специфика носителя языка. Богатым источником страноведческой информации является художественная литература. Страноведческая информация в художественных произведениях развивает чувство языка через социальные ситуации и социальные роли типических характеров персонажей, героев. При этом художественный текст является посредником в выражении духовной сущности культуры народа.

Посредством художественных произведений происходит знакомство обучающихся с национальной культурой народа, язык которого они изучают, с современной действительностью, с образом жизни нации, с этическими нормами национального коллектива. Страноведческая информация в художественных произведениях реализуется через типические обстоятельства, типические характеры, воплощенные в художественных образах, что придает ей особую достоверность. Приведем пример работы на уроке русского языка над рассказом А. Толстого «Русский характер». Это литературное произведение стимулирует мыслительную деятельность обучающихся иностранцев, ведет их к познанию истории нашей страны (события Великой Отечественной войны), менталитета нашего народа, духовной нравственности героев рассказа как типических характеров, воплощенных в художественных образах. Использование художественных произведений преподавателем на занятиях внеаудиторного чтения предполагает активную самостоятельную работу обучаемых иностранцев: работа с теоретической и справочной литературой также способствует пополнению лингвострановедческих знаний и развитию навыков коммуникативной компетенции.

Таким образом, формированию лингвострановедческой компетенции способствуют профессионально-ориентированная аудиторная работа, а также система внеаудиторных мероприятий. Отбор и организация учебного материала в аспекте лингвострановедения осуществляется на основе учёта

целей обучения, анализа социальных ролей обучаемых в период жизни и обучения в России, их коммуникативных потребностей в речевых сферах общения, задач воспитательной работы.

Список литературы

1. Арутюнов А.Р., Трушина А.Б. Учебник русского языка для иностранцев: основные требования и характеристики/ Современное состояние и основные проблемы изучения преподавания русского языка и литературы. – Изд-во «Русский язык». Москва. 1982. – С. 30 – 40.

2. Храпченко М.Б. О научных основах преподавания русского языка и литературы // Русский язык за рубежом 1973. № 4.

Секция 3. Русская литература в контексте мировой культуры

УДК 83.3

НАПОЛЕОНОВСКИЙ КОМПЛЕКС В «ПИКОВОЙ ДАМЕ» А.С. ПУШКИНА КАК АРХЕТИПИЧЕСКИЙ КОД

И.В. Артамонова, Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, г. Москва, Россия

NAPOLEONIC COMPLEX IN A.S. PUSHKIN'S «THE QUEEN OF SPADES» AS THE ARCHETYPIC CODE

I.V. Artamonova, Institute of international law and economy of name A.S. Griboedova, Moscow, Russia

Аннотация: В статье рассматривается образ Германна, одной из психологических черт которого является ярко выраженный «наполеоновский» комплекс. На примере пушкинского текста показан механизм трансформации образа исторической личности,

окруженной мифами, в идейно-мировоззренческую систему, приобретающую в дальнейшем статус архетипической.

Ключевые слова: бонапартизм, наполеоновский комплекс, историко-литературный миф, двойничество.

Abstract: The article analyses the Germann's image one of psychological lines of which is the strongly marked "napoleonic" complex. By the example of the Pushkin text the author shows the mechanism of transformation of an image of the historical figure surrounded with myths in the ideological and world outlook system which has acquired further the status of the archetype.

Key words: bonapartism, napoleonic complex, historical and literary myth, duplicity.

E-mail: littleby@mail.ru

Вопрос «Наполеон и Германн» рассматривался в исследованиях Б.В. Томашевского [22], В.В. Виноградова [2], Ю.М. Лотмана [13], Д.С. Дарского [5], О.С. Муравьевой [17], М.Н. Виролайнен [3], М. Яворника [27]. Однако при очевидных авторских отсылках («профиль Наполеона, а душа Мефистофеля» [18, с. 203]) эта проблема не конкретизируется, а лишь упоминается общо как основополагающая характеристика главного героя.

Как отмечает О.С. Муравьева, корреляция Германна и Наполеона лежит в сфере развития взаимозависимой системы «судьба» – «случай», где одно немислимо без другого [17, с. 30]. Его настойчивость при решении проблем личного характера напоминает болезненную амбициозность французского императора. Здесь А.С. Пушкин невероятно близок со Стендалем в характеристике своего героя, имеющего «непоколебимую решимость вытерпеть, если понадобится, любую пытку, лишь бы пробить себе дорогу!» [20, с. 27].

Ф. Раскольников указывает на «наполеоновский мотив» «Пиковой дамы» с дискуссионной позиции относительно советского литературоведческого вектора (Г.К. Гуковский): социально-психологический аспект выделяется в данном случае индивидуализмом и аморальностью, тогда как философская составляющая данного вопроса не берется во

внимание. Для А.С. Пушкина, по мнению исследователя, введение Наполеона в пространство текста необходимо для того, чтобы показать не только характеристику Германна, но и раскрыть его «наполеоновскую» судьбу в миниатюре – со своим Аустерлицем, Йеной, Бородино и Святой Еленой [19, с. 258].

В этом же ключе В.В. Виноградов рассматривает сюжет «Пиковой дамы» и мотив карточной игры как философию жизни и особый тип мировоззрения, приводя примеры из мировой и русской литературы [2, с. 99–101]. Примерами для сравнения служат роман Стендаля «Красное и Черное» (1830), а также произведение кн. А.А. Шаховского «Хризомания или страсть к деньгам», являющееся сценической версией повести А.С.Пушкина и имевшее, в отличие от «аутентичных» текстов большой успех у публики [8]). Так, стэндалевский герой, Ж. Сорель, восхищавшийся Наполеоном и имевший желание следовать его путем, проигрывает все ставки (само название «Красное и черное» имеет картежные или рулеточные корни, обозначая, таким образом, художественную действительность в пространстве карточной игры).

Мотив игры, смысловая нагрузка которого переходит в поле философских и социальных вопросов, является символом, неоднократно повторяющимся в сюжете о человеке, подверженном наполеонизму, и основой построения литературной перспективы. Знакомство А.С. Пушкина с текстом Стендаля становится очевидным из его письма к Е.М. Хитрово, датированное маем 1831г., где он выражает восхищение этим произведением [2, с. 101]. Автор также подчеркивает мефистофелевские мотивы в речи героев пьесы А.А. Шаховского о могуществе денег, проводя аналогию с путем Цезаря и Наполеона к власти. В монологе Ирмуса этот мотив является основополагающим: «Деньги самый сильный талисман: <...> они побеждают болезни, гонения, надменность, чванство, предрассудки, клевету, ложь, самую истину !!! и даже время» [24, с. 218-219].

Также ряд исследователей отмечает сходные творческие мотивы у Э.Т.Гофмана и А.С. Пушкина: оживление карты, сон и предчувствие, двойничество и безумие [1; 4; 10; 15; 27].

Однако А.С. Пушкин не характеризует Германна напрямую, он пропускает образ главного героя через восприятие других лиц, обозначая его внешность через «властителя дум и титанического искусителя всех романтиков» [5, с. 313]. Вместе с тем сходство с французским императором можно заметить гораздо раньше в авторской характеристике главного героя: будучи наследником маленького капитала, а, следовательно, вынужденным жить очень экономно, «сын обрусевшего немца» был обладателем скрытной и вместе с тем страстной и огненной природы. В силу своего материального положения, он был вынужден ограничивать свои желания, жажду игры, не позволяя себе «жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее». Германн находится в неоднозначном положении – являясь офицером и дворянином, тем не менее, он не может принадлежать к аристократии по моральным и социальным причинам.

Наполеон, будучи сыном небогатого адвоката, после его смерти, в 16 лет, вынужден был взять на себя заботу обо всей многочисленной семье. Скромное жалованье молодого офицера практически целиком отправлялось родным, он довольствовался только скромным пропитанием, «не позволяя себе ни малейших развлечений» [21, с. 13]. Германн провозглашает: «расчет, умеренность и трудолюбие: вот мои три верные карты» [18, с. 196]. Наполеон ироничен в оценке своего гения, тогда как о своих умственных способностях он говорит особенно серьезно: «Я работаю всегда, работаю во время обеда работаю, когда я в театре; я просыпаюсь ночью, чтобы работать» [21, с. 14]. Работоспособность им ценилась больше остальных дарований, обладателем которых он являлся. Недаром его личной эмблемой стала именно пчела – исключительно позитивный символ, олицетворяющий высокие моральные качества – трудолюбие [11] и усердие, покорность и

умеренность, мудрость, физическую и духовную чистоту, а также храбрость, достоинство и самоотверженность.

Ю.М. Лотман указывает на важную пушкинскую деталь: рассудок Германна остается холодным даже в кульминационных пиках фантазий и страстей – первый выигрыш, констатирующий существование тайны трех карт, а также существование inferнальных явлений в его жизни, не лишает его рассудка. Это качество необходимо для интеллектуальной борьбы с миром, и он, будучи двойственной натурой (русский немец «с холодным умом и пламенным воображением»), поглощен идеей «быстрых» денег, что переносит его в пространство «случая» [13, с. 405]. Примечательно, что о французском императоре историк В.А. Золотарев сообщает следующее: «Наполеон обладал редким сочетанием холодного рассудка и мощной силы воображения» [6].

М. Яворник отмечает фатальный характер подобного сходства: Наполеон, как реально существовавшая, легендарная фигура ставится рядом с обычным человеком, Германном; вместе с тем, историческая личность противопоставлена метафизическому образу зла (Мефистофель) [27, с. 107]. Также отметим, что идентификация Германн - Мефистофель находится в пространстве архетипа Тени (по К.Г. Юнгу), представляющую темную, агрессивную сторону личности и одновременно источник жизненной силы [25].

Исследуя фаустианские мотивы в творчестве Пушкина (на примере сходных мотивов «Пиковой дамы» и «Выстрела»), Н. Леклерк утверждает, что этот мотив лежит на поверхности, но его присутствие имеет комплексную структуру. Однако аналогия проводится не относительно Германна и Фауста, а Германна-Мефистофеля. Однако на первый взгляд кажется, что Германн играет скорее роль Фауста, заключающего при помощи графини-призрака договор с дьявольскими силами: он получает тайну карт, то есть всемогущество, но с условием женитьбы на Лизе во имя своего спасения. Посредственный маленький инженер делается хозяином всех

возможностей *<пер. с франц. наш – И.А.>* [30]. Противоречивость триединства Германн-Наполеон-Мефистофель является предвестником катастрофы в силу невозможности сосуществования двух неподвижных идей, как невозможности одного местонахождения двух разных тел [27, с. 107].

Однако если рассматривать данные перипетии с точки зрения пушкинского реализма, то исключается возможность договора или участия призрака в проигрыше. Допустим, что Германн заключил сделку с призраком, тогда появление пиковой дамы может означать, что графиня окончательно разрывает контракт и в силу демонического заблуждения мстит Германну. Если предположить, что Германн ввязывается в пари при содействии сил зла, появление пиковой дамы будет обозначать проигрыш. Повесть А.С. Пушкина является одновременно простой и оригинальной иллюстрацией диалектики игры. Благодаря этой возможности выиграть одним махом, он полагал стать хозяином случая и тем самым бросить вызов условиям человеческого существования [30], что можно считать крайним проявлением наполеонизма.

Можно тем не менее утверждать, что Германн справился с вызовом успешно. Какова тогда была бы эта высшая власть, которую он мог бы получить? Выгода неосязаема, неуловима: здесь речь идет о мгновении. Союз с тайными силами позволит ему осуществить потаенное желание игры. Им будет получен уникальный опыт, сосредоточенный в определенный момент времени – идет игра, и все вокруг замирает, Германн касается вечности.

Так, М. Яворник замечает, что для русской литературы характерен мотив взаимосвязи «легкого» богатства (т.е. полученного случайно) и инфернальной составляющей, каковой являются карты как дьявольские образы [27, с. 124].

Схожесть Германна и французского императора также подчеркивается внешне – через мимику и жест. Его поза «сложив руки и грозно нахмурясь»

[18, с. 205], ассоциируемая с наполеоновским имиджем, в психологическом плане является закрытой, что, несомненно, говорит о том, что человек погружен в собственные мысли и не нацелен на диалог. Также специалистами отмечается общая тенденция скрытости лица Германна на протяжении всего повествования: брововый воротник, глаза из-под шляпы, а также внутренние мотивы окаменения и отсутствия чувствительности к погодным условиям и человеческим эмоциям [16, с. 55]. Вместе с тем, можно сделать вывод о проявлении состояния тревожности, неуверенности, несогласия и враждебности к окружающему миру. Именно такая поза именуется в клинической психологии «позой Наполеона» [9, с. 650].

Если мы обратимся к живописным изображениям, то увидим, что подобная поза практически не встречается на полотнах (исключение составляет картина Детайля), в основном же, преобладают батальные картины или парадные портреты, для которых характерна располагающая, открытая поза полководца и императора, что также является составной частью мифа, сотворенного под его чутким руководством. «Я создал мой век сам для себя так же, как и я был создан для него» [12].

Мотив карточной игры является основополагающим для раскрытия образно-фабульной системы повести. А.З. Манфред, специалист по французской истории, отмечал сходство наполеоновского азарта с психологическим состоянием игроков: «он, вероятно, был в состоянии игрока, сорвавшего банк – крупный выигрыш – и решившего больше не играть, не испытывать судьбу. Но вот он пошел с маленькой карты так лишь, чтобы размять пальцы, – и неожиданно крупный выигрыш. Он снова идет с маленькой, и опять нежданное везение – большой выигрыш. И вот, продолжая уверять, что он навсегда отказался от всяких азартных игр, он незаметно – одна маленькая карта, затем вторая, затем третья, и каждая приносит крупный куш! – снова втягивается, уходит с головой в игру. Конечно, это сравнение очень условно: ведь игра, которую вел Наполеон

Бонапарт, шла не на золотые – она велась на человеческие головы» [14, с. 440].

Свое отношение к картам Германн озвучивает практически сразу: «Игра занимает меня сильно» [18, с. 189], и анекдот, рассказанный Томским, ложится на благодатную почву. Примечательно, что его повествование имеет постоянный динамический характер [26, с. 320], исключение составляет отступление о Сен-Жермене, в котором отсутствует общение. Этот отрывок и является кульминационным моментом сцены, поскольку содержит тайну о трех картах, которая впоследствии трансформируется в навязчивую идею главного героя (так шутка становится личной трагедией). Помимо снижения динамизма, на данном этапе уменьшается ирония, присущая для предыдущих моментов повествования, анекдотов. Она особенно проявляется в поступке Германна, оставшегося в своей решимости слепым к приметам времени и решившегося перенести историю, имевшую место в XVIII веке, в современность, в XIX век [3, с. 172]. Расчет, неуверенность в правдивости рассказанной истории, сдерживающие вначале главного героя, постепенно переходят в стадию помешательства, когда он ради обладания тайной готов стать любовником старухи. Оказавшись случайно около дома той самой графини, он затрепетал от игры воображения, напомнившего ему анекдот. Чуть позднее во сне он подсознательно становится счастливым обладателем «фантастического богатства», доставшегося ему на зеленом сукне.

Лизавета Ивановна, оказавшаяся в окне дома старой графини, становится решающим элементом, замыкающим цепь безумных мечтаний Германна – она выступает жертвой в его дерзком плане знакомства с обладательницей игорного секрета [19, с. 252]. Присущая ему поразительная настойчивость усиливается выразительным портретом: бобровый воротник и сверкающие из-под шляпы глаза, бледность щек и быстро проявившийся румянец – все это показывает ничтожность его скрытых чувств и дерзость помыслов. «Человек, у которого нет никаких нравственных правил и ничего святого!» [18, с. 203] – именно таков эпитафия к IV главе, наиболее точно

характеризующий этого героя. Любовные письма, отправляемые бедной девушке, являются ничем иным, как настойчивой «интригой», полной дерзости и прагматизма: «...все это было не любовь! Деньги, — вот чего алкала его душа!» [18, с. 205] Социальная незащищенность Лизы позволяет Германну вести себя на грани вседозволенности: в его руках может оказаться ключ к счастью, и девушка – лишь средство на пути к этому. «Свежесть» камеристок в эпиграфе нам демонстрирует мотивы подобной тактики, являющейся прекрасным примером наполеоновских замыслов в бытовой ситуации. [5, с. 317]

Отношение к любви у французского императора носило сходный оттенок, он относился к этому чувству, скорее, как к увлекательной игре. В «Диалоге о любви» он говорит следующее: «Я считаю ее губительной для общества, для индивидуального счастья людей, наконец, я полагаю, что любовь приносит больше вреда, и божьей милостью для нас и всего мира будет избавление от нее». <пер. с франц. наш – И.А.> [28, с. 12] Большое влияние обстоятельств на его решения в данной сфере говорит об отсутствии привязанностей и глубины чувств. Так, его стремление породниться с царствующей династией, потомками Марии-Терезии, говорит о безграничном тщеславии и прагматизме бывшего артиллерийского поручика со скудными средствами и «сына революции». А.З. Манфред дает такую характеристику письменного наследия императора, отмечая отсутствие сентиментальности и чувствительности: «всюду чувствуется трезвый голос рассудка; слова, даже если они носят печать торопливости, почти всегда взвешены и дозированы. Но есть и исключения – это ранние письма к Жозефине, письма 1796 года, когда не было дня, чтобы он не напоминал ей, как он безмерно ее любит. Позже его письма к ней стали иными». [14, с. 300]

Еще одним важным мотивом в повести является смерть. Германн, проникая в покои старой графини, пытается силой выведать тайну трех карт. Потрясение от его угроз пистолетом стало причиной ее кончины. Его

оправдания перед Лизой несерьезны – если он не имел «намерения вредить» графине, почему же не поверил ей, что «это была шутка»?

Наполеон также имел на себе грех убийства герцога Энгийенского. Будучи обвиненным совершенно безосновательно в заговоре против первого Консула Французской республики Бонапарта, представитель дома Бурбонов был поспешно приговорен к смертной казни и расстрелян. Это «кровавое пятно» его биографии до сих пор изучается специалистами: в любом преступлении должна быть причина, и по этой теме имеются разногласия. Для Банвиля и некоторых других, "преступление" выступает в ранге древнего языческого обычая приношения человеческой жертвы. Для большинства же оно выступает свидетельством неукротимых амбиций Наполеона, торопящегося достичь императорского трона. *<пер. с франц. наш – И.А.>*
[29]

Что заставило Германна утром после разговора с Лизой снова заглянуть к старой графине? Им владело желание «удостовериться в ужасной истине», которая для него заключалась в молчании Анны Федотовны, а отнюдь не раскаяние в том, что довел ее до смерти. Та же причина была у него отправиться на отпевание старой графини в монастырь, – боязнь, что она окажет «вредное влияние на его жизнь» было сильнее христианских ценностей.

Отношение Наполеона к предрассудкам было таково: «Он верил в свою звезду, то есть в свою судьбу, и звезда его не оставляла, не отворачивалась от него. В этих суждениях своеобразно сочетались корсиканское искреннее суеверие и лукавая, расчетливая мистификация». [14, с. 297]

Германн, решившись подойти к гробу с целью «испросить у ней прощения», видит хитрый прищур мертвой графини и падает навзничь от испуга. Приступы физической слабости были присущи и Наполеону в молодости, состояние обморока в один из судьбоносных моментов чуть не стоило ему жизни – здесь идет речь о событиях, связанных со свержением власти Директории, оказавшейся довольно слабой формой правления и

вызывавшей недовольства населения. Масштабная волна негодования, которая обрушилась на Бонапарта при его появлении в зале заседаний Совета пятисот, гневные возгласы депутатов «Долой диктатора!» «Вне закона!» повергли его в приступ слабости и полуобморочное состояние [14, с. 211]. Если бы не колоссальная поддержка со стороны гренадеров, его участь была бы решена на гильотине (эти же возгласы привели на эшафот Дантона, Робеспьера, Демулена и пр.). Переворот 18 брюмера привел к власти новое правительство, возглавляемое тремя консулами, в числе которых был Наполеон.

Нервное потрясение после похорон старой графини и сильное опьянение сыграли с Германном злую шутку – его *idée fixe* в подсознании слилась с образом Анны Федотовны, назвавшую желаемый «код», последовательность карт, на которые нужно ставить, в отчетливую галлюцинацию, дающую, по мнению Н.П. Кашина «иллюзию объективности». [7, с. 27] Причиной его проигрыша становится недопустимая небрежность, которую он допускает в страстном азартном порыве. [23, с. 459] Именно стремление найти искомую формулу к жизни, к счастью (в обладании денежными суммами) губит разум и душу Германна, он не в состоянии владеть собой, и в том, по мнению М.Н. Виролайнен, его наказание. Страсть и расчет – вот что объединяет Германна и Наполеона, история и судьба ироничны над ними. Для французского императора насмешкой была опустошенная и сожженная Москва, ключи от которой он жаждал получить у коленопреклоненных жителей. Для героя «Пиковой дамы» желание обмануть собственную судьбу и подчинить ее своим расчетам было сильнее рассудка. [3, с. 169] Но жизнь не приемлет такого подхода – схематизации и формулировки рассыпаются как карточный домик.

Германн – человек нового поколения, человек действия. XIX век, ставший эпохой Наполеона, изменил коренным образом сознание людей, позволив им в своих дерзновенных помыслах замахнуться на рок, судьбу и власть времени – нежелание мириться с установившимся укладом, свои

материальным положением, эгоистические порывы ведут к гибели. Их кредо – триумф или катастрофа. Созданный А.С. Пушкиным «типический характер, обусловленный исторически и социально» [22, с. 177] представляет собой многоуровневую систему, включающую в себя традиции и черты XVIII века и современности (XIX века), и ставящую философские вопросы в пространстве литературного текста, определив его дальнейший вектор развития.

В. Виноградов отмечает многозначность эпитафии к последней главе «Пиковой дамы», объясняя его не только выражением проигрыша в качестве символа, но и выводит эпитафию за рамки его узкой карточной семантики. Пиковая дама торжествует над поверженным игроком, несбывшимся Наполеоном, покорившимся слепому случаю. [2, с. 104] Недаром Летиция Бонапарт, по праву гордившаяся своим сыном и переживавшая за него, мудро указывала на ветхозаветные строки, оказавшиеся впоследствии пророческими: «Но хотя бы ты, как орел, поднялся высоко и среди звезд устроил гнездо твое, то и оттуда Я низрину тебя, говорит Господь». (Авд.1:4)

Таким образом, для А.С. Пушкина создание образа Германа неразрывно связано с «наполеоновскими» мотивами, прочно вошедшими в русскую культуру в различных вариациях. Судьба Германа раскрывается в пространстве текста в сюжетных ситуациях, восходящих к архетипу наполеоновской судьбы, – триумфа и следующего за ним краха. Заметим, что тот же мотив перелома судьбы, сопровождаемый наполеоновскими коннотациями, представлен у Пушкина и в «Евгении Онегине», и «Борисе Годунове». «Наполеоновский комплекс», который воплощен в страстной натуре главного героя, представляет собой достаточно сложную психолого-мировоззренческую систему, уходящую корнями в коллизии 1812 года. Трансформируясь в архетипический личностный код, «наполеоновский комплекс» интегрируется в другие магистральные мотивы пушкинского творчества – свободы, изгнания, самозванства, мотивы, которые затем получили развитие во всей русской классике XIX века.

Список литературы

1. Ботникова А. Б. Пушкин и Гофман: (К вопросу о формах литературных взаимосвязей) // Пушкин и его современники. Псков, 1970. – С. 148 – 160.
2. Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – [Вып.] 2. – С. 74 – 147.
3. Виролайнен М.Н. Ирония в повести Пушкина «Пиковая дама» // Проблемы пушкиноведения – сб. научн. трудов, - Л.: Гос. пед. инст-т им. А.И. Герцена, 1975. – С.169 – 175.
4. Гершензон М. Избранное. Мудрость Пушкина//Пиковая дама – ЦГИ Принт,2015.
5. Дарский Д. С. «Пиковая Дама» / Публ. В. А. Викторовича // Пушкин: Исследования и материалы / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – СПб.: Наука, 1995. – Т. 15. – С. 308 – 324.
6. Золотарев В.А. Феномен «Наполеон Бонапарт» и 1812 год// Наука и религия. – 2012. – №7. Цит. по электронный ресурс [режим доступа]: <http://www.n-i-r.su/modules.php?name=Content&op=showpage&pid=490> (дата обращения 28.06.2016).
7. Кашин Н. П. По поводу «Пиковой дамы»// Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Рос. акад. наук. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. – Вып. 31/32. – С. 25 – 34.
8. Киселева Л. «Пиковые дамы» Пушкина и Шаховского// Пушкинские чтения в Тарту 2 . – Тарту, 2000. – С. 183 – 203. цит. по электронный ресурс [режим доступа]: <http://www.ruthenia.ru/document/365133.html> (дата обращения 21.06.2016).
9. Клиническая психология: Уч. для ВУЗов.4-е изд./ Под ред. Б.Д. Карвасарского. – СПб.: Питер, 2011. – 864с.

10. Коренева М. Ю. Гофман // Пушкин: Исследования и материалы / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – СПб.: Наука, 2004. Т. XVIII/XIX: Пушкин и мировая литература. Материалы к «Пушкинской энциклопедии». – С. 116 – 119.

11. Лакиер А.Б. Русская геральдика. – СПб., 1855. Цит. по электронный ресурс [режим доступа]: <http://www.heraldrybooks.ru/book.php?id=1> (дата обращения 27.06.2016).

12. Лас-Каз Э.О. Максимы и мысли узника св. Елены. Рукопись, найденная в бумагах Лас Каза. – Paris: Chez L'Huillier, Libraire, rue Serpente, № 16. 1820. / Пер. с франц. Цит. по: Электронный ресурс [режим доступа]: <http://www.museum.ru/1812/library/laskas/index.html> (дата обращения 30.06.2016).

13. Лотман Ю.М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века // Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3-х т. Т. II. Таллинн, 1992, с. 389-415 – цит. по электронный ресурс [режим доступа]: <http://ec-dejavu.ru/c/Cards.html> (дата обращения 21.06.2016).

14. Манфред А. 3. Наполеон Бонапарт. Четвертое издание. – М.: Издательство «Мысль», 1986. – 755с.

15. Маркова Т. В. О некоторых общих тенденциях в использовании речевых средств в творчестве Пушкина и Гофмана // А. С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков: Тез. Междунар. науч. конф., посв. 200-летию со дня рожд. А. С. Пушкина / Казан. гос. ун-т; Отв. ред. В. Н. Коновалов. Казань, 1998. – С. 119 – 120.

16. Мартыанова С.А. Образ Германна в повести А.С. Пушкина «Пиковая дама»: национальное и общечеловеческое // Вестник Нижегородского университета им. Н.И Лобачевского, 2014. – № 2 (2) – С.53– 57.

17. Муравьева О.С. Пушкин и Наполеон // Пушкин: Исследования и материалы. 1991. Т. XIV. С.5 – 32. Цит. по: ФЭБ «Русская литература и фольклор». Электронный ресурс [режим доступа]: <http://feb->

web.ru/feb/pushkin/serial/ise/ise-0053.htm?cmd=i!&tree_path=undefined(дата обращения 26.06.2016).

18. Пушкин А.С. Пиковая дама // Пушкин А.С. Сочинения: В 3 т. Т.3. Проза. – М.: Худож. лит., 1986. – 527с.

19. Раскольников Ф. Иррациональное в «Пиковой даме» // *Revue des études slaves* / Под. ред. Е. Эткинда, 1987 – V. 59. – №1. – pp. 247– 261.

20. Стендаль. Красное и черное: Роман / Пер. с фр. С. Боброва и М. Богословской; примеч. Б. Реизова. – М. : Худож. лит., 1979. – 508с.

21. Тарле Е. Наполеон. – М.: Астрель: АСТ МОСКВА, 2009. – 413 с.

22. Томашевский Б.В. Историзм Пушкина // Томашевский Б.В. Пушкин: работы разных лет. – М.: Книга, 1990. – 672 с.

23. Чхаидзе Л.В. О реальном значении мотива трех карт в «Пиковой даме» // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 3. – С. 455 – 460.

24. Шаховской А.А. Хризомания, или Страсть к деньгам // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. III: К 40-летию «Тартуских изданий» / Ред., публ. и коммент. Л. Киселева. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1999. – С. 179 – 254.

25. Юнг К. Архетип и символ. – М., 1991. – 304 с.

26. Юхнова И.С. Томский как рассказчик // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2013. – № 1 (2). С. 320 – 322.

27. Яворник М. Двумерность «Пиковой дамы» А.С.Пушкина // *Slavica Tergestina- Università degli Studidi Trieste – Scuola Superiore di Lingue Moderne per Interpreti e Traduttori*, 2001. - № 9. – С. 93-129. пер. Т.Комаровой. Цит. по: электронный ресурс [режим доступа]: <http://www.openstarts.units.it/dspace/bitstream/10077/2385/1/05.pdf> (дата обращения 21.06.2016).

28. Fleischmann H. *Napoléon adultère suivi par «Dialogue sur l'amour» par Napoléon Bonaparte* – Paris: A. Méricant, 1909. – 227 p.

29. Franceschi M. *L'affaire du duc d'Enghien. Une machination contre Napoléon* // по мат. Международного Наполеоновского Общества – Casaperta, 2005. цит. по электронный ресурс [режим доступа]: <http://www.napoleonicsociety.com/french/ducenghien.htm> (дата обращения 01.07.2016).

30. Leclerc N. *Pouchkine et Mérimé ou comment saisir le geste de défi et en dire la portée métaphysique* // *Publije, revue de critique littéraire*, 2015. – цит. по электронный ресурс [режим доступа]: <http://publije.univ-lemans.fr/publijetest/index.php?id=233> (дата обращения 28.06.2016).

УДК 821.161.1

СТРАНИЦЫ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО БЫТА В ПОВЕСТИ

В.Г.РАСПУТИНА «ПРОЩАНИЕ С МАТЕРОЙ»

М.В. Баканова, Пензенский государственный университет,

г. Пенза, Россия

Н.Г. Кузнецова, Пензенский государственный университет,

г. Пенза, Россия

THE PAGES OF RUSSIAN PEASANT LIFE IN THE STORY OF

V.G. RASPUTIN “FAREWELL TO MATYORA”

M.V. Bakanova, Penza State University, Penza, Russia

N.G. Kuznetsova, Penza State University, Penza, Russia

Аннотация. В статье предпринята попытка осветить такой аспект писательского мастерства В.Г. Распутина, как православные традиции русского крестьянства и систему нравственных ценностей жителей Матеры. Вера, духовность русского крестьянина рассматриваются как одна из величайших основ русской государственности.

Ключевые слова: русская деревня, крестьянский быт, вера, русская государственность.

Abstract. The article deals on the orthodox traditions of Russian peasantry and the system of their moral values represented by V.G. Rasputin. Belief and spirituality of Russian peasantry are considered as one of the greatest grounds of Russian statehood.

Key words: Russian village, peasant life, belief, Russian statehood.

E-mail: bakanova_marina@list.ru

Одна из ярких граней писательского мастерства В.Г. Распутина в повести «Прощание с Матерой» – бытоописательный элемент, связанный с русской деревней. Валентин Григорьевич демонстрирует глубокое понимание русской деревни, ее самобытности, традиций; искреннее уважение к крестьянину, к его труду, культурным традициям, нередко уходящим корнями в языческие времена.

Остров Матера – большая деревня, омываемая водами сильной и красивой реки Ангары. Больше трехсот лет живет Матера, «перемогая любые времена и напасти». Есть здесь «своя церквушка, как и положено, на высоком чистом месте». Есть мельница-кормилица и луг, который «облюбовала издавна молодежь для своих игрищ». Бытует местная легенда о парне Проне, который утонул и теперь много лет бродит по ночам «как русалочий муж, и кого-то несмело и неразборчиво кличет». Есть свои покровители (чудо-лиственница и некий Хозяин острова, небольшой юркий зверек) и даже свой юродивый (старик Богодул).

В Матере труд на родной земле приносит радость; здесь свято чтут память о предках и боготворят отчий дом с его старинной атрибутикой: русской печью, самоваром. *«Общественное мнение крестьян высоко оценивало трудолюбие как важнейшее качество человека. Оно воспитывалось в крестьянских детях с малых лет».* [3, С. 106]. С радостью трудятся на родной земле жители Матеры: растят хлеб, выращивают овощи, ухаживают за скотиной, создают уют в своих домах. *«Непременным свойством человека, отвечающего нравственному идеалу подавляющего большинства крестьян, являлась вера. Судили о ней по*

аккуратным посещениям церкви, по соблюдению постов и обрядов, похождениям на богомолья, но особенно по степени выполнения нравственных норм в целом» [3, С.111]. Сами крестьяне подавали прошения в Синод о строительстве новых церквей, мотивируя свои просьбы, в частности, «долгом общины заботиться о религиозности и нравственности своих членов» [3, С.111]. Жителей Матеры (страшное знамение времен атеизма) возможности посещать святой храм лишили: «... церквушку эту в колхозную пору приспособили под склад», «потом и крест сбили». Но веру у истинно верующего человека нельзя отнять. «Дарья, поднявшись, степенно перекрестилась на пустой угол, вслед за ней, прощаясь, перекрестилась туда же и Катерина». О том, что Дарья и ее подруги являются истинными христианками, свидетельствует их трепетное, бережное отношение к памяти о своих предках, огромная любовь к родине и отчему дому. «Мельницы в системе материальных и духовных ценностей русского крестьянина занимают особое место». [2, С.7]. «Мельница, с одной стороны, была частью крестьянского мира, местом посещаемым, связанным с хозяйственными заботами крестьянина – получением конечного продукта своего труда – муки; с другой, находилась в «зоне» враждебных сил – водяного (чертей) и потому заключало в себе опасность». [2, С.7]. «Существовал даже в некоторых местах ряд запретов: нельзя было посещать мельницы женам и детям, купаться и ловить рыбу в мельничных прудах» [2, С. 10]. Мельница была кормилицей крестьянина, муку для выпечки хлебов наши предки приготавливали на мельнице. Мудрый крестьянин к хлебу относился, как к святыне. Поэтому гибель мельницы в повести Распутина (ее подожгли) воспринимается как утрата близкого и дорогого существа. Дарья будит Катерину: «Пойдем простимся с ей. Там, поди-как, все чужие. Каково ей середь их – никто добрым словом не помянет!». «Сколь она нам, христовенькая, хлебушка нам перемолола. Собирайся, хошь мы ей покажемся. Пускай хошь нас под послед увидит». Выпечка хлеба у

славян, как и у других народов, была почетным и ответственным делом. Старуха Дарья сокрушается: «А уж хлебушка не испекчи, нет, хлебушко покупной». Еще одна поилица-кормилица русского крестьянина – корова. Корова в крестьянском быту – символ достатка. Наши предки по праву считали корову едва ли не членом семьи и ласково называли – кормилицей, буренушкой. Корова Земун (священная Небесная Корова) – богиня, о существовании которой в верованиях древних славян идёт много споров. Корова Земун была сотворена Родом на самой заре времён. Она является матерью Велеса, поэтому Велес часто изображается как бык или человек с бычьей головой и зовётся Велесом-Коровичем. Млечный Путь (наша галактика) был создан из молока Земун. По саду Ирия (славянский рай) течёт молочная река прямо из вымени Земун. Героиня повести тяжело переносит прощание со своей коровой. «Корова, умница и послушница Майка, напуганная разором, огнем, одиночеством и суматохой, уже несколько дней не выходила со двора...» «Долгими часами стояла стоймя с наклоненной, вытянутой вперед, к дверке, головой, все время чего-то в напряжении ожидая, к чему-то готовясь». Когда Павел накинул ей на шею веревку, она послушно пошла, стремясь поскорее покинуть «эту страшную землю». Всегда такая выдержанная, Дарья, «проводжая ее, заплакала». Рассказ о парне Проне, который после гибели (он утонул) бродит по ночам, как русалочий муж, и кого-то зовет, содержит в себе признаки такого жанра русского фольклора, как демонологический рассказ. *«Народные демонические рассказы – это суеверные повествования, связанные с персонажами из разряда низшей мифологии»* [5, С.182]. Героини повести часто изображаются Распутиным во время обряда чаепития, сидящими у самовара. Чай они пьют подолгу, степенно, со вкусом, наслаждением. «Потом Дарья налила Симе и добавила себе – отдышавшись, приготовившись, утерев выступивший пот, пошли по новому кругу, закланялись, покряхтывая, дуя в блюдце, осторожно прихлебывая вытянутыми губами». *«В числе разных напитков*

при Михаиле Федоровиче появился в России, как редкость и новость, чай. Первый раз чай был прислан в дар Михаилу Федоровичу от монгольского государя. Во второй половине XVII века знатные лица употребляли его как лекарство и приписывали ему целительную силу, не предвидя, что этот напиток отдаленного народа делается со временем национальным русским питьем» [6, С. 122]. В. Белов отмечает: «За короткий исторический срок чаепитие на Руси настолько внедрилось, что самовар стал признаком домашнего благополучия и выражением бытовой народной эстетики. Он как бы дополнял в доме два важнейших средоточия: очаг и передний угол, огонь хозяйственный и тепло духовное, утреннее» [1, С.166].

Старухи в повести Распутина очень переживают, что в городских условиях им придется отказаться от самоваров: «Стол без самоварного возглавия – это уже и не стол, а так... кормушка, как у птиц и зверей, ни приятности, ни чинности. Из веку почитали в доме трех хозяев – самого, кто главный в семье, русскую печь и самовар». Русскую печь В.И. Белов называет «средоточием, материально-нравственным центром» избы, «никогда не остывающим семейным очагом». *Печь кормила, поила, лечила и утешала. Она остывала только вместе с гибелью всей семьи или дома» [1, С. 49].* Петруха сжег родной дом, его мать Катерина ходит по пепелищу: «Теперь одним разом не стало у Катерины ни дома, ни самовара, ни русской печи (она, печь-то, не сгорела, потрескавшаяся и раскрытая, торчала на пепелище, как памятник, – да белый свет, что ли ею обогревать?). В день отъезда Настасья затопила в последний раз русскую печь. Она рассуждает так: «... надо напоследок протопить. Пушай тепло останется... Как холодную печку после себя оставлять...». Провожая родной дом в последний путь, старуха Дарья «подмазала русскую печку» и «протопила» ее. Печи издавна приписывалась священная, магическая сила. Так, наши предки обязательно открывали заслон печи, чтобы помочь роженице, потому что печь считалась

символом женского лона. *«Удивительно ли, что печника чтили в народе не меньше, чем священника или учительницу»*, – размышляет В.И. Белов [1, С.166]. Старуха Дарья рассказывает о свате Иване: он *«был печник любо-дорого на весь белый свет, за им за сто верст приезжали печи класть»*.

Есть у Матеры покровители – маленький таинственный зверек, Хозяин острова, и Красавец Листвень, отсылающие нас к тотемическим представлениям наших предков о мире. *«Тотемические мифы – мифы о «первопредках» (тотемах), которыми чаще являются животные, но также и растения, и люди»* [9, С. 21]. Хозяин Матеры – *«маленький, чуть больше кошки, ни на какого другого зверя не похожий зверек»*, который по ночам заботливо обегает остров. Матеру, как отвечает Распутин, *«нельзя было представить без лиственницы на поскотине»*. Этот *«царский листвень»*, *«могучий»*, *«величавый»*, *«заметный почти повсюду и знаемый всеми»*, своего рода *«тотем»*. В мифах разных народов дереву отводилась особая, почетная роль. *«Иногда срубить всякое старое дерево считается грехом, и срубивший ему или сходит с ума, сламывает себе руки или ноги, а нередко и умирает»* [4, С.418] Так, *«древние германцы подвергали жуткой казни человека, содравшего кору с живого дерева, – с него заживо сдирали кожу по принципу «око за око, зуб за зуб»* [7, С.6]. Родственное отношение с тотемом предполагало, что тотем – растение или животное – нельзя убивать. Тотему делались подношения в виде еды, питья, драгоценностей. Жители Матеры *«не в столь еще давние времена»* стремились, подобно своим предкам-славянам, *«задабривать лиственницу угощением, которое складывали у корней»* и имели по отношению к нему *«почтение и страх»*. Лиственница – одна из наиболее распространенных пород хвойных деревьев в Сибири и на Дальнем Востоке, она считалась *«царицей тайги»*. Согласно сибирской мифологии, лиственница – мировое дерево, на котором держатся подземный мир (корни), наземный (ствол), высший (крона). Лиственница имеет еще одно название – Ведьмино

дерево. В бурятских поверьях к лиственнице приходили с просьбой даровать детей. Лиственницу в повести Распутина собираются уничтожить. Это воспринимается старожилами деревни, как величайший грех. Не случайно те, кому поручено уничтожить лиственницу, названы в повести «чужими», и не случайно «лиственень» остается несокрушимым.

Распутин рассказывает о последнем в Матере сенокосе. Работали с увлечением, со страстью, молодели душой и телом от этого радостного труда; в часы отдыха дурачились, как дети; вечером возвращались с песней. *«Лето – вершина года, пора трудового взлета»* [1, С. 27]. Сенокос воспринимался нашими предками, как праздник. *«В обычае у крестьянок было одеваться на сенокос «по-праздничному», сопровождать работу «общей песней»* [3, С. 39]. В часы отдыха водили хороводы, играли на музыкальных инструментах.

Один из самых необычных, колоритных героев произведения Распутина – образ старика Богодула, любимца деревенских старух. Этот пришлый в Матере человек – образ своего рода юродивого. Имя этого персонажа символично: в его морфемный состав входит корень бог. Блаженными и юродивыми назывались люди, которые принимали вид безумного человека. Н.И. Костомаров отмечает: *«После духовных благочестие обращалось к так называемым юродивым и нищим. В каком почете были в старину юродивые, видно из того, что сам Иван Грозный терпеливо выслушал горькие речи юродивого, приглашавшего его в пост поесть мяса, на том основании, что царь ест человеческое мясо»* [6, С. 271]. Речь идет о Василии Блаженном. Таким образом, у этих людей было редкое право – говорить правду во всеуслышание сильным мира сего. Юродивые подавляли в себе свою гордыню самоуничижением. *«Идеальный костюм юродивого - нагота. Обнажаясь, он надевает «белые ризы нетленной жизни». Голое тело больше всего терпит от зимнего холода и летнего зноя и наглядно свидетельствует о презрении к тленной плоти»* [8, С. 393.]. *«Их высказывания либо ясны, либо*

невразумительны, но всегда кратки, это выкрики, междометия, афористические фразы» [8, С. 401]. Богодул обладает характерными признаками юродивого. Он ходит «босиком от снега до снега», «не разбирая ни камней, ни колючек» и мало заботится о своем внешнем виде (в его голове «воробьи вполне могли устраивать гнезда».) Он очень немногословен: «Курва» – «одно это слово заменяло ему добрую тысячу, без которых никакой другой человек не смог бы обойтись. Богодул прекрасно обходился». Богодул крайне непритязателен (его «жилье было узким, как коридор, и до основания запущенным, грязным»). Он пользуется любовью народа («Старухи Богодула любили», всячески привечали его). Более того, они искренне верит в его святость («Вот он, святая душа на костылях»). Он обличает страшный грех, который готовы совершить разорители кладбища: «Кур-ва! Самовар-р! Мер-ртвых гр-рабют! Самовар-р» и называет их «чертями».

В системе нравственных ценностей жителей Матеры важная роль принадлежит родному дому. *«По своей значимости «родной дом» находился в ряду таких понятий русского крестьянства, как смерть, жизнь, добро, зло, бог, совесть, родина, земля, мать, отец»* [1, С.109]. Существовало много примет и легенд, связанных с домом и очагом. Утрату родного дома (его должны поджечь) старуха Дарья воспринимает как потерю родного человека, члена семьи.

Нравственным принципом, по которому можно судить о русском человеке, является трепетное отношение по отношению к ушедшим в мир иной близких людей и к памяти о них. В русской крестьянской семье умершего человека при любых обстоятельствах обмывали; одевали в чистую и самую лучшую одежду; читали над ним молитвы; считали своим долгом побыть с ним в последнюю ночь. Дарья, словно провожая в последний путь дорогого человека, белит и моет родную избу. «Не обмыв, не обрядив во все лучшее, что только есть у него, покойника в гроб не кладут – так принято. А как можно отдать на смерть родную избу,

из которой выносили отца и мать, деда и бабу, в которой сама она прожила всю, без малого, жизнь, отказав ей в том же обряженье? Нет, другие как хотят, а она не без понятия. Она проводит ее как следует», – рассуждает Дарья. Поэтому, словно провожая в последний путь дорогого человека, она из последних сил белит и моет родную избу; украшает пихтой, от которой «тотчас повеяло печальным курением последнего прощания, вспомнились горящие свечи, сладкое заунывное пение». А потом всю ночь «творила» молитву. Изба уподобляется умирающему человеку: «И вся изба сразу приняла скорбный и отрешенный, застывший лик». А вот писатель снова прибегает к приему олицетворения: прощается с родным домом старуха Настасья: «Только на окнах остались занавески. Поначалу Настасья сняла и их, но посмотрела, как окончательно оголилась и остыдилась изба, и не вынесла, повесила обратно». Важный образ-символ в повести – кладбище. Христиане для повиновения усопших подают в храме записки и именами усопших, чтобы за них помолились в божьем доме; ставят за упокой их душ свечи. Издавна существовал обычай посещать (особенно в специальные, праздничные дни) могилы своих родных. «Неприкосновенность кладбищ долго соблюдалась свято, и в 1672 году, когда до сведения царя дошло, что в Архангельске на месте, где было кладбище, поставили торговые амбары, царь велел их снести...». *«Издавна могилы родителей и предков были святыней для русского народа, и князья наши, заключая договор между собой, считали лучшим знаменем его крепости, если он будет произнесен на отцовском гробе»* [6, С. 234]. В повести эта неприкосновенность нарушается. И жители Матеры убеждены, что люди, пришедшие уничтожить кладбище, – «нехристи», «ироды», «черти», для которых «святого места на земле не осталось», и что за этот страшный грех у них должны «отсохнуть» руки.

Распутин, говоря о разорении Матеры, прибегает к приему олицетворения. Писатель обращает внимание на «сиротливые, оголенные

могилы, сведенные в одинаково немые холмики». Через образы старожиллов Матеры, и, прежде всего, старухи Дарьи, писатель пытается сказать читателю, что в жизни людей утрачено самое важное - вера в Бога, одна из величайших нравственных основ русской государственности.

Список литературы

1. *Белов В.И. Лад: очерки о народной эстетике. М., 1982. – 293 с.*
2. *Ведерникова Н. М. Мельницы и мельник в русской мифологии / Н. М. Ведерникова // Научный диалог. — 2014. — № 12 (36) : Филология. — С. 6—22.*
3. *Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. – 269 с.*
4. *Забылин М. Русский народ: его обычаи, предания, обряды. М., 2003. – 616 с.*
5. *Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор: Учебник для высших учебных заведений. М., 2003. – 400 с.*
6. *Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993. – 301 с.*
7. *Лаврова С.А. Царство Флоры. Цветы и деревья в легендах и мифах. М., 2009. – 352 с.*
8. *Панченко А.М. Юродивые на Руси Русская история и культура: работы разных лет. СПб.: Юна, 1999. – 520 с.*
9. *Шафранская Э.Ф. Устное народное творчество: учеб. пособие для студ. высш.пед. учеб. заведений. М., 2008. – 352 с.*

**«СОЛНЦЕ МЁРТВЫХ» ИВАНА ШМЕЛЁВА И
МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА (ОБ ИСТОРИИ ОДНОЙ ЦИТАТЫ)**

*В.А. Гавриков, Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Брянский филиал, Брянск, Россия*

*Л.Г. Кихней, Институт международного права и экономики
имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия*

**IVAN SHMELEV'S AND MAXIMILIAN VOLOSHIN'S «THE SUN
OF THE DEAD» (THE HISTORY OF ONE QUOTE)**

*V. A. Gavrikov, Bryansk branch of The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation, Bryansk, Russia*

*L.G. Kihney, A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics,
Moscow, Russia*

Аннотация. В настоящей статье выдвигается гипотеза, которая может существенно скорректировать рецепцию довольно известного стихотворения, написанного Максимилианом Волошиным в 1925 году – речь идёт о семичастном тексте «Поэту» («Горн свой раздуй на горе...»). Гипотеза же настоящего исследования следующая: Волошин писал указанное произведение под впечатлением и по следам российской смуты 1917-1923 годов, в данном тексте запечатлен ряд мотивов, связанных с междоусобной бранью, однако выражены они имплицитно. Кроме того, скрытой видится здесь и национальная подоплёка, хотя стихотворение, на первый взгляд, кажется выполненным в «наднациональном регистре» и не на злобу дня.

Ключевые слова: Максимилиан Волошин, Иван Шмелёв, Иван Бунин, Крым, русская революция, «солнце мёртвых», «Окаянные дни», Оноре де Бальзак.

Abstract. In this paper, a hypothesis that can significantly correct the reception is quite famous poem written by Maximilian Voloshin in 1925 - we are talking about sevenfold text «Poet» («Horn kindle on a hill...»). Hypothesis of this study as follows: Voloshin wrote the

above work under the influence and in the wake of the Russian revolution, the number of text imprinted motifs associated with sectarian abuse, but they are expressed implicitly. In addition, hidden here and sees national underlying reason, although the poem at first glance, seem to be satisfied «supranational register» and not on the topic of the day.

Key words: Maximilian Voloshin, Ivan Shmelev, Ivan Bunin, Crimea, Russian Revolution, «The sun of the dead» «Cursed Days», Honore de Balzac.

E-mail: yarosvettt@mail.ru , lgkihney@yandex.ru

Чтобы подступиться к некоторым фактам, которые косвенно указывают на жизнеспособность обозначенного подхода, необходимо бегло рассмотреть отношение «коктебельского мудреца и отшельника» (А. Белый) к Родине в целом и к объятой революционной стихией России, в частности. Волошина можно вполне назвать поэтом патриотической направленности, русская тема у него представляется одной из ключевых, только волошинский патриотизм – особый, без громогласного пафоса, пропущенный через общегуманистические идеалы поэта. Особенно это личностное, интимное чувство к родной земле обострилось в годы лихолетья: Гражданской войны, установления Советской власти. Как отмечает известный исследователь волошинского творчества С.Н. Пинаев: «Россия стала той Голгофой, на которую поэт “в годы лжи паденья и разрух” возносил свою жизнь и творчество» [5, с. 36].

Об образе России в творчестве Волошина можно было бы сказать словами Мандельштама, у которого они относятся к Богу: «Образ твой, мучительный и зыбкий...». Особенно семантика, связанная с болезнью, увяданием и страданием, оказалась востребованной для «российского текста» у Волошина в конце десятых – начале двадцатых годов. Однако и в целом образ страны, хотя и интимен, однако, как это ни парадоксально, в большей степени связан с пейоративными коннотациями. По крайней мере, это подтверждают специальные исследования: концепт Россия у Волошина «распространен следующими лингвокультурами, обозначающими признак: мучительно-бесформенное, безмерное, смутное, бескрайнее, тусклое,

остуженное, белесое. Как показывает материал, данные характеристики представляют цвет (тусклое, белесое), размеры (бескрайнее), дактильность (остуженное), этические нормы (мучительно-бесформенное, смутное). Все в целом, то есть, по всем параметрам создает достаточно гнетущий образ» [4, с. 868].

Большую роль в национальном самосознании Волошина играет и православие как мистическая сила, способная сплотить русский народ и помочь ему устоять во время исторических испытаний. В данном плане показателен хотя бы следующий поступок поэта: «Весной 1918 года, когда уже обозначилась перспектива гражданской войны, Волошин выступает со статьей, призывающий передать всю власть в России патриарху как гаранту национального примирения» [3, с. 135].

Второй очень важный момент, на котором необходимо остановиться, это отношение поэта к Гражданской войне. Здесь он занял позицию «над схваткой»: спасая от гибели и «красных», и «белых». При этом Волошин очень остро переживал трагические события, связанные с государственным переворотом и, в частности, с беспроцентной по жестокости «установлением советской власти» в Крыму. В этой связи достаточно вспомнить стихотворение «Красная Пасха».

Таким образом, в 1925 году память страшных лет была не просто жива, многие её следы всё ещё были перед глазами поэта. Поэтому не удивительно, что их печать ложилась и на тексты, с виду далёкие от современной проблематики. Особенно это показательно в двух последних частях стихотворения «Поэту», шестая представляет собой три строки, седьмая – две:

В дни, когда Справедливость ослепшая меч обнажает,

В дни, когда спазмы Любви выворачивают народы,

В дни, когда пулемёт вещает о сущности братства, –

Верь в человека. Толпы не уважай и не бойся.

В каждом разбойнике чти распятого в безднах Бога.

Обратим внимание на единственный «анахронизм» этого в целом «не привязанного» к конкретному времени тексту: пулемёт. Перед нами чёткий маркер, указывающий на недавние исторические события. Пулемёты, действующие по современным принципам, получили распространение только на стыке XIX – XX веков. Понятно, что в Гражданской они использовались повсеместно. Кстати, в «Красной Пасхе» встречается это же орудие: *«А по ночам стучали пулемёты, // Свистя, как бич, по мясу обнажённых»*. Причем в одном фрагменте явлены как нынешние времена, так и прошлые, когда для казни использовались бичи. Имплицитно здесь можно увидеть и христианскую тему, ведь самое известное в истории бичевание это, пожалуй, избивание Иисуса Христа перед распятием. Показательно, что образ расстреливаемых из пулемёта в стихотворении «Поэту» также сопрягается – на сей раз эксплицитно – с образом Спасителя: *«В каждом разбойнике чти распятого в безднах Бога»*.

Ещё на тему революции работают встречающиеся в тексте Справедливость и братство – именно под их знамёнами чаще всего совершаются государственные перевороты. Обратим внимание, что Справедливость у Волошина – ослепшая. Конечно, это может быть отсылкой к известной фигуре древнегреческой богини Фемиды, антропоморфно воплощающей правосудие. Однако здесь всё-таки речь не о повязке на глазах, а именно о слепоте. Через фразеологизмы такой эпитет притягивает и другие ассоциации, в первую очередь, связанные с устойчивым сочетанием «слепая ярость». На неё же работают и следующие два слова: «меч обнажает». Реальная ли справедливость перед нами? Тот же вопрос актуален и в отношении Любви, спазмы которой, по слову Волошина, *«выворачивают народы»*. Ну и ещё очевиднее горькая ирония в следующей строке: *«пулемёт вещает о сущности братства»*.

Всякие вопросы в отношении того факта, что перед нами именно революционные мотивы – причём связанные с падением царской России –

снимает фрагмент из стихотворения «Ангел мщенья» 1906 года, которое было посвящено первой русской революции:

*Я напишу: «Завет мой – Справедливость!»
И враг прочтет: «Пощады больше нет»...
Убийству я придам манящую красоту,
И в душу мстителя вольётся страстный бред.
Меч справедливости – карающий и мстящий –
Отдам во власть толпе. И он в руках слепца
Сверкнёт стремительный, как молния разящий –
Им сын заколет мать, им дочь убьёт отца.*

Зная эти строки, можно с точностью понять и отношение автора к революции, и спроецировать это отношение на рассматриваемый – как бы не революционный – текст «Поэту». Сразу бросаются в глаза текстуальные переключки: в обоих текстах есть меч справедливости, есть беснующаяся толпа, есть мотив слепоты... По сути дела, части 6 и 7 суть масштабная автоцитата из «Ангела мщенья».

Итак, можно заключить, что произведение «Поэту» многими нитями связано с крымскими переживаниями Волошина, с теми картинами революционной Тавриды, что «прямым текстом» были запечатлены в стихотворениях «Красная Пасха», «Терминология», «Террор». Эти тексты по пафосу и трагическому накалу весьма близки шмелёвскому «Солнцу мёртвых», описывающему те же исторические реалии, только в прозе. Поэтому когда Волошин в своём стихотворении «Поэту» использует то же сочетание – солнце мёртвых – это может показаться прямым заимствованием. Приведём волошинские строки, составляющие третью часть произведения «Поэту»:

*Слава тебя прикует к глыбам твоих же творений.
Солнце мёртвых – живым – она намогильный камень.*

Здесь ещё один показательный образ – «живого мертвеца», так ярко воплощённый в произведении Шмелёва, где герои кажутся лишь

«летейскими тенями», вступающими в область смерти. Ещё одно совпадение?

Не может не возникнуть вопрос: мог ли Волошин знать о произведении Шмелёва, увидевшем свет в 1923 году? Не является ли образ «солнца мёртвых» из рассматриваемого стихотворения отсылкой к тексту одноимённой шмелёвской эпопеи?

В качестве косвенного свидетельства в пользу такой версии отметим и то, что начале 20-х годов Волошин имел сношение с зарубежьем. Те же крымские ужасы, согласно некоторым свидетельствам, были подробно – в прозе – описаны Волошиным и переданы его другу, жившему в Берлине, – профессору А.С. Яценко в 1923 году. Правда, эта многостраничная рукопись тогда же исчезла, однако есть целый ряд свидетельств о её реальности (см., например, воспоминания Р. Гуля [2]). В любом случае, волошинские контакты с границей в 20-е годы – налицо.

Получается, что после выхода в свет эпопеи Шмелёва до появления волошинского текста прошло около двух лет. Разумеется, пристальное внимание последнего к теме красного террора в Крыму могло стать поводом к тому, чтобы кто-то из эмигрантских кругов передал если не текст «Солнца мёртвых», то по крайней мере, сообщил Волошину о существовании такого произведения. Это могло вызвать определённую «ассоциативную детонацию».

Если копать ещё глубже, то можно обратить внимание на тройной рефрен «в дни» (см. приведённую выше часть №6) – понятно, что повторами нередко маркируются ключевые фрагменты. Этот словоблок – единственный, трижды повторённый в рассматриваемом стихотворении. Слово «дни» могут ассоциативно навести на связь стихотворения Волошина ещё с одним обличительным литературным документом, направленным против революции, – хроникой «Окаянные дни» Ивана Бунина. Эти очерки начали печататься за границей с июня 1925 года, стихотворение Волошина тоже датируется 1925 годом, но предположительно. Может быть, снова шифр? В

самом деле, почему именно «в дни»? Ведь революционные события в Крыму растянулись на сроки, гораздо большие? Понятно, что здесь скорее обобщённое понятие, и всё же... Пусть даже перед нами случайность, но и она любопытна. И тем более любопытна, что в тексте «Окаянных дней» есть и упоминания о Волошине:

«13 апреля.

Вчера долго сидел у нас поэт Волошин. Нарвался он с предложением своих услуг (“по украшению города к первому мая”) ужасно. Я его предупреждал: не бегайте к ним, это не только низко, но и глупо, они ведь отлично знают, кто вы были ещё вчера. Нёс в ответ чепуху: “Искусство вне времени, вне политики, я буду участвовать в украшении только как поэт и как художник”. В украшении чего? Виселицы, да ещё и собственной? Всё-таки побежал. А на другой день в “Известиях”: “К нам лез Волошин, всякая сволочь спешит теперь примазаться к нам...” Теперь Волошин хочет писать “письмо в редакцию”, полное благородного негодования.

Еще глупей».

Почему бы не предположить, что Бунин поделился с Волошиным идеей своих записок? Быть может, и будущее название озвучил уже тогда?

Ну а что касается самого выражения: «Слава – солнце мёртвых», то это цитата из повести Бальзака «Поиски Абсолюта» (1834). Приведём фрагмент из первоисточника:

«При этих словах Клаас уронил седую голову и закрыл лицо рунами.

– И ничего ты не добьёшься, кроме позора для себя, нищеты для детей, – продолжала умирающая. – Уже зовут тебя в насмешку Клаас-алхимик, а позже скажут: Клаас-сумасшедший! Я-то в тебя верю. Я знаю, что ты велик, учён, гениален; но для толпы гениальность подобна безумию. Слава – солнце мёртвых; при жизни ты будешь несчастен, как все великие люди, и разоришь детей. Я уйду, не порадовавшись твоей известности, которая утешила бы меня в утрате счастья».

Сочетание «солнце мёртвых» в качестве названия использовано не только Шмелёвым, но и одним из французских писателей. На такую «омонимию» обратили внимание уже критики-эмигранты в момент выхода эпопеи в свет, так, М. Бенедиктов в 1924 году отмечает: «...любопытное совпадение: совершенно так же озаглавил французский писатель Камилл Моклер свой последний роман: “Le Soleil des morts”» [1, с. 3].

Подводя итоги, отметим, что явно прослеживающаяся в стихотворении «Поэту» тема революции кажется выраженной хотя и по большому счёту имплицитно, однако проявляется в целом ряду межтекстовых связей так, что может быть признана твёрдо установленной. В этом «революционном контексте» совсем иное звучание приобретает весь образный строй текста, поэтому употреблённое здесь сочетание «солнце мёртвых» помимо очевидной связи с произведением Бальзака (быть может, установленной Волошиным «для отвода глаз?»), приобретает совершенно чёткие ассоциативные сцепки с текстом Шмелёва. Тем более, что тема жесточайшего большевистского террора в Крыму по известным причинам была весьма острой для Волошина в начале 20-х. К ней он неоднократно обращался напрямую, ей же он мог посвятить и «шифрованные» строки, предназначенные лишь для посвящённых.

Список литературы

1. Бенедиктов М. [Берхин М.Ю.] «Окно». Книга третья // Последние новости. 1924. 8 мая. № 1239. – С. 3. Цит. по: <http://www.emigrantika.ru/bib/801-rom>
2. Гуль Р. Я унёс Россию: Апология эмиграции: В 3 т. – Нью-Йорк, 1981–1989. Доступна в Интернете по ссылке: http://www.dk1868.ru/history/gul_ogl.htm
3. Кихней Л.Г. Поэзия Анны Ахматовой. Тайны ремесла. – М.: «Диалог МГУ», 1997. – 146 с.

4. Курбанова О.В. Концепты цвета в лирике Максимилиана Волошина // *Концепт: Научно-методический электронный журнал*. 2013. Т. 3. – С. 866–870.

5. Пинаев С.М. Ориентализм в творчестве М.А. Волошина // *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение, журналистика*. 2012. Вып. 4. – С. 35–43.

УДК 82.09(4) + 821.161.1.09”20”

**ЛЕЙТМОТИВ ПУТЕШЕСТВИЯ
В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИРИКЕ И В ПОЭЗИИ
АКМЕИСТОВ**

*И.Ф. Головченко, Пятигорский государственный университет,
г. Пятигорск, Россия*

**JOURNEY LEITMOTIF IN THE WESTERN EUROPEAN LYRICS
AND IN ACMEIST POETRY**

I.F. Golovchenko, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Аннотация. В статье выявлен интертекстуальный аспект произведений западноевропейской поэзии и стихотворений поэтов Серебряного века (в частности, акмеистов), лейтмотивом которых является путешествие: раскрыт синтез приемов различных литературно-художественных направлений, описаны жанровые особенности, обнаружены индивидуальные и национальные нарративные стратегии, определены сюжетно-образные взаимовлияния.

Ключевые слова: интертекстуальность, жанр путешествия, нарратив, сюжет, лейтмотив, акмеизм.

Abstract. This article reveals the intertextual aspect of both the Western European poetry and the works by the Russian Silver Age poets (specifically the Acmeists) which have journey as their leitmotif – uncovers the synthesis of different literary and artistic movements, describes the genre features, shows both individual and national narrative strategies, defines the interconnections between the story and the images.

Key words: intertextuality, genre of journey, narrative, story, leitmotif, acmeism.

E-mail: i_golovchenko@yahoo.com

Одно из ключевых значений художественной литературы заключается в том, что она способна раздвигать границы и позволять читателю переноситься из эпохи в эпоху, преодолевать любые расстояния и иногда становиться свидетелем самых невероятных событий. Литературное произведение благодаря слову дает возможность испытывать чувство пространства, организованного по образу путешествия (как реального, так и воображаемого) даже за пределы человеческого мышления. «Слово способно путешествовать: это важное свойство – оно открывает для нас пространство, рассказывая о нем, возводя, раздвигая его в нашем воображении» [2, с.2].

Литературоведы в последние десятилетия (А.М. Эткинд, Е.Р. Пономарев и др.) предлагают при определении жанра путешествий опираться на термин «травелог», хотя отмечают, что «во-первых, до сих пор нет четкого представления о природе и границах литературы путешествий, следовательно, нет и однозначного определения феномена путешествий – исследователи предлагают все новые решения проблемы; во-вторых, с введением в научный оборот нового материала (а литература путешествий необозрима) появляются новые методы исследования» [12].

В истории мировой литературы мотив странствия – довольно распространенный, тема путешествия – ведущая и в лирике русских акмеистов (А. Ахматова, В. Зенкевич С. Городецкий, Н. Гумилев, О. Мандельштам, В. Нарбут), творчество которых, в соответствии с их принципами, не было ограничено ни пространством, ни временем. До настоящего времени особое внимание любителей поэзии по-прежнему привлекают странствия, описанные поэтами Серебряного века, которые интересны тем, что в свое время вступали в творческую переключку с западноевропейскими авторами, по-своему осмысливали и изображали известные сюжеты. Так, О. Мандельштам совершает в своих произведениях

литературные путешествия к любимым авторам – А. Данте, Овидию, Ф. Вийону. В творческий диалог со многими поэтами Европы вступают также стихи Мандельштама о Риме и Париже или циклы Гумилева об Африке и Италии.

Вместе с тем Гумилев, основатель акмеизма, в статье «Наследие символизма и акмеизм» (1913 г.) вполне осознанно подчеркивает: «Ощущая себя явлениями среди явлений, мы становимся причастны мировому ритму, принимаем все воздействия на нас и в свою очередь воздействуем сами» [4]. Он признает, что всякое литературно-художественное направление отдает предпочтение «тем или иным творцам или эпохам... В кругах, близких к акмеизму, чаще всего произносятся имена Шекспира, Рабле, Виллона и Теофиля Готье» [4]. Для Гумилева важно, что среди произведений, например, Готье видное место «занимают его «Путешествия». Италия, Испания, Россия, Константинополь, Восток ожили в них с их природой, искусством, памятниками, со всеми запахами и красками» [6]. Он имел основание делать такие заявления, поскольку был обстоятельно знаком с западноевропейской и, в частности, с французской поэзией, чему способствовало и его обучение в Сорбонне (в 1906-1908 годах он пробыл в Париже в общей сложности девятнадцать месяцев).

О Гумилеве и модернистах первого десятилетия XX века Н. Оцуп пишет: «Модернисты открывают новую Европу. Их привлекает прежде всего Франция, но они также чувствительны к чарам Азии, Африки, Дальнего Востока, древних исторических и даже доисторических времен... В то время как мэтры модернизма ограничивались кабинетными путешествиями в историю и географию народов... Гумилев лелеял мечту посетить далекие страны, увидеть собственными глазами другую природу, другие костюмы и цвета, слушать песни и молитвы диких племен» [11, с. 25].

Тема путешествия всегда была для Гумилева одной из главных форм самовыражения. Его художественный мир наполнен движением, описанием морских и сухопутных странствий, реальных и воображаемых перемещений

по миру. Исследователи его творчества закономерно подчеркивают: «Гумилев – поэт географии... Вселенную воспринимает он как живую карту, где «пути земные сетью жил, розой вен Творец расположил» [1] или «Географический код – один из наиболее значимых для текстов поэта» [13, с. 12]. Он постоянно стремился служить Музе Дальних Странствий, неслучайно отмечается, что Гумилев «принадлежит к династии Колумба, и вольной душе его родственны капитаны каравелл, летучие голландцы, Синдбады-Мореходы и все, „кто дерзает, кто хочет, кто ищет, кому опостытели страны отцов“» [1]. Интересно, что учитель Гумилева, основоположник символизма В.Я. Брюсов, пишет: «страна Н. Гумилева это – какой-то остров, где-то за „водоворотами“ и „клокочущими пенами океана“» [7: с. 360]. Вяч. И. Иванов, образно называя Гумилева, по аналогии с его героем, «конквистадором „изысканных“ Голконд», выделяет способность автора так смешивать «мечту и жизнь, что совершенное им одинокое путешествие... в Африку немногим отличается от задуманного – в Китай – в сообществе с мэтром Рабле, а встреча с Летучим Голландцем из поэмы «Капитаны» удивила бы его... быть может, не более, чем живописное общество портовой таверны из той же... поэмы» [7: с. 364].

Обращение Гумилева к западноевропейской поэзии, аллюзии и реминисценции, позволяющие выявлять в его сочинениях элементы художественной системы французских, английских и др. авторов, в особенности связанных с тематикой странствий, позволяет говорить, употребляя современную терминологию, об интертекстуальности Гумилева и специфике его когнитивно-концептуальных интерпретаций текстов иноязычных авторов. Имеются многочисленные свидетельства о том, что Гумилеву было широко известно творчество Бодлера, Верлена, Малларме, Рембо (перевод стихотворения которого «Гласные» принадлежит Гумилеву), некоторым из них он посвящал свои работы «Леопарди. набросок» [5] или «Теофиль Готье» [6].

Обширные темы для лирических повествований дают Гумилеву его впечатления от многочисленных путешествий по Италии, поездок в Абиссинию и Центральную Африку. Различные известные Гумилеву литературные и сочиняемые им самим сюжеты для изображения пути, движения всегда имеют оттенок морских странствий, причем странствий постоянных, одновременно и радостных и трагических, потому что для поэта судьба Летучего Голландца является весьма притягательной.. Он описывает скалы Принцевых Островов, изображает горизонты движения парохода «меж Стамбулом и Скутари», героев располагает на палубе, меж небом и водой; придавая дороге странствий космический объем:

В море просветы янтаря
И кровавых кораллов лес,
Иль то розовая заря
Утонула, сойдя с небес?

Романтический образ «утонувшей» в волнах зари как бы объединяет в одно целое небесное и морское пространства, а, кроме того, отражает атмосферу поиска чего-то неизведанного

Действительно, ценность поэтического своеобразия таких, к примеру, его «африканских» стихотворений, как «Жираф», «Носорог», «Озеро Чад» и др., заключается, конечно, не в экзотических «декорациях», а в нетрадиционных воплощениях автором оригинальных сюжетных ходов, непривычных персонажей и концептуальных образов, зарисовок незнакомых пейзажей, дающих основание исследователям утверждать, что у Гумилева «морская бездна» и «пучина» – часто используемые для описания кораблей-призраков поэтические образы, грозящие гибелью и воплощающие разрушение судна.

Так, в сонете «Нас было пять... Мы были капитаны» судьба гумилевских героев практически приравнивается к судьбе матросов из знаменитого стихотворении А. Рембо «Пьяный корабль», но повествователь у Гумилева (микроцикл «Капитаны» из сборника «Жемчуга») находится

одновременно как бы на двух позициях: он соотносит себя и с капитанами («Нам нравились зияющие раны, / и зарева, и жалкий треск снастей. / Наш взор пленял туманное ненастье, / Что можно видеть, / Но понять нельзя»), и с их жертвами, которых называет «искателями неведомого счастья». Автор рассказывает о жизненной силе капитанов, об их бесстрашии, ловкости, мужестве – в этом плане они подобны экипажу легендарного Летучего Голландца, но они намного сильнее его прежде всего потому, что рискуют жизнью для победы. Поэт утверждает такую мысль с помощью прямо поставленного перед читателем вопроса:

Разве трусам даны эти руки,
Этот острый, уверенный взгляд,
Что умеет на вражки фелуки
Неожиданно бросить фрегат,
Меткой пулей, острогой железной
Настигать исполинских китов
И приметить в ночи многозвездной
Охранительный свет маяков?

Вполне очевидно, что в данном случае ожидание маяков – черта капитанов реальных, но не призрачных кораблей. Согласно легенде и ее обработке в литературе, Летучий Голландец не может приблизиться к берегу и блуждает по морям вдали от портов. У А. Рембо корабль, оставленный матросами, также становится призраком. И хотя морская тема у Гумилева во многом ориентирована на «Пьяный корабль», однако нарисованная им картина наполнена подлинными живописными образами

На полярных морях и на южных,
По изгибам зеленых зыбей,
Меж базальтовых скал и жемчужных
Шелестят паруса кораблей

Такие корабли отправляются в странствия потому, что не могут без движения, они мечтают открывать новые миры, «как будто не все пересчитаны

звезды, / Как будто наш мир не открыт до конца», и, кажется, «в мире, как прежде, есть страны, / Куда не ступала людская нога»..

Специфический материал дает сравнительный анализ стихотворений Бодлера и Гумилёва – «Приглашение к путешествию» и «Приглашение в путешествие». Данную тему кратко рассматривал Вяч. Вс. Иванов [8. с. 27], высказавший предположение, что Гумилёв в период написания стихотворения находился под влиянием Бодлера, но П. Лукницкий уточняет, что, «...несмотря на увлечение...прославленными французскими символистами (Бодлером, Ренье, Верленом, Рембо), Гумилёва тянуло прочь от мистических туманов модернизма» [10]. Объединяет Бодлера и Гумилёва то, что их лирические герои ищут уединения, покоя. Фактически самого путешествия не описал ни один, ни другой автор, что весьма точно определено гумилеведом Е. Куликовой: «Бодлер называет своё стихотворение «Приглашение к путешествию», хотя путешествия как такового здесь нет вовсе; *voyage* – это процесс мечты, способ, с помощью которого из реальности можно соскользнуть в необыкновенный мир» [9].

Подобный способ Гумилев использует в стихотворении «Венеция», в котором необычное применение итальянских «персонажных масок» путника позволяет создать эффект воображаемой ночной прогулки по незнакомому, но знаменитому городу и вызвать видимость проникновения в загадочный мир «венетских зеркал», которые выполняют функции театральных декораций, обрамляющих мистический сюжет текста.

Стоит упомянуть стихотворение Гумилева «Сентиментальное путешествие», которое является прямой отсылкой к роману Л. Стерна, хотя никаких пересечений, кроме одинакового названия, между их текстами не существует. Гумилев нарисовал воображаемое путешествие по южным морям, вводящее читателя в мир новых пространств (Стамбул и Скутари, Принцессы Острова, Афины, Порт-Саид, Крит и Родос), но на самом деле оно оборачивается творческим сновидением, сосредоточенным на морском путешествии лирического героя и его возлюбленной, любующихся неповторимыми открывающимися перед ними пейзажами. В стихотворении, отталкиваясь от

значащего в истории мировой литературы романа, автор, творец, мечтатель, путешественник, создал неповторимый мир экзотических фантазий.

Таким образом, даже краткое сравнительное рассмотрение поэтических произведений западноевропейских авторов и представителей Серебряного века (акмеистов) позволяет сделать вывод, что их лейтмотивом в конце XIX-начале XX столетий является путешествие, позволяющее выявить интертекстуальные связи и занимающее в равной степени романтиков, символистов, модернистов, акмеистов, обращающихся к самым различным жанровым формам (стихотворение, баллада, легенда, сонет, песня, поэма) и нарративным стратегиям, включающим сюжетно-образные механизмы когнитивно-концептуальной парадигмы повествования.

Список литературы

1. Айхенвальд Ю.И. Гумилёв URL: http://www.knigolubi.ru/russian_classic/ayhenvald_yui/gumilev.188/?page=1 (дата обращения: 17.11.2016)
2. Балдин А.Н. Протяжение точки: Литературные путешествия. Карамзин и Пушкин. М.: Эксмо, 2009: Всего 576 с.
3. Брюсов В.Я. Н. Гумилев. Жемчуга // Н.С. Гумилев: Pro et contra. Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб.: РХГИ, 2000, с. 359-361.
4. Гумилев Н. Наследие символизма и акмеизм URL: <https://gumilev.ru/clauses/2/> (дата обращения: 22.11.2016)
5. Гумилев Н. Леопарди. набросок // Дружба народов, 1986, №12, с.183 URL: <https://gumilev.ru/verses/562/> (дата обращения: 24.11.2016)
6. Гумилев Н. Теофиль Готье URL: <https://gumilev.ru/clauses/53/> (дата обращения: 14.11.2016)
7. Иванов Вяч. Вс. Жемчуга Н.Г. Гумилева // Н.С. Гумилев: Pro et contra Личность и творчество Николая Гумилева в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб.:РХГИ, 2000, с.362-366.

8. Иванов Вяч. Вс. Звёздная вспышка // Гумилёв Н.С. Стихи. Письма о русской поэзии. Москва : «Художественная литература», 1990. 335 с.

9. Куликова Е.Ю. «Приглашение в путешествие Пушкина, Бодлера и Гумилёва». — Николай Гумилёв: эл. собр. Соч. URL: <https://gumilev.ru/about/145/> (дата обращения: 24.11.2016)

10. Лукницкий П.Н. Труды и дни Н.С. Гумилёва. URL: http://www.lib.ru/CULTURE/LITSTUDY/LUKNICKAYA/tri_sensacii.pdf (дата обращения: 14.11.2016)

11. Оцуп Н.А. Николай Гумилев. Жизнь и творчество. СПб.: Изд-во «Логос», 1995: 200 с

12. Пономарев Е.Р. Типология советского путешествия. «Путешествие на Запад» в русской литературе 1920-х–1930-х гг. Дисс. ... д.ф.н. СПб, 2014. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/5866275/> (дата обращения: 24.11.2016)

13. Раскина Е.Ю. Поэтическая география Н.С. Гумилева. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2006. 164 с.

УДК 821. 161.1

НАЧАЛО ВЕКА: «ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЗРЕНИЕ»

БОРИСА ЗАЙЦЕВА

*М.С. Заяц, магистрант Башкирского государственного университета,
г. Тирасполь, Приднестровье*

**THE BEGINNING OF THE CENTURY: “ARTISTIC SIGHT” OF
BORIS ZAYTSEV**

*M.S. Zayats, Master student of the State University of Bashkiria, Tiraspol,
Transdnistria*

Аннотация: В статье рассматривается творческий путь русского писателя Серебряного века Бориса Зайцева, который золотыми буквами вписал свою личность в классическое наследие русской литературы. Мироощущение Бориса Зайцева пронизано

глубинными пластами православной цивилизации, которая своеобразно преломляясь и переплетаясь, вошла в творческий код русской литературы XX столетия.

Ключевые слова: «художественное зрение», Серебряный век, порубежная эпоха, духоводитель.

Abstract: This article examines the creative path of the Russian writer of the Silver Age, Boris Zaytsev, whose person is inscribed with golden letters in classical heritage of Russian literature. Deep layers of the Russian Orthodox civilization are woven into worldview of Boris Zaytsev. This civilization with all its peculiar features became the essential integral part of Russian literature of the 20th century.

Key words: “artistic sight”, the Silver Age, border era, spiritual leader.

E-mail: smz67@mail.ru

Конец XIX – начало XX века характеризуется необыкновенным культурным подъемом, который Бердяев называл «русским Ренессансом». Это было время бурного расцвета живописи, музыки, литературы. Появляются новые стили, новые формы; художественные поиски художников, композиторов и писателей определялись главной чертой изобразить противоречивый характер времени, найти ответы на многочисленные вопросы современности.

Не всегда учитывается, что рубеж веков явился именно рубежом: он и разделил, и прочно связал два разных периода в истории искусства. Обновляются, преобразуются буквально все виды художественного творчества.

Вместе с тем отчетливо прослеживаются в искусстве конца XIX - начала XX века традиции литературы предшествующего столетия; и так же отчетливо обнаруживаются традиции, выработанные передовыми литераторами этого периода, уже в литературе советской эпохи и литературе русского зарубежья.

Конкретно-историческое неразрывно и наглядно слито здесь с общечеловеческим, обнажено-социальное – с постоянным, вечным, «временным». Это была литература предреволюционной и революционной

эпохи, оказавшаяся на гребне социальных потрясений всемирно-исторического значения. И неудивительно, что и сама личность – и как писательская индивидуальность, и как «герой» литературы – становилась и иной, более динамичной, более восприимчивой эмоционально, уже полностью ощутившей себя втянутой в круговращение исторической жизни. Интерес к искусству конца XIX начала XX века в последние годы резко возрос.

Мы извлекаем из незаслуженного забвения имена и литературные группировки; восстанавливаем в правах эпизоды литературной жизни, еще в недавнем прошлом не слишком привлекавшие наше внимание Искусство рубежа XIX и XX столетий обрисовывается перед нами во всей неоднозначной совокупности своей проблематики и творческих исканий.

Мы начинаем понимать, что именно совокупность проблем, фактов личной и литературной жизни, перипетий литературной борьбы и создает то неповторимо сложное своеобразие, которое выявила и продемонстрировала перед всем миром русская литература в эти два ответственные и бурные десятилетия.

Явившись завершением большого литературного периода, истоки которого уходят в пушкинскую эпоху, она вместе с тем заложила основы нового этапа в истории русской литературы.

Это был период обновления самых разных видов и жанров художественного творчества, период рождения новых форм, выработки «нового художественного зрения», как говорил Ю. Тынянов применительно к переходным эпохам.

Это была литература рубежа – и веков, и исторических эпох. Она стала соединительным звеном между ними и одновременно водоразделом, чем в значительной мере и были обусловлены ее особенности и ее признаки.

Не два разных периода одной исторической эпохи лежат по обе стороны ее, а именно две эпохи, мало, в чем похожие друг на друга.

Выработка новых эстетических программ происходила на фоне, а в ряде случаев в прямом соприкосновении с творчеством Льва Толстого, В.Г. Короленко, А.П. Чехова – писателей, прочно связанных по методу творчества с литературой критического реализма.

Переходный, кризисный характер искусства рубежа веков, проявлял себя в самых разных аспектах.

Один из наиболее существенных – острота идейной и эстетической борьбы, резкое углубление противоречий во взглядах на искусство и его назначение, несхожесть эстетических программ.

С другой стороны, не менее отчетливо вырисовывается и иная особенность литературы рубежа веков – ее переходный, пограничный характер.

Ощущая свою прочную связь с искусством предшествующего столетия, широко используя мотивы, темы, образы прошлого либо, напротив, вступая в полемику с ним и отталкиваясь от предлагаемых им решений, литература рубежа веков в каких-то важных своих тенденциях продолжала жить и в послереволюционном творчестве художников перешедших рубеж 1917 года (например, И. Бунина, И. Шмелева, Б. Зайцева), где темы, проблемы, образы русской предреволюционной жизни продолжали составлять главное в самом содержании творчества.

Именно в эти годы формируется восприятие истории как непрерывного движения, постоянного преобразования не только внешних форм жизни, но и категорий сознания (мироощущения, «мирочувствования»).

Человек в начале XX века мыслил гораздо более широкими, но и менее нормативными категориями, нежели писатели предшествующего столетия.

Уход из жизни в конце столетия корифеев литературы XX века – Н. Некрасова, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.А. Фета, – выдвижение писателей, вступивших на литературное поприще

во второй половине или в конце века – В.М. Гаршина, В.Г. Короленко, А.П. Чехова и других, – привело к качественным изменениям.

Наиболее злободневной и острой в этот период является проблема отношения человека к среде. Что есть человек? Жертва? Если жертва, то во имя чего? Если деятель, то разрушитель или созидатель?

Окружающая человека среда, на развенчание которой потратили столько сил и таланта художники XIX века, перестает быть собственно средой, показателем застойности, консервативности.

Она приобретает черты податливой массы, из которой можно моделировать нечто новое.

Именно в такую среду погружен Человек, и его поведение в ней волнует писателя.

Вместе с тем писателя начинает волновать извечная проблема искусства: проблема идеального существования личности и ее реального бытия. Еще острее, чем в XIX веке в этой связи звучит мысль о том, что общество ненормально, оно увечит личность.

Таково общество, представленное, например, в пьесе Горького «На дне».

Во многом определила развитие в будущем литературы и философии XX века проблема ожидания потрясений, изменения облика мира и нужно отметить, что творческое чутье не изменило – потрясения не заставили себя ждать. Одни их приветствовали, другие в ужасе отшатнулись.

Желание писателей дать художественно-философский анализ движения времени выявляло еще одну характерную для литературы рубежа веков проблему – проблему пути. Причем если в произведениях прозаиков реалистического направления проблема пути получала объективизированное разрешение через создание типичных характеров, то в поэзии выдвинулся лирический план.

Итак, свойственная эпохе неразделимая связь творчества и личной судьбы выразилась во множестве художественных шедевров. Этот период русской литературы принято называть «Серебряным веком».

Принципам рационального познания мира и его законов противопоставляется иррационализм. В поисках духовного обновления общества возникают религиозно-философские общества и собрания, в которых интеллигенты, ученые, писатели вместе с представителями духовенства обсуждают проблемы современного духовного сознания общества, пути модернизации традиционной религии. Проповедуется «новое религиозное сознание».

Важнейшей особенностью времени становится сближение философии и литературы в осмыслении роли духовного начала в жизни общества. Наступление новой эпохи в жизни русского общества признается представителями самых различных идейных и художественных течений. Подъем общественных и духовных интересов, который начался с середины 90-х годов и проявился в области философии, литературы, изобразительных искусств, музыки, театра, балета, позволил современникам говорить о «духовном возрождении» России, о наступившем «серебряном веке» русской культуры. С тех пор, начиная с Н. Бердяева, во многих историко-литературных работах термином «Серебряный век» стали обозначать время рубежа веков и начала XX столетия.

Творчество писателей «Серебряного века» во многом оказало воздействие на развитие русской литературы XX столетия. В русском зарубежье оно стало классическим периодом эмигрантской русской литературы нашего века. Влияние традиции творчества этих писателей (особенно 1920-х годов). И в России, и в зарубежье продолжались поиски новых жанровых форм, новых стилевых систем, новых способов построения художественного образа.

Несмотря на мировоззренческие различия двух «потоков» русской литературы, двух литературных процессов – в России и в Зарубежье –

направление освоения художественных традиций «Серебряного века» было общим, единым, как общей была для всех русских писателей мысль о судьбах России, ее будущем, об отношении интеллигенции и революции, интеллигенции и народа.

Писатели в России и в зарубежье могли впасть в идеологические крайности, мировоззренческую непримиримость.

Иначе и не могло быть. Все они были людьми трудного, трагического времени, характер которого определял и идеологические и групповые противоречия.

Одной из центральных фигур описываемого периода был, безусловно, Борис Зайцев, сумевший в своем творчестве совместить субъективное и объективное, рациональное и иррациональное. Его «художественное зрение» было глубоко реалистическим, но в то же время знаем Бориса Зайцева как писателя глубоко религиозного, оставившего заметный след в литературе житийной. Собственно, только так можно признать его проникновенное повествование о жизни преп. Сергия Радонежского, его глубокие наблюдения о монашеской жизни Валаамской обители и потрясающие свидетельства духовной жизни святогорцев святого Афона, который для Бориса Зайцева был духовной крепостью. Вот, что он сам писал: «... Афон предстает в своем вековом и благосклонном величии. Тысячелетнее монашеское царство! Напрасно думают, что оно сурово, даже грозно. Афон – сила, и сила охранительная, смысл его есть «пребывание», а не движение. Афон созерцает, а не кипит и рвется, - это верно. Но он полон христианского благоухания, то есть милости, а не закона, любви, а не угрозы. Афон не мрачен, он светел, ибо олюблен, одухотворен» [2, с.456].

К этому «художественному зрению» необходимо было прийти. В этом ему помог его великий учитель А.П. Чехов, жизнь и творчество которого Борис Зайцев будет ставить себе в пример. Чеховский взгляд поражал искренностью беспощадностью, нетерпимостью к пошлости и филистерству. Иной, прочитав чеховские рассказы, хочет застрелиться, Зайцев же видит

путь, путь к преображению, к покаянию. Русская смута не уничтожает его духовное «я», наоборот, вспомнив жуткое время преп. Сергия, он призывает выйти из состояния раздробленности и растроянности, к внутреннему покаянию и сосредоточенности.

Русскому обществу начала века явно не хватало внутреннего собирания смыслов. Зачастую фундаментальные смыслы терялись в деталях, в которых орудовал «лукавый». На борьбу с ним и встал Борис Зайцев, осознавший, что победа заключена в сердечной простоте и любви, что он тоже почерпнул в монашеской обители св. Афона. «Простота и доброта, а не сумрачное отчуждение, – вот стиль афонский, и недаром тысячи паломников перебивали в этих приветливых местах» [2, с.456].

Простоты и любви искал русский писатель. И разве это не продолжение великой классической традиции, так близкой творческому пути Бориса Зайцева? Русская литература в лице Ивана Бунина, Ивана Шмелева, Бориса Зайцева продолжили глубоко личностный и религиозно-философский путь, совместив в своем творчестве традиции И.С. Тургенева, Льва Толстого и А.П. Чехова, к биографиям которых они обращались, видя в них путеводных звезд, на которые необходимо ориентироваться. Б.К. Зайцеву помогало то, что он, начиная свой творческий путь не столько религиозным писателем, сколько во всем сомневающимся интеллигентом, в середине своего творческого пути становится человеком православной церковной традиции.

«Вся деятельность русского мыслителя буквально пронизана православным мироощущением. В своем творчестве, как и жизненном пути, Зайцев совершает «вечное возвращение» (выражение Ф.Ницше), мир его литературных героев вступают в область нравственного выбора, без которого невозможно формирование личности. В романе «Дом в Пасси» (1935) воссоздана жизнь русского зарубежья во Франции. Трагические судьбы русских эмигрантов, выходцев из различных слоев общества, объединяет мотив «просветляющего страдания». Центральный персонаж романа —

монах Мельхиседек, подвизающийся в миру, видимо, подсмотренный писателем во время его паломнических путешествий. Он воплощает православный взгляд на мир, на происходящие вокруг события, на проблему зла и добра, страдания и ненависти, сострадания и отчуждения. Смысл жизни, по Мельхиседеку, в таинственной справедливости суда Божьего, который все устроит хорошо. Только надо верить своему Отцу Небесному и любить Его, несмотря на все превратности судьбы» [1, с. 38].

Движение к Богу спасительно не только для конкретной личности как таковой, но и для русской литературы, служению которой посвятил свою жизнь и творческий путь Борис Константинович Зайцев.

В то время, когда в советской литературе происходило выхолащивание духовной жизни из творческих биографий писателей и поэтов, Борис Зайцев возрождает православный взгляд на русскую классическую литературу, предлагая в классиках видеть в первую очередь духоводителей, потому что, действительно, как сказал Евгений Евтушенко, поэт в России больше, чем поэт. Творческая личность для Зайцева олицетворяет человека, преображающего и возрождающего действительность, окружающую нас.

Поэтому так важно творчество Б.К. Зайцева, который на современном этапе становится актуальным, призывающим к духовной сосредоточенности, находясь в которой, возможно, определить путь в непростую порубежную эпоху.

Список литературы

1. Заяц С.М. Борис Зайцев как лик Серебряного века в контексте русской православной традиции // *Русский язык и литература для школьников*. 2014. – № 8. – С. 32– 39.

2. *Старец Силуан. Жизнь и поучения*. – М.: Воскресение, 1991. – 464 с.

УДК 821. 161.1

ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

*С.М. Заяц, Приднестровский государственный университет
г. Тирасполь, Приднестровье*

THE PECULIARITIES OF RELATIONS OF LITERATURE AND REALITY

*S.M. Zayats, Transdnestrrian State University,
Tiraspol, Transdnestrria*

Аннотация: В статье рассматривается глубокая связь художественной литературы и реальной действительности, что представляет собой общий жизненный процесс, в котором выявляются все грани бытия. Стороны действительности становятся продолжением художественных произведений, рождая, таким образом, новую реальность, способную влиять на историю общества и человека.

Ключевые слова: художественная литература, реальность бытия, созидатель и разрушитель, преображенная действительность

Abstract: The article examines the deep connection of belles-lettres and reality, this connection being the general process of life, which reveals all the sides of existence. The aspects of reality become a continuation of the works of art, thus creating a new reality, which is able to influence the history of society and an individual.

Key words: belles-lettres, reality of existence, creator and destroyer, transfigured reality

Отношения литературы и действительности разнообразны и многосторонни. Литература включена в целостное бытие человека, связана с реалиями, как прошедшего, так и настоящего, и будущего. Однако она не просто отражает действительность, но является особой формой познания и освоения жизненной и метафизической реальности. Можно сказать, что литература существует как некая «иная реальность». И творит эту реальность художник слова в соответствии с законами мироздания, открывая при этом

существенное в объективной и метафизической действительности. Таким образом, литература вносит в действительность новое содержание, добытое ее собственными средствами.

Естественно, что отношения литературы и действительности не заданы раз и навсегда, они создаются в каждую культурную эпоху индивидуально, в какой-то степени заново.

Например, пушкинский роман в стихах «Евгений Онегин» не просто энциклопедия народной жизни, по словам В.Г. Белинского, не точная фотография фактов реальной жизни русского общества 20-х годов XIX века, как это многим виделось. В романе была создана впервые в русской литературе, по мысли Е.В. Петровской, своя собственная реальность. С.Г. Бочаров в статье «Форма плана», посвященной отношениям литературы и действительности, по-новому складывающимся в «Евгении Онегине», показывает, что в этом романе воплотился момент самосознания литературы: она ощутила в себе возможности, равные творческой силе самой жизни. Именно потому герои пушкинского романа не просто подражают литературе, но, как замечает С.Г. Бочаров, «проживают» их своей жизнью. Мир романа существует в двойной реальности. Жизнь и роман существуют на равных правах, «действительность и ее изображение, совмещаемые в образе автора – реального лица с собственной биографией и вместе с тем – героя романа, друга Онегина; поэта, живущего в реальности и – творящего новую реальность в собственном сознании. Мир романа (авторское сознание) и действительность оказываются одинаково объективными, а отношения между ними свободными и равноправными, потому жизненные ситуации, подробности бытия в «Онегине» впервые видятся такими живыми» [6, с. 6].

Для осознания данной двойной реальности учителю литературы необходимо прибегнуть к пояснениям, которые носят также двойной характер. «Они могут быть текстуальными, то есть объяснять текст как таковой. Такое объяснение является необходимым условием любого читательского понимания произведения. Никто – не только исследователь

или преподаватель, но и простой читатель – не имеет права претендовать на сколь-либо полное понимание произведения, если ограничился той степенью проникновения в текст, которая обеспечивается знанием русского языка и здравым смыслом, и пренебрег расшифровкой намеков, обнаружением скрытых цитат и реминисценций, если не знает реалий быта, не чувствует стилистической игры автора.

Другой вид пояснения – концепционный. Здесь, опираясь на понимание текста, исследователь дает разного рода интерпретации: Историко-литературные, стилистические, философские и др.» [3, с. 6-7]. Выявив способы пояснения, следует понять, как достигается эффект жизнеподобия в пушкинском тексте. Для этого необходимо обратиться к письмам Онегина и Татьяны, черновому дневнику Евгения Онегина, сопоставляя роман в стихах с дневниками и письмами людей пушкинской эпохи, самого Пушкина. Такие сопоставления не только расширят кругозор читателя, но и позволят услышать живые голоса давно ушедшего времени.

Но, услышав голоса эпохи, чтобы не допустить синкретизма в понимании, необходимо студенческой аудитории дать четкое определение тексту как литературному факту. А.И. Горшков в учебнике «Русская словесность» предлагает семь признаков, по которым определяется текст: 1) выраженность, 2) упорядоченность, 3) завершенность, 4) содержательность, или информативность, 5) соотносимость с одним из жанров художественной или нехудожественной словесности, 6) отграниченность и 7) воспроизводимость.

Согласно А.И. Горшкову, «текст – это выраженное в письменной или устной форме упорядоченное и завершенное словесное целое, заключающее в себе определенное содержание, соотносимое с одним из жанров художественной или нехудожественной словесности, отграниченное от других подобных целых и в случае необходимости воспроизводимое в том же виде» [2, с. 69].

Уместной видится мысль Ю.М. Лотмана о том, что любой текст выступает не просто как источник информации, но как ее возбудитель. С одной стороны, он формирует определенные эстетические ценности, с другой – их разрушает. «В исторической поэтике считается установленным, что есть два типа искусства... Один тип искусства ориентирован на канонические системы («ритуализованное искусство», «искусство эстетики тождества»), другой – на нарушение канонов, на нарушение заранее предписанных норм. Во втором случае эстетические ценности возникают не в результате выполнения норматива, а как следствие его нарушений» [4, с. 436-437].

В какой-то степени пушкинский роман в стихах выступает и как новаторское произведение, и – продолжение литературных традиций, то есть и разрушитель, и созидатель.

Начинать же анализ «Евгения Онегина» целесообразно с эпиграфа к роману. Эпиграф представляет собой отрывок из частного письма. Автор цитирует обрывок нечаянно услышанного светского разговора, короткое мнение о ком-то, подобном Онегину. Очевидно, что эпистолярный разговор – небольшая часть жизни, но показывающая уровень быта обитателей света. Автор, таким образом, подчеркивает ориентацию своего повествования на окружающую его действительность, на частную жизнь. Однако частное письмо, отрывок живого разговора в действительности не имел места, они сочинены автором, как и сам роман. Но мы верим Пушкину, настолько правдиво и непосредственно передан стиль эпохи, пересекая литературный факт и реальную жизнь.

«Евгений Онегин» – по жанру представляет собой роман, но в то же время и – дружеское письмо, эпистолярное обращение автора к читателю. Поэтому закономерно появление в ткани романа реальных исторических персонажей, друзей Пушкина, – Каверина, Вяземского, Чаадаева, выступившие в произведении не только как друзья, но и как романские герои.

Письма Пушкина и его друзей создают на уроке удивительную атмосферу доверительности. В романе, как и в письмах, о серьезном рассуждают в шутливом тоне. В этом уникальность Александровской эпохи, когда происходило действие романа. По словам Е.В. Петровской, для писем людей пушкинского круга характерны свобода общения и свобода размышления и воспоминания, легкость перехода с предмета на предмет: серьезные литературные замечания перемежаются шутками по поводу быта, комментарии творческого процесса сменяются анекдотом, пародией. Не случайно Пушкин настаивает на особом, свободном характере своего романа: в нем присутствует свобода письма, или разговора (в письме от 30 ноября 1825 г. Александр Сергеевич советует А. Бестужеву: «Возьмись-ка за целый роман и пиши его со всей свободой разговора или письма»).

Интересно, что Онегин, этот литературный персонаж, становится реальным героем в дружеском кругу Пушкина. «Что делает мой приятель Онегин? Послал бы я ему поклон с почтением, но он на все это плевать хотел: жаль, а впрочем малый не дурак», – пишет Пушкину Павел Катенин. Он же продолжает игру, которая становится частью реальной жизни, в другом письме: «Я... с отменным удовольствием проглотил г-на Евгения (как по отчеству?) Онегина». Вяземский спрашивает Пушкина в письме 1826 г. из Ревеля: «Что ты подделываешь? Что твой аневризм и твоя трагедия? Твой Опочек и твой Евгений?»

Интересно, что рядом с вымышленным Онегиным сосуществует в письмах Вяземского к Пушкину Евгений реальный, известный поэт Баратынский. И судьба каждого из них пересекается в реальной действительности, в сознании читателей, творя своеобразную мифологическую историю, в которой правда пересекается с вымыслом. Примечательно, что и Катенин, и Вяземский, и Баратынский – поэты, осознающие себя частью русской литературы. Письма – литературный факт, жанр, и поэты пушкинской поры прекрасно об этом помнили; но это и факт жизни. Можно сказать, что они намеренно сталкивали литературу и жизнь,

искусство и бытовые реалии, поэтику и то, что вне литературы.

Такой же, но обратный процесс наблюдаем в пушкинском романе в стихах. Пушкинская Татьяна признание в любви произносила на языке французских эпистолярных романов, при этом считая свое послание абсолютно своим. Романное действие реально воздействовало на героев пушкинской поры. Анна Оленина, увлечение Пушкина в 1828 г., задумав рассказать в личном дневнике о своем любовном увлечении Пушкиным и Киселевым, фактически создает роман о романе, чувствуя себя не только автором, но и героем художественного произведения (пишет о себе в третьем лице). Однако в ее дневнике жизнь не поглощается литературой. Таким образом, можно говорить о сосуществовании двух планов бытия, где у каждого плана своя определенная граница. Это уже более характерно для николаевской эпохи, после известных событий, произошедших 14 декабря 1825 г.

В «Онегине» я главных героев закреплено в документах: Онегин и Татьяна выражают себя в переписке друг к другу. Письма эти как бы служат доказательством реальности героев. Но при этом биографии персонажей нам практически неизвестны. Обе эпистолярные исповеди литературны, они из европейской литературной традиции.

В то же время в дневнике Онегина (имеется в виду черновик романа) перед нами предстает герой, пребывающий наедине с собой. Татьяна, найдя в усадьбе тайную исповедь Евгения, дала нам право думать, что дневник не столько явление литературы, сколько жизни. Дневник представляет собой слепок жизни героя пушкинской эпохи. Онегинская исповедь по характеру и своему составу напоминает дневник реального человека, современника поэта, А.Н. Вульфа, соседа Пушкина по Михайловскому (он был сын П.А. Осиповой, помещицы Тригорского, приятель Александра Сергеевича и адресат его дружеских посланий).

Характерно, что Пушкин не дал ходу своему черновому замыслу, его герой приглашается в игру, «вынесение приговора» автор своему персонажу

не произносит, наоборот, пытается защитить, как друга и приятеля. Своего героя поэт помещает в пантеон, где сосуществуют герои и реальные лица одновременно («второй Чадаев, мой Евгений»).

Для более точного понимания пушкинских героев необходимо внимательное прочтение авторских черновых записей. Именно в них приходит понимание, что Онегин не столько пародия, сколько маска:

[Наскуча] слыть или Мельмотом,
Иль маской щеголять иной,
Проснулся раз он Патриотом
В Notel de Lohdres, что в Морской.
Россия [мирная] мгновенно
Ему понравилась отменно...

Перед нами маска, но эта маска тот же «гарольдовый плащ» – в русском варианте. Смена масок – вопрос для Онегина принципиальный. Это своеобразный вызов свету, глупой посредственности и пошлости. Но игра в маски лишает главного героя – искренности и исповедальности. Исповедь возможна только в дневнике (кстати, размышления о дневнике, исповеди очень близки молодому поколению).

В то же время дневник присутствует в романе в виде дневниковой лирической атмосферы, что роднит с эпистолярным жанром. Роман – «плод моих забав», прикреплен к минутам «моей» жизни, минутам «бессонниц», «легких вдохновений». «Онегин» писался Пушкиным отрывочно, поэтому можно говорить о «дневниковом слое» романа, по выражению С. Бочарова. Можно с уверенностью констатировать наличие автобиографических моментов: Лицей, южная ссылка, «утаенная любовь», Михайловское, Тригорское. Причем Пушкин не скрывает автобиографических зарисовок.

«Но биография в «Онегине» существует в системе романа и одновременно в системе лирики. Здесь мемуарное сплавлено с элегическим. В «Онегине» господствует принцип свободного, вольного, прихотливо переходящего с предмета на предмет воспоминания; он связан с поэтической темой,

объединяющей многие детали повествования, – темой уходящей молодости» [6, с. 12-13].

В первой главе, этом «быстром введении», по словам Пушкина, перед нами предстает юность Онегина, которая летит, но мгновенно «пролетает», как пролетает юность автора, юность читателя. Особо следует показать работу Пушкина с метафорой. Молодость – это «вино кометы», «лес зеленый». И тут же в тексте характерная для романа антитеза: юность – жар, пыл («повеса пылкий») и зрелость – холод, угасание («В обоих сердцах жар угас», «Погасший пепел уж не вспыхнет»). Символика жара и холода пронизывает весь роман. Достаточно вспомнить характеристики Ленского и Онегина («пламень» и «лед»); образ юной Татьяны дышит «жаром» молодости, но в восьмой главе Татьяна «крещенским холодом облита». Начиная с пятой главы, по мысли Петровской, контекст романа уравнивается с дящимся «контекстом» жизни – в самом повествовании есть уже не только настоящее, но обозначается и прошлое (автор возвращает читателя к первой главе романа – «Смотрите первую тетрадь»). Описывая в пятой бал в доме Лариных, Пушкин как бы идет по прежним следам. Праздник отправляет автора, героев и читателей в путешествие по воспоминаниям юной любви («Зизи, кристалл души моей, Предмет стихов моих невинных, Любви приманчивый фиал, Ты, от кого я пьян бывал»).

Таким образом, бал включен автором в символику юности, которой равны и «отступления»:

С изменой юности моей
Пора мне сделаться умней,
В делах и слоге поправляться,
И эту пятую тетрадь
От отступлений очищать.

В шестой главе наблюдаем победу холода над молодостью, над юной любовью. Именно в этой главе погибает Ленский, погибает мгновенно и легко:

Роняет молча пистолет,
На грудь кладет тихонько руку
И падает. Туманный взор
Изображает смерть, не муку.

Любопытно, что шестой главе предпослан эпитафия из Петрарки: «Там, где дни облачны и кратки, Родится пламя, которому умирать не больно». Уже здесь, в эпитафии, мотив мгновенности и быстротечности. Смерть Ленского связана с реальности зимы («труп оледенелый»). Холод смерти торжествует.

Именно в шестой главе завершается юность, и это завершение касается каждого конкретного человека, конкретного героя. Глава завершается строфами, где соединяются, встречаются все поэтические образы, связанные с «молодостью»: «легкость», «весна», «элегия», любовь, «пиры». Встречаются, чтобы навсегда уйти (воспоминание о юности еще раз возникнет в «Путешествии Онегина»). Характерно, что завершение юности остро чувствует не столько литературный герой, сколько сам автор. В 1829 году Пушкин пишет:

Ужель и впрямь и в самом деле
Без элегических затей
Весна моих промчалась дней
(Что я шутя твердил доселе)?
И ей ужель возврата нет?
Ужель мне скоро тридцать лет?

Перед нами не поэтическое я, скорее не лирический герой, но реальное я Александра Сергеевича Пушкина. И вот это я обнаженнее у Пушкина именно в литературе, в его лирике, его романе в стихах. В пушкинском романе находится то, что не допускается в автобиографический документ (в дневнике поэта фактически не увидим явлений внутренней жизни).

Пушкин был глубоко убежден, что дневники с их частной жизнью поэтов, нет необходимости публиковать. Он одобрял Мура, уничтожившего автобиографические «Записки» Байрона. Пушкин считал недопустимым, чтобы дневник поэта-романтика стал достоянием публики, потому что это разрушит

единство романтического авторского образа. «Поэту-романтику не нужна конкретная жизненная эмпирия, поскольку его поэзия основывается на идеальном образе личности, выстроенном и в жизни соответственно поэзии, на «единстве идеального искусства и идеальной жизни»» [3, с. 189]. Русский поэт утверждал новые реалистические принципы художественного воссоздания жизни, соединяя литературный план с реальной действительностью. Причем оба плана получают новые возможности, новые смыслы.

Пушкин мастерски использует личный опыт, включая его в общую систему произведения, «эмпирия индивидуальной судьбы всегда погружена в общие жизненные закономерности» [6, с. 13]. Когда в четвертой главе речь идет о причинах отказа Онегина Татьяне, личный житейский опыт героя («Он в первой юности своей Был жертвой бурных наслаждений»; «В красавиц он уж не влюблялся, А волочился как-нибудь» и т.д.) вплетается в общий опыт. Я вплетается в общее мы. Рядом с Онегиным оказывается и автор, и читатель. И разве не примеряем на себе халат будущего, которое могло быть уготовано нам, не случись печальной гибели Ленского.

В «Евгении Онегине» человек изображен во всем многообразии исторических закономерностей. И, когда в восьмой главе Онегин пытается возродить «жар» юности, то это оказывается невозможным, ибо противоречит всеобщему закону бытия. Метафорой поздней страсти Онегина является буря поздней осени, уже не способной по-весеннему к созиданию: она разрушительна и губительна. Человек в таком состоянии не способен даровать счастье и любовь. И Татьяна это внутренним чутьем угадывает, также подчиняясь всеобщему закону бытия. Этот вечный закон кроется для нее в безусловной верности мужу, в преданности святому браку, вне которого разрушение и смерть, что, кстати, не увидел наш великий критик В.Г. Белинский.

При изучении образа Онегина также важно понять, что он не совпадает ни с одной частной биографией, и уж тем более с авторской. Автор в отличие от своих героев способен избежать вечного закона бытия, ему не подвластен

«холод жизни». Во власти поэта – останавливать любое мгновение, он, словно примиряет на себя тогу Творца. Конечно, Пушкин помнит, что не он Творец, но, как поэт, – он носитель творческого вдохновения, творческой мощи, носитель памяти, которую хранит поэтическое слово:

Сердечной думы легкий след
Нам милы после многих лет
(черновой вариант XXVII строфы четвертой гл.)

Мотив молодости постоянно возвращается в лирике Пушкина. Его поэзия, ассоциируясь с молодостью, становится равной бессмертию («Быть может, в Лете не потонет Строфа, слагаемая мной»).

Поэзия – равна вечности, если человек не забывает об обыденном, как это не покажется парадоксальным. Можно с уверенностью сказать, что в пушкинском романе многое не только уходит, но и остается. Остается, благодаря поэзии, пирог «нетленный».

Можно сделать вывод, что частный человек в «Евгении Онегине», в принципе, не свободен от среды, подчинен всеобщему закону бытия. Поэт и его роман в стихах с жизнью находится в «иных» отношениях, в отношениях свободной игры, прогулки, по словам А.Д. Синявского. Но это возможно потому, что поэт вплетен в ткань конкретных, реальных событий, понимает язык действительности и творит новую художественную реальность на этом языке.

В «Онегине» мы видим погружение в реальную жизнь, и взлет над ней, наблюдение извне. Перед нами факт, но и фикция. Но именно в «Онегине» впервые в русской литературе искусство и реальная жизнь оказались в живых, подвижных отношениях, которые не могли быть определены раз и навсегда, а потому открывали самые многообразные возможности преобразования жизненного и художественного.

Итак, изучение литературного произведения, его анализ тесно связан с реальной действительностью, с нашей биографией, историческим опытом предыдущих и современных нам поколений.

Список литературы

1. Гинзбург Л.Я. О лирике. Л., 1974.
2. Горшков А.И. Русская словесность. – М.: Просвещение, 2000.
3. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. – Л.: Просвещение, 1980.
4. Лотман Ю.М. «Об искусстве» «Искусство – СПб», 1998.
5. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. М.: 1937. – 992 с.
6. Петровская Е.В. Художественная литература и жизненная реальность. М.: Просвещение, 1981.

УДК 82-14

СТИХОТВОРЕНИЕ М. ВОЛОШИНА «ПОЭТУ» В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИИ НОРМАТИВНЫХ ПОСЛАНИЙ

*Л.Г. Кихней, Институт международного права и экономики
имени А.С. Грибоедова, Москва, Россия*

*В.А. Гавриков, Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте российской Федерации, Брянский
филиал, Брянск, Россия*

VOLOSHIN'S POEM «TO POET» IN THE CONTEXT OF REGULATORY MESSAGES TRADITION

*L.G. Kihney, A.S. Griboedov Institute of International Law and Economics,
Moscow, Russia*

*V.A. Gavrikov, Bryansk branch of The Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration under the President of the Russian
Federation, Bryansk, Russia*

Аннотация. В статье рассматривается стихотворение М. Волошина «Поэту» в контексте традиции нормативных посланий, ведущих свою историю с античных времен. Доказывается, что Волошин аккумулировал ряд поэтологических тезисов, содержащихся

в адресованных стихотворениях Горация, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, а также представителей Серебряного века: Брюсова, Гумилева, Ахматовой. В стихотворении «Поэту» раскрываются воззрения зрелого Волошина на место поэта в обществе, его отношения к важнейшим онтологическим аспектам: творчеству, смерти, славе. В статье показывается, что Волошин адаптирует многовековую традицию посланий к своим представлениям, вырабатывая стройную поэтологическую концепцию, основами которой является гуманизм и стоицизм.

Ключевые слова: Максимилиан Волошин, адресация, поэтологические воззрения, революция, стоицизм.

Abstract. The paper deals with Voloshin's poem in the context of the normative epistle tradition, that were appeared in Antiquity. The authors argue that Voloshin accepts the row of poetologic theses were contented in addressed poems of Pushkin, Horatio, Lermontov, Nekrasov and poets of Silver Age, Brjusov, Gumilev, Ackmatova. Poem «To Poet» reveals ripe Voloshin's views on poet's function in the society, his attitude toward ontological aspects: life, death, creation, glory. The paper considers how Voloshin adopts centuries-old epistle tradition to his own world-view, developing poetological conception, based on humanism and stoicism.

Key words: Maximilian Voloshin, addressing, poetological conceptions, revolution, stoicism.

E-mail: lgkihney@yandex.ru , yarosvettt@mail.ru

Стихотворение «Поэту» написано Максимилианом Волошиным в 1923-25 гг. как своего рода «программная декларация». Так это произведение определил его сам Волошин в письме к К.И. Чуковскому от 20 ноября 1923 года [3]. Стихотворение имеет четкий биографический подтекст: в 1923-1924 годах поэт подвергся ожесточенным нападкам со стороны представителя «левого искусства». Критические выпады против Волошина напечатаны в «Правде» (П. Сосновский), в «Молодой гвардии» (Г. Лелевич), в журнале «На посту» (Л. Авербах, С. Родов, В. Скуратов, Б. Таль). Поэта причислили к «чужим», его творчество определили как «контрреволюцию в стихах», хотя сам Волошин не стремился к конфликту, более того – он хотел иметь ровные отношения с новой властью.

Итак, перед нами своего рода поэтический манифест, но и, одновременно, это еще и адресованное стихотворение, которое подключается к посланиям, задающим определенные правила поэзии или нормы эстетического поведения поэтов. Как правило, такие послания (синонимичны библейским посланиям) содержат «догматические предписания» с позиций определенного литературного направления или, по крайней мере, с некоторой эстетической позиции.

Исходя из традиционного канона послания, исследователи различают адресации, обращенные к: (1) абстрактно-отвлеченному или условному адресату; (2) собирательному (массовому, групповому) адресату (3) конкретному лицу. Эти типы продолжают типологию адресации, укорененную в русской и западноевропейской поэзии [4, с. 65]. Рассматриваемое стихотворение адресуется обобщенно-риторическому адресату. А по содержанию может быть отнесено к типу «нормативных», «цеховых» посланий, то есть стихотворений, адресованных поэтом к собратьям по перу.

Если определить прикрепленность данного стихотворения к традиции поэтологических адресаций, то можно отметить, что Волошин возвращается к античным истокам. Это доказывается уже на метроритмическом уровне: поэт использовал 6-стопный дактиль, в русской традиции передающий гекзаметр. В этой связи очевидна корреляция текста Волошина с «Посланием к Пизонам» Горация, которое написано тем же размером. Здесь впервые деятельность поэта связана со служением пророка:

Нет! ты не будь таковым! Не пиши без согласия Минервы!

Некогда древний Орфей, жрец богов, провозвестник их воли,

Диких людей отучил от убийств и от гнусной их пищи.

.....

Древняя мудрость в том вся была, чтоб народное с частным,

Чтоб святыню с мирским различить, дать браку уставы,

*Строить грады, на древе вырезывать людям законы.
Вот оттого и божественным именем чтили поэтов,
Как и пророчеством звали их песнь! [9]*

В послании к Пизонам есть конфликт толпы и поэта, здесь же звучит предостережение Августу, который намеревался возродить древний театр как искусство народных масс и использовать его в целях политической пропаганды. Гораций полагает, что принцепсу не следует угождать грубым вкусам и прихотям необразованной публики.

Кроме того, Гораций утверждает, что поэту негоже идти вслед за общим мнением, ибо оно продажно:

*Как публичный крикун скликает толпу на продажу
Разных товаров, так и поэт, богатый землями,
Деньги пускающий в рост, собирает льстецов и дарит их.
Но кто большие обеды дает, кто ручается в долге
По бедняге и моте, которому больше не верят,
Или кто плута в суде от хлопот защитит, – сомневаюсь,
Чтобы мог различить он прямого от ложного друга.
Если кого ты дарил иль подарок кому обещаешь,
Слушать свои сочиненья его не зови: будь уверен,
Что он в радости сердца всегда закричит: «Бесподобно!» [9]*

Разумеется, в стихотворении Волошина прочитывается и классическая русская традиция, где послания к собратьям по перу были довольно распространены. В первую очередь следует вспомнить два стихотворения «Пророк» – Пушкина и Лермонтова. В частности, у Волошина, как и у Лермонтова, прослеживается образ Поэта-пророка, не понятого современниками: «Правду отплатят тебе клеветой, ругательством, камнем...». Ср. у Лермонтова:

*Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья. [5]*

Мысль о том, что пророческое служение Поэта есть призыв к действию, к деятельному изменению людского сознания, тоже сближает текст Волошина с указанными первоисточниками, в том числе – с античным. Ср. у Лермонтова в стихотворении «Поэт»:

*В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?
Бывало, мерный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы... [5]*

Перед нами антиномия истинного служения и продажной поэзии. Поэтому-то творцу и нужно остерегаться толпы, ее вкусов и почестей. Вот как это выражено у Пушкина:

*Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм. [8]*

Ср. у Волошина:

Остерегайся... шума и славы...

Будь один против всех: молчаливый, тихий и твердый.

Воля утеса ломает развернутый натиск прибоя.

Власть затаенной мечты покрывает смятение множеств! [3]

Далее в русской поэзии жанр дидактического или нормативного послания появляется в моменты формирования новой концепции поэта (что совпадает со сменой направлений, формирования нового эстетического мировоззрения). Как только происходит смена эстетической парадигмы, смена направлений, позиционируется (программно провозглашается) новая концепция поэта, задается нормативный образ поэта и задачи искусства.

Так, в послепушкинскую эпоху развернулась эстетическая полемика демократов и представителей чистого искусства, это способствовало появлению стихотворных посланий, обращенных к художнику и типологически восходящих к пушкинскому «Поэту». Эталонные черты художника, выводимые из представлений авторов о сущности и назначении искусства, утверждались не только в манифестарных призывах, но и косвенно: путем развенчания, обличения поэта противоположного лагеря или спора с ним. Например, стихотворения «Псевдопоэту» А. Фета, «Поэту-гражданину» Я. Полонского полемически обращены к Н.А. Некрасову. Хотя ни тот, ни другой автор намеренно не конкретизируют адресата, что придает их произведениям обобщающе-декларативный смысл.

Послания Н.А. Некрасова «Поэту» (1874), «Поэту» (1877) также имеют контекст межгрупповой полемики, но цель его обращений гораздо шире. Автор ставит ключевой для своего времени вопрос о роли поэзии в обществе, о назначении художника. В послании «Поэту» (1874), обращаясь к коллизии пушкинского сонета, Некрасов с новых позиций решает проблему художника и толпы:

Прости слепцам, художник вдохновенный,

И возвратись! Волшебный факел свой,

*Погашенный рукою дерзновенной,
Вновь засвети над гибнущей толпой. [7]*

Обратим здесь внимание на образ источника света, который был и у Пушкина: «Так пускай толпа ... плюет на алтарь, где твой огонь горит...» («Поэту»). Волошин наследовал этот образ, с него начинается рассматриваемое стихотворение: «Горн свой раздуй на горе...».

Пророческое обладание духовной силой, способной изменить человеческое сознание, по мысли Некрасова, налагает общественные обязанности на поэта. Поэтому эстетическая декларация Некрасова выражается в императивной форме:

*Казни корысть, убийство, святотатство!
Сорви венцы с предательских голов,
Увлекших мир с пути любви и братства,
Стяжанного усилиями веков.*

*На путь вражды! ... В его дела и чувства
Гармонию внести лишь можешь ты.
В твоей груди, гонимый жрец искусства,
Трон истины, любви и красоты. [7]*

И, конечно, в этом контексте нельзя не вспомнить сакраментальное: «Поэтом можешь ты не быть, / Но гражданином быть обязан». Обратим здесь внимание на «фактор адресата». В теории коммуникации при равенстве коммуникантов речевая ситуация является симметричной, тогда как в случае общения в рамках концепции «учитель – ученик» возникает ассиметричная речевая коммуникация. Ассиметричная коммуникация «Учитель – Ученик» соответствует речевому типу «дидактическая беседа». Как указывает В.П. Москвин, дидактическая беседа направлена на разъяснение, наставление и

воспитание. «Давно замечено, что речевые акты совета и передачи информации ставят лицо в сильную коммуникативную позицию, волнение и возбуждение – в слабую» [6, с. 80].

Адресованные послания в Серебряном веке сохраняют свою актуальность, хотя порой решены с иных, чем это было у представителей XIX века, методологических позиций. Так, для символизма была характерна организация диалогического пространства, в котором обсуждались бы важнейшие эстетико-философские проблемы искусства и формировалась новая концепция личности современного художника. Такой высокой цели соответствовал тип отношений «учитель – ученики», предполагавший назидательное обращение к некоей абстрактной аудитории, аудитории избранных, стремящейся приобщиться к символистским ценностям.

Подобный тип адресаций обычно реализуется в поэтическом манифесте, стихотворной декларации. Абстрагированность адресата приводит к тому, что он становится лишь поводом к высказыванию авторской позиции. Тем не менее, адресат представляет собой объект авторской дидактики, на который автор имплицитно ориентируется и который метонимически обнаруживается в обращениях, утверждениях, вопросах, которые как бы требуют от адресата не столько ответной словесной реакции, сколько ответного действия. Эти адресации по своей речевой структуре нередко тождественны «речевым актам» и изобилуют побудительными конструкциями. Это связано с тем, что функция подобных адресаций – сформировать эталонный образ поэта, коррелирующий с жизнетворческими и панэстетическими установками символизма.

Среди ярких риторических посланий символизма можно назвать произведения Вяч. Иванова («Поэт, ты помнишь ли сказанье?» из цикла «Поэту»), А. Блока («Поэту» («Я встретил вновь тебя, поэт...»)). Ту же жанрово-риторическую традицию продолжили и акмеисты – Н. Гумилев («Поэту» («Пусть будет стих твой гибок, но упруг...»)), А. Ахматова («Художнику»), М. Цветаева (цикл «Поэты») и др.

Особенно много адресаций указанного типа у Валерия Брюсова, увлеченного проблемами консолидации сторонников нового течения и выработыванием общих философских и эстетических правил. Назовем наиболее яркие образцы подобных адресаций: «Юному поэту» (1896), «Поэту» (1906), «Равному» (1906), «Служителю муз» (1907), «Начинающему» (1906) с образом адепта нового течения. При этом главной темой символистского послания становится концептуальное осмысление личности современного художника во всем многообразии его связей с действительностью и искусством.

В финале таких стихотворений часто присутствует «инициационный» момент – перед адресатом ставится определенное «условие», выполнение которого позволит ему считаться истинным поэтом. Ср. в «Начинающему», (1906):

*Пиндар, Вергилий и Данте, Гете и Пушкин – согласно
В явные знаки вплели скрытых намеков черты.
Их угадав, задрожал ли ты дрожью предчувствий неясной?
Нет? так сними свой венок: чужд Полигимнии ты. [2]*

При этом особенность адресации в посланиях этого типа состояла в том, что «обобщенный адресат», который обычно репрезентировал фигуру «поэта-неофита» или поэта «вообще», представлял собой объект целенаправленного эстетического воздействия. Яркий пример – стихотворение В. Брюсова «Юному поэту» (1896):

*Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее – область поэта.*

*Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно... [2]*

В этом стихотворении представлены основные теоретические положения символистской эстетики (утопическая устремленность в будущее, идея панэстетизма и установка на крайний индивидуализм). Панэстетические интенции разворачиваются в другом «дидактико-эстетическом» послании В. Брюсова – «Поэту» (1907):

*Быть может, все в жизни лишь средство
Для ярко-невучих стихов,
И ты с беспечального детства
Ищи сочетания слов... [2]*

Что касается акмеистов, то и они в своих поэтологических посланиях были не чужды назидательности. Более того, некоторые мысли, высказанные Гумилевым и Ахматовой, поразительно совпадают с теми, что впоследствии будут заложены в стихотворении Волошина. Например, это мысль о неверности ученичества, которая является продолжением классического тезиса об онтологическом одиночестве поэта. Гумилев 1921 году пишет «Молитву мастеров»: «Храни нас, Господи, от тех учеников, / Которые хотят, чтоб наш убогий гений / Кощунственно искал всё новых откровений» и т.д. У Ахматовой присутствует похожая мысль (стихотворение «Нам свежесть чувств...», 1915):

*Иди один и исцеляй слепых,
Чтобы узнать в тяжелый час сомненья
Учеников злорадное глумленье
И равнодушие толпы. [1]*

Ср. у Волошина:

Остерегайся друзей, ученичества шума и славы.

Ученики развинтят и вывихнут мысли и строфы.

Только противник в борьбе может быть истинным другом. [3]

Но что интересно: в те годы, когда символисты и акмеисты активно обменивались назидательными и полемическими посланиями, в центре которых были поэтологические вопросы, Волошин находился как бы в стороне от общей «дискуссии». В нулевые и десятые годы у него почти нет назидательных посланий – он не выступает ни как мистагог, ни как учитель, ни как жрец-теург. Послания к братьям по ремеслу это, в основном, стихи на случай. И лишь в «годину гнева и беды» поэт становится в позицию пророка.

Волошинский Поэт – выразитель стихии, в том числе и людской и в то же время, он укротитель, утишитель стихии, творит из нее гармонию и красоту – не случайно уже в первой строке появляются ассоциации с Гефестом – олимпийским богом-кузнецом. Помимо этого, Волошин стихию природную отождествляет со стихией народной. Причем голос стихии оплодотворяет, окрыляет душу, и в то же время, нельзя погружаться в толпу, идти за ней – перед нами парадокс, созданный с помощью анжамбемана: «над морем // Человеческих множеств...».

Народная стихия здесь дана в античном – дионисийском бесновании, что заключено в формуле «смятение множеств». Волошин говорит о стремлении стихи к возвышенным идеалам и тут же эти идеалы ниспровергает: справедливость в стихотворении соотносится со слепым карающим мечом, любовь вызывает спазмы, которые «выворачивают народы», «пулемет вещает о сущности братства»...

В тексте имплицитно проявляются лозунги французской революции: свобода, равенство, братство, истинный смысл которых раскрылся в кровавой истории мятежа, унесшего тысячи человеческих жизней. Разумеется, революционная проблематика экстраполируется и на революции российские – недаром в тексте появляется пулемет. Тем не менее несмотря на личную загнанность, на красный террор, свидетелем которого был Волошин, остается на гуманистических позициях. Поэт призывает:

Верь в человека. Толпы не уважай и не бойся.

В каждом разбойнике чти распятого в безднах Бога. [3]

Итак, стихотворение Волошина, продолжая жанровую традицию поэтологических посланий, идущую еще с античности, выводит философско-эстетическое содержание стихотворения на новый уровень. Его стихотворение представляет осмысление и переработку ключевых текстов указанного риторического жанра. При этом стихотворение написано уже зрелым поэтом, это послание завершающего типа, это своего рода подведение итога многовековой традиции.

Перед нами и согласие, и полемика с предшественниками, на стыке этих двух тенденций возникает новая концепция поэта. Волошин в первую очередь пишет не о пророке, а сам выступает в качестве пророка-визионера, он не только учительствует, но оставляет своеобразное завещание. В годы красного террора и неприятия поэта советской властью Волошин в любой момент мог быть казнен как «неблагонадежный». Кстати, мысли о собственной безвременной кончине нередко появляются у Волошина в начале 20-х годов. Самый яркий пример: стихотворение 1922 года «На дне преисподней», посвященное памяти Блока и Гумилева, ушедших в 1921-ом:

Темен жребий русского поэта:

Неисповедимый рок ведет

*Пушкина под дуло пистолета,
Достоевского на эшафот.*

*Может быть, такой же жребий выну,
Горькая детоубийца – Русь! [3]*

Здесь Волошин выводит основной закон поэзии и судьбы поэта, который в новых образах будет повторен в стихотворении «Поэту»: хорошая поэзия – это запрещенная поэзия, а удел поэта – постоянно находиться на грани двух миров, и даже слава у современников – не что иное, как «намогильный камень». Однако зная свой «темный жребий», поэт должен стоически переносить все ниспосланное свыше, так как и удел Бога – быть «распятым в безднах».

Список литературы

1. *Ахматова А. Сочинения в 2 т. – М.: Художественная литература, 1987.*
2. *Брюсов В. Собрание сочинений: В 7 т. – М., 1973–1975.*
3. *Давыдова З.Д., Купченко В.П. Послания Максимилиана Волошина // Наше наследие. 1989. № 1. http://az.lib.ru/w/woloshin_m_a/text_0280.shtml*
4. *Круглова Т.С. Адресованная лирика русского модернизма: поэтологический аспект: дис. докт. филол. наук. – М., 2013. – 482 с.*
5. *Лермонтов М.Ю. Полное собрание стихотворений: в 2 т. – Л.: Советский писатель, 1989.*
6. *Москвин В.П. Риторика и теория коммуникации. Виды, стили и тактики речевого общения. – М.: URSS, 2012. – 168 с.*
7. *Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений в 3 т. – Л.: Советский писатель, 1967.*
8. *Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. – М.: ГИХЛ, 1959–1962.*
9. *Хрестоматия по античной литературе. В 2 т. – М: Просвещение, 1965.*

**АРХЕТИПИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ТРИКСТЕРА В
СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ**

*У.А. Комиссарова, Институт международного права и экономики
имени А.С. Грибоедова, г. Москва, Россия*

**ARCHETYPICAL CONCEPTS OF THE TRICKSTER IN MODERN
LITERARY STUDIES**

*U.A Komissarova, Institute of International Law and Economics named
after A.S Griboedovag, Moscow, Russia*

Аннотация. Данная статья посвящена рассмотрению архетипической концепции трикстера в современном литературоведении, а также, выявлению общих закономерностей и бытования данного архетипа в литературе.

Ключевые слова: трикстер, архетип, литературоведение, генетические корни, мифология.

Abstract. This article is devoted consideration archetypical trickster concept in modern literary studies. And also, determination regularity and existence of an archetype in literature.

Key words: trickster, archetype, modern researchers, genetic roots, mythology.

E-mail: Komissarov99999@yandex.ru

В современном литературоведении продолжает активно изучаться проблема художественного преломления различных мифологических образов и архетипов в художественно-литературных произведениях. При этом образ трикстера занимает в этой исследовательской литературе не последнее место. Среди исследователей данного феномена, наибольший вклад в развитие трикстера сделали такие исследователи и ученые как: Карл Юнг, Пол Радин, Е.М. Мелетинский, Леви-Стросс, В.И. Иванов и В.В. Топоров, Ю.И. Манин, Г.Л. Пермяков, Е.А. Костюхин, Ю.М. Лотман, Е.С. Новик (см. Список литературы).

Благодаря исследованиям ученых, занимающихся трикстерной проблематикой, удалось выявить ряд основных характеристик для героя-трикстера.

Так, основной функцией трикстера в культуре является функция «провокационная». Трикстер постоянно томим своего рода «духовной алчбой», неким видом душевного голода, что заставляет его рушить каноны и перестраивать уже закрепленные традиции. Его поступки и проделки всегда вносят изменения, как отрицательные, так и положительные. Таким образом, трикстер выступает в роли «вечного двигателя», который спасает мир от застоя и регресса.

Генетические корни героев-трикстеров уходят в мифологию всех народов мира. Другой источник формирования исследуемого архетипа ученые видели в мировом фольклоре, в частности, животном эпосе, народных сказках, средневековых шванках и фаблю. Именно здесь можно увидеть яркую характерологию трикстерного архетипа и сюжетную типологию его сюжетной реализации.

Так, Карл Юнг обозначил образ трикстера как один из важнейших для личности архетипов, названный им «Тень». Определил его функции и роль, как в психологии, так и в художественно-литературных произведениях [21, 22, 23, 24].

Пол Радин в своих исследованиях проанализировал роль трикстера в мифах и легендах североамериканских индейцев и показал, как повествования о мифологическом плуте переходит в сказку о животных [17: 286].

Е.М. Мелетинский глубоко разрабатывает генетический аспект проблемы архетипа трикстера. Так истоки трикстерной образности он находит в мифах. В своей статье «Культурный герой» исследователь подробно анализирует происхождение образа трикстера-димеурга, рассматривает сходство и различие Культурного героя и героя трикстера, а

также выделяет его основные черты и функции в мифах различных культур [14, 15].

Леви-Стросс в своей работе «Культурная антропология» также как и Мелетинский рассматривает трикстера как плута-озорника. Выделяет в нем одну из важнейших функций – функцию «медиатора». Говорит о том, что трикстер является ключевым звеном в мифах и легендах, которое объединяет два мира, и служит «переходником» из одного мира в другой. Этим он объясняет и двойственную природу трикстера [12: 512].

Ю.М. Лотман отводит героям-трикстерам парадоксальную роль созидателей через разрушение. Приходит к выводу, что трикстер является автором «культурного взрыва» без которого невозможна культурная динамика и развитие. Объясняет такую черту трикстера как, нестабильность, связанную с сумасшествием, благодаря которой трикстер может действовать нестандартно [9, 10].

Феномен трикстера продолжает активно изучаться как в теоретическом, так и в историко-литературном аспектах, причем, наблюдается тенденция к расширению этого понятия. Исследователи находят сходство между образом трикстера и образом шута, что позволяет объединить эти два понятия в один архетипический образ. Так, Беатрис Отто в своем труде «Дураки: те, кого слушают короли», делает сравнительный анализ образов трикстера и шута [16: 496]. Она указывает на значительное сходство между ними, приводя в качестве аргумента тот факт, что сборники анекдотов о трикстере часто содержат сюжеты о службе трикстера в качестве придворного шута [16:45]. Однако автор также говорит и о важных различиях между шутом и трикстером. Беотрис Отто пишет, что трикстер является совершенно свободной личностью и он менее разборчив в выборе объекта своих насмешек и проделок, нежели шут: *«Осмеивая других людей, шуты часто руководствуются определенной долей человеческой доброты, которая не позволяет им одинаково относиться и к старому крестьянину, и к скупому кардиналу или продажному судье; насмешки шутов, как правило,*

нацелены на высмеивание какого-либо греха. Трикстер же, со своей стороны, редко задумывается о том, кого именно он «обжуливает» ради смеха или ради выгоды. Шут осознает, какой эффект могут иметь его насмешки, и поэтому часто использует свой дар для того, чтобы помогать людям, развлекать их, давать советы или разряжать обстановку в сложных ситуациях. Возможно, именно этот этический элемент, а также тесная связь с монархом отличают шута от трикстера – никому не подвластного плута и пройдохи» [16: 222]. Получается, что трикстер отличается от шута именно тем, что менее «включен» в социальную систему. При этом и трикстер и шут являются «провокаторами» и выполняют «провокационную» функцию.

Другой ученый, Олег Столяров, в своей статье «Природа шутовства» напрямую относит трикстеров к институту шутовства [19: 288]. В этой работе автор говорит о роли шута, прослеживает ее изменение на протяжении развития цивилизации, и акцентирует социальную роль шута в обществе [19: 203].

Д. Гаврилов в своем труде «Трюкач. Лицедей. Игрок. Образ трикстера в евроазиатском фольклоре» рассматривает функцию трикстера в периоды социальных преобразований, исследует трансформацию образа (от мифологической архаики до наших дней) [4: 288]. В первой главе («О функциональной роли Трикстера») исследователь подробно разбирает «феномен трикстера». Он говорит о этимологии самого термина, приводя несколько общих черт для героя трикстера, которые уже успели выявить Мелетинский и Юнг: «Собственно, слово «трикстер» в буквальном переводе с английского означает «обманщик, хитрец, ловкач» и происходит от *trick* – трюк, хитрость, обман; шутка, шалость; фокус, умение, сноровка. Производные формы: *tricksy* – ненадежный, обманчивый, шаловливый, игривый, разодетый, нарядный; *tricky* – сложный, запутанный, мудреный, хитрый, ловкий, находчивый, искусный – в зависимости от контекста. В современном русском языке для этого понятия есть множество синонимов

или слов, близких по смыслу: шут, скоморох, плут, обманщик, лицедей, «дурак», или заимствованных – паяц. Все они в той или иной степени отражают стороны трикстера как вещи, объединяющей их в себе, ибо она нарушает общепринятые границы, установления, порядок» [4: 7-10]. Далее автор выводит понятие «атака трикстера» и выявляет, что первые признаки этой «атаки» это – «крушение самых точных и выверенных наперед планов» [4: 27-34].

Стоит отметить, что о чем-то подобном, в своей статье «Трикстер, или Путешествие в Хаос», говорит и Юлия Чернявская. Для подтверждения своей теории, Чернявская обращается к исследованиям Ю.М. Лотмана [20: 37-52]. Так, Лотман в работе «Культура и взрыв» формулирует тезис о том, что культура движима «взаимонеобходимостью контраста между типовой для социума модели поведения и нетипового поведения личности» [9: 263]. Возникая как нарушение и долгое время существуя как «изъян» на фоне «привычной» культуры, феномен аномального поведения создает динамическое напряжение между принятым и непринятым. В результате происходит «взрыв», знаменующий вхождение новации в семиосферу». То есть трикстер в некотором роде является новатором. Благодаря «взрыву», который он вносит в общество, происходит дальнейшее развитие этого самого общества [9: 62].

Так, Чернявская в своей статье пытается найти «виновника» этого культурного «взрыва» и приходит к выводу что это «сумасшедший» (трикстер): *«Кто же «автор» взрыва, в силу отрицания самого «взрыва» нередко остающийся анонимным? Лотман считает, что это – сумасшедший. Он – антипод как «умного», так и «дурака». Ибо его качества – рисковость, непредсказуемость, нахождение новых путей – противостоят, как хитрости «умного», так и лобовому поведению «дурака»* [20: 50-51]. Таким образом, автор приходит к выводу, что трикстер - это *«живое воплощение ситуативности»* [20: 50-51].

Также, Чернявская, выделяет еще одну неотъемлемую черту трикстера - предрасположение к уничтожению. Автор использует тезис «Трикстер как персонификация взрыва»: *«трикстер, возникая как аномальное нетиповое явление, нарушение, создает динамическое напряжение между «принятым» и «непринятым», в результате чего происходит «взрыв», начало развития новых тенденций, которые по прошествии времени понимаются как традиция»* [20: 49]. Далее Чернявская отмечает, что трикстер может существовать только в рамках запрета, то есть только в том случае, если в культуре будет существовать некое табу, запрет или обрядовость. Здесь же К. Чернявская выводит понятие «атака трикстера» и говорит, что первые признаки этой «атаки»: *«крушение самых точных и выверенных наперед планов»*. Автор также утверждает, что центральной частью трикстера является «утрированная внутренняя конфликтность». Именно поэтому трикстер зачастую «воюет» со своим телом и воспринимает свои органы как отдельное существо. Из этого суждения автор выявляет ещё одну трикстерную черту – «детскость» [20: 49].

Новый взгляд на трикстера можно увидеть и в работе Марка Липовецкого [8: 224-245]. Автор рассматривает данный архетип в рамках советского периода. В своей статье «Трикстер и «закрытое» общество» исследователь пишет, что трикстеры становятся главными героями фильмов, литературных произведений, анекдотов. В советской культуре герою-трикстеру отведено отдельное место. Почти большая часть персонажей, которые обрели массовую популярность в советской культуре, представляют собой различные версии именно этого древнего архетипа. Перед нами не просто обманщики или коварные божества, теперь на передний план выходят такие фигуры как «креативные идиоты» и «злые гении», которые объединяют в себе черты таких персонажей как, «жестокий клоун» и «культурный герой», обладающие «подрывной деятельностью» (склонность к разрушению), которая парадоксальным образом несет в себе «культуростроительный» эффект. Так, автор статьи относит к «советским

трикстерам» таких персонажей как: Буратино А. Толстого, Незнайку Николая Носова, Старуху Шапокляк Эдуарда Успенского – из советских сказок; Воланда Михаила Булгакова, Остапа Бендера из романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова, Беню Крика из романа Исаака Бабеля [8: 234].

В «советском трикстере», М. Липовецкий, выявляет новую черту: «меркантильный интерес». Так если раньше, у традиционного трикстера мы чаще всего видели увлечение самой «игрой», процессом игры, то у советского трикстера преобладает расчетливость. Вторая черта, которая свойственна трикстерам подобного рода - это то, что «советский трикстер» в большинстве случаев зависит от некоего хозяина и «его мобильность определяется сменой хозяев», в то время как исходный трикстер это - независимый персонаж, имеющий абсолютную свободу и страсть к злым шуткам и коварству. Причем все его «зловредные» выходки идут исключительно из-за любви к розыгрышам и ради собственного развлечения. Именно поэтому «советский трикстер» имеет функции, отличающиеся от своего мифического предшественника [8: 244-245].

Так, Липовецкий выделяет четыре важнейшие функции «советского трикстера», которые наиболее отчетливо актуализируются в советской культуре: амбивалентность и функция медиатора, лиминальность, трансформация плутовства и трансгрессии в художественный жест, связь с сакральным контекстом. Также стоит отметить, что в отличие от мифологических трикстеров, которые функционируют на уровне космогонии, «советские трикстеры» разворачиваются в мире советской культуры и идеологии [8: 244-245].

Ещё одно важное различие, о котором в своей статье «Трикстер и «закрытое общество» пишет Липовецкий это - различие между мифологическим героем и культурным архетипом трикстера [8: 224-245].

Подводя итоги нашего обзора, необходимо подчеркнуть, что существует множество исследователей, которые занимаются изучением «феномена трикстера» в культуре, мифологии и литературе. На основе их

исследований можно выявить общие характерные черты и функции свойственные трикстерам, а также проследить роль и развитие данного архетипа в современном литературоведении.

Так, проанализировав работы исследователей, которые занимаются трикстерной проблематикой, можно выделить в образе трикстера ряд ключевых черт:

- бессознательность;
- зооморфность и оборотничество; «животное» и «провокационное» начало;
- стремление к нарушению табу и границ норм морали;
- двойственность и возможность пересекать границы миров;
- обладание схожими чертами с образом шута;
- «смеховое начало» (комичность);
- присутствие утрированной внутренней конфликтности и «детскости»;
- включение архетипа Тени;
- умение создавать из своего тела предметы, что роднит трикстера с образом демиурга;
- трансформация плутовства и трансгрессии в художественный жест;
- перформанс;
- элемент трюка (забавные проделки и злые шутки шаманов);
- амбивалентность;
- лиминальность и функция медиатора;
- связь с сакральным контекстом.

Основной функцией трикстера в культуре является функция «провокации».

Также, на основе данных исследований можно условно (условно, потому что сам трикстер - персонаж неординарный и двойственный)

поделить героев-трикстеров на **3 вида**. При разделении на виды мы учитываем период бытования героя-трикстера и его самые наглядные и колоритные черты и функции. Стоит сделать оговорку, что мы не берем 4 основные функции и черты, которые восходят от мифологических традиций и заключаются в самом архетипе, поскольку они обязательно будут присутствовать в образе трикстера в большей или меньшей степени.

Так, мы выделяем мифологического (архаического) трикстера, традиционного (или классического) трикстера, «советского трикстера (по Марку Липовецкому) и современного трикстера.

Главными отличиями **мифологического трикстера** от других видов служат:

- функция демиурга (функция первопредка);
- бессознательность;
- животное начало;
- зооморфность и оборотничество;
- стремление к нарушению табу и границ норм морали;
- может содержать в себе образ Культурного героя или быть его антагонистом;
- брат-близнец (или злой двойник) Творца мира.
- существует в рамках раннего мифологии и раннего фольклора.

Особенности традиционного трикстера:

- соотносится с образом шута в силу наличия комической составляющей в его модели поведения;
- является помощником главного героя (или злая тень главного героя);
- чаще всего не существует как отдельный персонаж;
- в сюжете с таким героем, зачастую присутствуют элементы трюков и шуток-обманок.

«Советский» трикстер отличается от своих предшественников:

- появлением в его характере и модели поведения меркантильного интереса;
- его мобильность часто определяется сменой хозяев;
- в трикстере исчезает такая черта как бессознательность (герой-трикстер все чаще ставит перед собой цель и задачи, или эти задачи ставит для него его «хозяин»);
- период «существования» – советское время.

Как следует из анализа, со временем, трикстер перестает быть только архетипом или персонажем мифологических, этнических легенд и мифов. Теперь на первый план выходят литературные и культурные типы, которые отличаются друг от друга, но при этом имеют один общий «знаменатель», определенный набор качеств, свойственный именно трикстерам. Именно этот набор является устойчивой риторической конструкцией, к которой мы привыкли и которая повторяется в литературе и культуре различных эпох.

Список литературы

1. *Аверинцев С. С. Аналитическая психология К.Г. Юнга и закономерности творческой фантазии. М.: Вопросы литературы, 1970. Цит. по: URL. Режим доступа: <http://www.jungdream.ru/library/other-articles.html>.*
2. *Большакова А. Ю. Литературный архетип. М.: Литературная учеба, 2001. Т. 6. С.171.*
3. *Большакова А. Ю. Теория архетипа на рубеже XX — XXI вв. М.: Вопросы филологии, 2003. Т. 1. С. 37-47.*
4. *Гаврилов Д.А. Трюкач. Лицедей. Игрок. Образ трикстера в евроазиатском фольклоре. М.: Ганга, Слава, 2009. 288 с.*
5. *Гаврилов Д.А. Трикстер // Лицедей в евроазиатском фольклоре. М.: Социально-политическая мысль, каф. истории соц. полит. учений. филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 2006. 240 с.*
6. *Гаврилов Д.А. Трикстер в период социо-культурных преобразований: Диоген, Уленипигель, Насреддин / Experimentum-2005.*

Сборник научных статей философского ф-та МГУ. М.: Социально-политическая мысль, 2006. 192 с.

7. Кереньи К.К. Трикстер и древнегреческая мифология // Радин П. Трикстер: Исследование мифов североамериканских индейцев / С комментариями Юнга и Кереньи. СПб.: Евразия, 1999. С. 242-264.

8. Липовецкий М.Н. Трикстер и «закрытое» общество // Новое литературное обозрение, 2009, № 100. С.224-245.

9. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: «Гнозис», 1992. 263 с.

10. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. С. 282.

11. Литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины. Под редакцией: В. Чернец. М.: Высш. шк.; Издательский центр Академия, 1999. 556 с.

12. Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. В.В. Иванова. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.

13. Бодкин М. Архетипические образы в поэзии. Лондон и Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 1934. С. 79.

14. Мелетинский Е.М. Культурный герой // Мифы народов мира. Т.1. М.: Сов. энцикл. 1982. С. 942-950.

15. Мелетинский Е.М. Миф и сказки. М.: Наука, 1963. 407 с.

16. Отто Б.К. Дураки. Те, кого слушают короли / Пер. с англ. З. Фиалковского. / Пер. с англ. и кит. К. Хмелевского. СПб.: Азбука-классика, 2008. 496 с.

17. Радин П. Трикстер. СПб.: Евразия, 1999. 286 с.

18. Радин. П. Трикстер // Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи. СПб.: Евразия, 1999. С. 265-286.

19. Столяров О.О. Природа шутовства // Гаврилов Д. Трюкач. Лицедей. Игрок. Образ Трикстера в евроазиатском фольклоре. М.: Ганга, Слава, 2010. 288 с.

20. Чернявская Ю.В. Трикстер, или Путешествие в хаос // Человек. 2004, № 3. С. 37-52.
21. Юнг К.Г. О психологии образа трикстера. Комментарий к книге Пола Радина Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев // Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев. СПб.: Евразия, 1999. С. 265-286.
22. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. К.: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. С. 231-239.
23. Юнг К.Г. Архетип и символ. СПб.: Ренессанс, 1991. С. 211-232.
24. Юнг К.Г. Дух Меркурий. М.: Канон, 1996. 384 с.

Научное издание

**РОССИЯ В МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА В ГУМАНИТАРНОЙ И
СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ**

**Материалы Международной научно-практической конференции
(Москва – Пенза, 11 декабря 2016 г.)**

Сдано в производство 17.12.16. Формат 60x84 1/16
Бумага типогр. № 1. Печать трафаретная. Шрифт Times New Roman Cug.
Уч.-изд л. 23,29. Усл. печ. л. 23,01. Заказ № 2521.

Пензенский государственный технологический университет
440039, Россия, г. Пенза, пр. Байдукова/ул. Гагарина, 1а/11